

В. В. РОЗАНОВ В ДНЕВНИКЕ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ Е. П. ИВАНОВА. ПИСЬМА РОЗАНОВА К Е. П. ИВАНОВУ

(Публикация О. Л. Фетисенко)

В близкое окружение В. В. Розанова входил самобытный мыслитель, писатель и публицист Евгений Павлович Ив́анов (1879—1942), впоследствии известный главным образом как ближайший друг А. Блока.¹ В определенной степени его даже можно назвать учеником Розанова.

Во втором «коробе» «Опавших листьев» Розанов упоминает как примету своей жизни Н. П. Ге и Е. П. Иванова «за чашкой чаю».² Тех же персонажей вспоминает среди редких людей, которым разрешалось «приходить днем», и старшая дочь Розанова, Татьяна.³ По воспоминаниям Д. А. Лутохина, «В<асилий> В<асильевич> среди них напоминал греческого философа в своей гимназии. Они вопрошали — а он разрешал все их недоумения».⁴

¹ См.: Максимов Д. Е. Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Сб. 1]. С. 344—361.

² Розанов В. В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. М., 2001. С. 345.

³ В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 52, 53. Ср. в воспоминаниях младшей дочери Розанова, Надежды Васильевны: «В раннем детстве из гостей помню только Евгения Павловича Иванова, по нашему прозвищу — „Рыженький“ из-за огненно-рыжих волос...» (Литературоведческий журнал. 2000. № 13—14. С. 59). Позднее Н. В. Розанова-Верещагина стала близким другом Е. Иванова и его сестры Марии Павловны. В письме к последней от 18 июня 1940 г. она заметила: «Евг<ений> Павлович такой большой человек, что все, что касается его, страшно важно и дорого» (ГМИ СПб, ф. А. Блока, XI-1527-р, л. 3 об.—4; до 2005 г. в фонде А. Блока, ныне фонд расформирован; здесь и далее указываем прежний шифр).

⁴ Лутохин Д. А. Воспоминания о Розанове // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 195. Ср. в его неизданной автобиографической книге «Итоги жизни»: «Из молодежи <...> неизменными были студент Е. П. Иванов и Н. П. Ге. Е. П. Иванов, друг Блока, искренний мистик, отличался своей, мистика, логикой — и понимать его для меня было трудновато. Но как человек он располагал к себе; его все знавшие любили. <...> Но если ВВ <Розанов> был душевно здоров, то длительное общение с ним влияло вредно на его учеников. <...> и Иванов, и особенно Ге — на моих глазах хилели» (РНБ, ф. 445, ед. хр. 2, [с. 49, 51]).

Розанов неоднократно упоминал Иванова в своих сочинениях. «Вот кто *естественный* профессор университета: сколько новых мыслей, какие неожиданные, поразительные замечания, наблюдения, размышления», — говорится о нем в «Опавших листьях».⁵

О характере отношений Розанова и Иванова лучше всего скажет дарственная надпись на книге «Из восточных мотивов» (Вып. 1—2. Пг., 1916): «Евгению Павловичу Иванову от „папы“ и „всей семьи Розановых“: с благодарностью за 20 лет дружбы. В. Розанов».⁶ Когда Розанов переезжал в Сергиев Посад, часть вещей была роздана знакомым, в том числе Ивановым. В незавершенных воспоминаниях Иванова (1936) упомянут, например, попавший к нему стол, за которым когда-то он пил чай рядом с Мережковскими.⁷

В архиве Иванова сохранилась интересная запись, озаглавленная «О посещении». В мае 1919 г. больной, почти умирающий человек составил ее для жены и дочери. На наш взгляд, очень важно упоминание Розанова в этом отрывке: «Без любви холод и смерть, без любви слова нет. Да выразится любовь и в посещении друг друга, не забывайте старых друзей. Так завещал Вас<илий> Вас<ильевич>...» (ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 41, л. 139 об.).

Как же попал Иванов в тот круг, что Лутохин сравнил с древнегреческой гимназией? В конце жизни он вспоминал о своем настроении на рубеже веков, об ожидании «нового слова», которое связывалось у него с именами Д. С. Мережковского и Розанова: «Мне верилось, что (вот! вот!) оно откроется: что уже близко его касаются Мережковский и Розанов, и еще миг — найдем это „всепобедное“ слово, о котором можно как встарь сказать: „слово мое крепко“ — аминь» (ИРЛИ, ф. 840, колл. М. С. Лесмана).

Старший брат Е. Иванова, Александр, учился в университете вместе с И. И. Ореусом (Коневским) и И. Я. Билибиным — отсюда его вхождение в круг мирискусников. Евгений внимательнейшим образом не просто читает, но изучает журнал «Мир искусства» и выделяет там статьи Мережковского и Розанова, воспринимая этих авторов как полных и несомненных союзников.

Первая запись в дневнике Иванова, связанная с Розановым, сделана 28 декабря 1901 г. Это конспект статьи Розанова «Смысл аскетизма» (1897).⁸ В незавершенных воспоминаниях Иванова конспективно передана история знакомства с Розановым:

«В окт<ябре> и ноя<бре> 1901 г. уже сектан<ство>. Хлысты. Литература. Сходство с идее<й> Мережковского, „двоеверие“ бездн<ы>. Розанов Вас<илий> ушел в язычество. <...> Розанов и мои наблюден<ия> в Эрм<итаже>. „Венера, кормящая грудью младенца“. Послал

⁵ Розанов В. В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. С. 260. Слова эти не принадлежат самому Розанову, а воспроизводят отзыв об Иванове его друга Н. Ге, но ясно, что Розанов целиком присоединяется к нему.

⁶ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 185.

⁷ «Пошли пить чай в столовую (за тем стол<ом>, который сейча<с> стоит у меня в ком<нате>). Розанов усадил меня рядом с собою по леву<ю> руку, чтоб мне не конфузно было, а налево от меня сел Мережковский» (ИРЛИ, ф. 840, колл. М. С. Лесмана).

⁸ ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 1, л. 36 об.—42 об. Далее при цитировании документов, хранящихся в этом фонде, указываются только единица хранения и лист.

письмо В. В. Розанову» 5-го марта. <...> Не надеялся получить ответ. <...> В смысле креста — „воскресение“. Крес = горение.

В связи с „кресением“ и „крестом“ вдруг письмо на столе от Розанова. Не верю глазам. <...>

Прячу письмо, не говоря о нем даже Саше брату.

Пишу ответ. <...>

В ответ 8-го получил опять письмо» (ИРЛИ, ф. 840).

Сохранились два черновых варианта первого письма Иванова.

«Глубокоуважаемый
Василий Васильевич!

Не знаю, какими словами воздать славу Богу и Вам за то, что Вы помогли мне увидеть отверстие небо и лестницу, соединяющую небо с землею, по которой, по слову Христа, мы узрим Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих на Сына Человеческого.⁹

Приношу Вам глубокую признательность, мой дорогой „раввунин“, как одному из посланных мне Богом учителей.

Простите за неуклюжесть выражений, Вы, конечно, не будете смеяться над моим разглагольствованием?» (ед. хр. 48, л. 1—1 об.).

Другой вариант был более обстоятельным:

«Многоуважаемый Василий Васильевич, зная Ваше глубокое понимание материнства и интерес, с которым Вы относитесь к этому вопросу, я решаю обратиться Ваше внимание на греческие изображения Афродиты-матери, попавшиеся мне случайно на глаза во время моих брожений по Эрмитажу в отделе древностей Босфора Киммерийского Эрмитажа. <...> Богиня представле<на> сидяще<й> на троне и ле<вой> рукой приде<рживает> малень<кого> Эрота, а в правой как<ую>-то игруш<ку> в виде шара пр<едставленную>?. Эта ста<туэтка> наход<ся> Зал XIII-ый в зале „терракотовых статуэток“, витрин<a> предпосле<дняя>.¹⁰

На одном из колец помещено изображение Афродиты, кормящей грудью Эрота (редчайшая композиция), на другом Эрот целует Афродиту.

Не намекает ли присутствие Эрота, довольно часто помещаемого рядом с Афродитой, на ее сродство с Матерью-Реєю-Герою, подобно тому как (по Вашему глубочайшему замечанию) присутствие сложной одежды намекает на сродство Афродиты с Дианой?¹¹

Афродиту, мне кажется, можно скорее представить матерью, чем Диану. С Афродитой — ребенок, с Дианой, насколько мне помнится, никогда не было до Рожд<ества> Христова. После Рожд<ества> Христова ребенок у Дианы — Божья Матерь.

Вышеозначенные кольца находятся в Зале Древн<остей> Босфор<a> Киммер<ийского> от входа направо у 6-ой колонны, в пирамидальной витрине № III, в № 1145 — отделена, если снизу считать во 2-ом и 3-м ряде № 299 а и 296 в.

В случае если Вам еще не приходилось видеть этих изображений, то, может быть, когда-нибудь Вам легче будет обратит<ь> внимание на них.

Остаюсь готовый к услугам
Вашим

Студент Университета
Евгений Павлович
Иванов.
Никол<аевская> ул., д. № 75, кв. 14»

(Там же, л. 1 об.—2 об.).¹²

⁹ Ср. Ин. 1: 51.

¹⁰ См.: Императорский Эрмитаж. Древние бронзы и терракоты (Зала XIV): Каталог. СПб., 1883.

¹¹ Подразумевается статья Розанова «Афродита и Диана» (см. примеч. 1 к письму Розанова от 6 марта 1902 г.).

¹² Ответные письма Розанова публикуются ниже.

17 марта 1902 г. (день, когда Иванов впервые побывал у Розанова на Шпалерной) описан в дневнике как эпохальное событие — настоящий переворот в жизни. В 1936 г. он вспоминал об этом вечере:

«Тут-то произошло мое выступление, т. е. впервые после моего вообще молчания в гостях и в доме при посторонних я вдруг прорвался и заговорил как „валаамова ослица“. Я заговорил как-то безудержно, точно летя очертя голову, выливая сразу все, что накопил и передумал за последние годы. Это было впервые со мною в жизни, и надо же, чтоб это было „через два в третий“ да еще 17-го,¹³ как предсказало видение отца в январе во время болезни, и теперь объяснялось как третий месяц (март, 17-го числа)» (ИРЛИ, ф. 840).

О переменах в своей жизни Иванов писал гимназическому другу Н. Б. Бакланову. Черновик письма — в дневниковой записи от 4 июня 1902 г.:

«Я же собстве<нно> совершеннейший профан в философии. Глав<ное> осно<вание> до Мереж<ковского> и Розанов<а>. Но из этого я кинулся им<енно> в Религ<иозную> сторону. <...> понял Бога (это самое трудное, что е<сть> на <свете>) и пон<ял> Христа. Первое, куда я, „купаясь в Мереж<ковском>“,¹⁴ броси<лся>, это был народный эпос. И уверяю тебя, чт<о> я и без хлыстов <...> стал хлыстом, читая наши древ<ние> поэмы. Да<лее> шло исследование сект и расколов. И здесь я увидел пол<ное> подтвержде<ние> своим предпол<ожениям> о Боге тела и Боге духа. Я до такой степени был все время уверен, что и друг<ие>, г<лавное> М<ережковский> и Р<озанов>, так и понимают все, что, к<огда> был в перв<ый> раз у Розан<ова> <...> не сомневаясь говорил о хлыстов<стве>, проходящем через весь наш эпос.

Тогда Мер<ежковский> за<метил>: „как глубоко пон<имает> он рус<ский> народ“, но почему-то телу <?> отказыв<аться> от хлыстовства. <...> Всего замечательнее то, что брат мой, исследуя текст и музыку му<зыкальных> дра<м> Вагнера, а я углубился в наш народ<ный> эпос и наш<и> секты, сошлись тепер<ь> таким изумительным образом, что прямо удивительно. <...> Вот об этой объеди<няющей> основе я и писал Розанову <...> Пуще все<го> боюсь я, что меня примут за зазнавшег<ося> хама. <...>

Но право же, я тут себе ничего не приписываю. Пусть они примут<т> ее, то есть эту идею. Хотя бы призн<ают>, что сами об ней раньше сказали, я же об этом все время и говорю им. Или если я так противен, то пусть познакомятся с братом мои<м>, он такой симпатичный, и от него примут ее. Но я христианин, для меня вопросы, которых я косн<улся>, так важны, зад<евают> жизн<ь>, я не отрывался от Церкви, я с нею сросшись, и чтобы понять и прийти к таким выводам, мне надо же было мучиться. Надо было понять Христа и полюбить Бога. Я научился этом<у> у них. Почему они не приним<ают>. Со времени писа<ния> я о многом переменял мнение. Да теперь я вижу, что окно в белую ночь, отражающее зарю и солнце, еще не есть само по себ<е> солнце. Я убедил<ся>, что не Мережков<ский>, ни Розанов, свидетельствуя о свете истин<ном>, еще не необходим<о> должн<ы> быть в это время Христом. „Иоанн не был сам свет, но он свидетельствовал об свете“.¹⁵ Да это все только предтечи. Но они бывают и христами ли<шь> тогда, когда их захватывает свет весь и дух и тело. * Кл<янусь?>, Бог духа и Бог тела одно. Там они подле Христа. Но Христ<ос> еще в мире разорван, мир так грешен. И в мире только чередуется Антихри<ст> и Христос. Христос разорвал Антихриста. Царствие же Бож<ие> на Земле будет, когда ос<танется> один Христос <...>

С 17 марта прош<ло> 2 с лиш<ним> месяца, но мне каж<ется>, что прош<ла> це<лая> вечность. Ты помн<ишь> меня в гимназии. Меня, ты знаешь, считают зубрилой глуповатым и туповатым, но, впрочем, добрым. И вот тепер<ь> вдруг я, безобразн<ый> утенок («безобразный утенок» сказка Андер<сена>), попадаю отче<го-то> в стаю лебедей. Я готов был крикнуть<ь>: убейте меня, ибо и от лебедей смерть при<нята> отродно. <...>

* «Не Я свидетельствую о себе, говори<т> Христос, и не др<угой> кто, но дела, которы<е> Я творю, свидетел<ьствуют>, что Я посл<ан> Отцем».

¹³ Число 17 Иванов считал приносящим особенно важные события в его жизни. Кроме того, он считал «17» «числом Петербурга».

¹⁴ Иванов приводит здесь чуть измененные слова из письма к нему Розанова от 18 мая 1902 г.

¹⁵ Измененная цитата: Ин. 1: 8.

Одн<им> сл<овом>, Иван-дурачок. <...> Ты знаешь, это слов<о> Роза<нова> — его вообще обращении<е>. А заод<но> и Мережковск<ого>» (ед. хр. 2, л. 2—6).

Отношение Иванова к Розанову было самым восторженным. Внимание останавливает один из эпизодов в его дневнике, прочитываемый прямо как сцена из Достоевского. Иванов бросается поцеловать руку любимого учителя (словно Подросток руку Версилова), а тот отстраняет со словами: «...потом меня ж еще ненавидеть будете».¹⁶ Но в дневнике отражены и некоторые колебания в отношениях Иванова с Розановым, сомнения в некоторых сторонах его учения — при всегдашнем сохранении самых теплых личных отношений.

Уже в первые годы общения с Розановым Иванов написал две статьи о нем для «Нового пути»: «О смрадном и святом (По поводу заметки А. Крайнего о г. Розанове)» (1903. № 10. С. 173—176) и рецензию на книгу «Семейный вопрос в России» (1904. № 7. С. 196—202).

Иванову пришлось несколько раз выступить «защитником» Розанова в Религиозно-философском обществе. Впервые вопрос об изгнании Розанова из общества рассматривался на заседании 9 ноября 1911 г. 8 ноября Блок записал в дневнике: «Возвращаюсь, а Женя идет с лестницы (он завтра <...> вечером читает доклад в заседании совета религиозно-философского общества)».¹⁷ Войдя домой, Блок прочитал оставленное Ивановым письмо:

«Милый Саша.

Заходил. Дело в том, что хотел сказать тебе относительно Розанова.

Слышал, что ты согласен подписаться под его отстранением. Ни Мережковские, ни Философов, ни Поликс<ена> Сер<геевна> не подписываются. Даже в случае уйдут из совета...».¹⁸

Разговор об этом был продолжен в день рождения Блока, 16 ноября:

«Обед у мамы — с тетей <...> и Женей (с ним разговор вечером — и с мамой. Женя воинствует). Женя: всякий поэт должен читать Евангелие. Об „изгнании“ Розанова, о Мережковских и мелком их бесе Философове, о „не только поэте“, о „не только человеке“, о „национализме“».¹⁹

«Болезненные» рассказы «Женички» о Розанове Блок упоминает и в дневниковой записи от 27 декабря 1911 г.²⁰

В 1911 г. Мережковские и Д. Философов еще «защищали» Розанова, к 1914 г. (после дела Бейлиса и известных статей Розанова) они превращаются в главных его гонителей.²¹ О выступлении Иванова на заседании Религиозно-философского общества, посвященном вопросу об исключении Розанова из общества, вспоминала Е. М. Тагер: «Как „Рыцарь Бедный“, стоит перед толпой худощавый, рыжеватый Е. П. Иванов, мольбой и рыданием звенит его тихий голос, отчаяние на его бледном, страдальческом ли-

¹⁶ См. ниже запись от 19 мая 1902 г.

¹⁷ Блок А. Дневник. М., 1989. С. 76.

¹⁸ Цит. по: А. Блок и Е. Иванов. Переписка. Воспоминания. М., 2007 (в печати).

¹⁹ Блок А. Дневник. С. 83.

²⁰ Там же. С. 99.

²¹ См.: Иванова Е. В. Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-Философского общества // Наш современник. 1990. № 10. С. 104—110.

це: „Богом молю вас, — не изгоняйте Розанова! Да, он виновен, он низко пал, — и все-таки не отрекайтесь от него! Пусть Розанов болото, — но ведь на этом болоте ландыши растут!”²²

В последние годы жизни Иванов использовал свой дневник как канву для воспоминаний; сохранилось несколько незавершенных вариантов, один из них (из коллекции М. С. Лесмана) мы используем в комментарии к дневниковым записям. В 1940 г., работая над воспоминаниями о Блоке, Иванов делал выписки из дневника, причем иногда дополнял их интересными подробностями. Достаточно сравнить короткую запись от 25 января 1904 г. (ед. хр. 5, л. 61 об.) и относящийся к этому дню фрагмент в одной из редакций воспоминаний о Блоке (приведено в комментариях).

Среди фрагментов к неоконченной мемуарной книге есть текст без начала и конца, посвященный нескольким эпизодам из первых дней общения с Розановым и Мережковскими, а также рассказывающий о начале знакомства с Блоком. Рукопись хранится в фонде Иванова в ИРЛИ и датируется не ранее 1936 г. В 1941 г. Иванов переписал эту обработанную часть воспоминаний о Розанове в отдельную тетрадку и дал ей совершенно «розановское» название — «Летающие листья».²³ Эта тетрадь была пасхальным подарком Н. В. Розановой (Верещагиной). Сохранилось и письмо к ней Иванова от 19 апреля 1941 г.:

Христос Воскресе!
Милая Наденька,

Целую трижды тебя и всех близких тебе с тобою. Дай Бог милости в здоровья и весеннем обновлении. На память принес тебе, что успел переписать из «летающих листьев» 1902 года. Начала не успел. Боюсь, уедешь.

Если не удастся сегодня, Суббота страстная, 19-го, то на днях завезу и передам.

Целую крепко, дружок мой милый и верный, с любовью. Е. Иванов.

«ел!» — это мой псевдоним (греческий «предлог» о = «к», «у» — «около»).

(ГМИ СПб, ф. А. Блока, XI-1702-р, л. 23).

В письме от 13 июня 1941 г. Иванов благодарил Н. В. Розанову: «Спасибо за отзыв одобрительный о моих воспоминаниях. К сожалению, мало таких мест, где записывались фразы, по которым восстает живой образ, например, Варвары Дмитриевны» (Там же. XI-1703-р).

Понятно, что самое ценное в записях и воспоминаниях Иванова о Розанове — это передача слов мыслителя. Этот пласт в публикуемых текстах довольно обширен. Многие записи такого рода могут стать предметом небольшого специального исследования. Наша задача — лишь ввести эти тексты в научный оборот, объем сборника не позволяет сделать вступительную статью и комментарии более развернутыми. При подготовке публикации трудно было принять решение — что предпочтительнее включить в нее: фрагменты воспоминаний или же дневниковые записи. Выбор был сделан в пользу последних, несмотря на присущее Ива-

²² *Газер Е. М.* Блок в 1915 году / Публ. З. Г. Минц // Учен. зап. Тартуского гос. университета. Тарту, 1961. Вып. 104. С. 302.

²³ Подзаголовок: «Из 1902 года. Фрагмент из книги». ГМИ СПб, ф. А. Блока, XI-1702-р.

нову некоторое косноязычие, в дневнике, конечно, проявляющееся с большей силой. Думается, что выбор оправдан, ведь именно эти отрывочные, иногда даже не вполне вразумительные записи сделаны «по горячим следам», а значит — без лишней рефлексии дают непосредственное отражение увиденного, услышанного, врезавшегося в память. В публикацию включены и многочисленные записи о Мережковских (не все, а лишь те, что хотя бы косвенно связаны с Розановым). Из воспоминаний о 1902 г., упомянутых выше, публикуем лишь ту часть, которая относится к Розанову. В опущенной нами части рассказывается о первых встречах с А. Блоком в 1903 г.

Тексты печатаются по автографам с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей подлинника. Письма Розанова: ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 89; ОР Государственного литературного музея, ф. 104, д. 8; дневниковые записи Иванова: ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 1—39; фрагмент воспоминаний «1902 год»: Там же, ед. хр. 79, л. 1—37. Письма, хранящиеся в ИРЛИ, датируются по почтовым штемпелям и по содержанию. Буквами обозначаются текстологические сноски, знаком * — примечания Е. П. Иванова.

ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВА К Е. П. ИВАНОВУ

<1>

<6 марта 1902 г.>

С удивлением я прочел, что кто-то еще интересуется и помнит «Афродиту-Диану». ¹ Спасибо. А много туда я души вложил. Около тех тем — большие вопросы, загадки, исторические секреты и прозрения. Велика тайна: «мать, ребенок, отец» и в конце концов «велика Диана Ефесская», ² как, кажется, кричали Ап. Павлу. — Ап. Павел едва ли все это разобрал, снеся, как Самсон на плечах, ворота Рамы из Дагона ³ — весь древний мир на плечах в преисподнюю. Но вот каждый из нас сейчас еще рождает, еще рождается. *Этого* не обнимает христианский мир, и не постигает, *что* это. А древность по крайней мере старалась постигнуть. ⁴ По воскресеньям вечером (час<ов> 9—10) у меня собираются друзья; не зайдете ли, ибо очевидно мы найдем о многом поговорить.

Ваш В. Розанов. — Шпалерная, д. 39, кв. 4.

¹ Речь идет о статье Розанова, опубликованной в «Мире искусства» (1899. Т. 2, № 23—24. Художественная хроника. С. 85—91).

² Деян. 19: 28, 34.

³ Имеются в виду ворота города Газы, которые Самсон отнес на плечах «на вершину горы, которая на пути к Хеврону» (Суд. 16: 3).

⁴ по крайней мере старалась постигнуть *вписано над зачеркнутым*: постигает

<8 марта 1902 г.>

Вот какие дела. Ну, у нас бывает просто и шумно, и всякий занимается чем хочет. Только это воскресенье я дома не буду: пойду японку слушать.¹ Так что Вы пожалуйста в следующее воскресенье.

А то для предварительного знакомства приходите ну хоть в ред<акцию> «Нов<ого> Вр<емени>» часов около 5 в буд<ний> день. Ваш В. Розанов

Но лучше прямо
в воскресенье: я уж
устрою, чтоб Вам
было не так грустно.

¹ Речь идет о японской актрисе Сада-Якко (1872—1946); ее гастроли в Петербурге с японской труппой проходили в Новом театре 9—11 марта 1902 г. Первое представление было дано 8 марта в Маринском театре. Негативный отзыв об этом представлении: Театр и музыка // Новое время. 1902. 9 марта. № 9343. С. 4. У Розанова были билеты на спектакль 10 марта (воскресенье). Ср. с отзывом петербургского театрального критика: «Сада-Якко, прозванная за границей „японской Дузе“, конечно, не есть на самом деле Дузе, ни японская, ни какая-нибудь иная. Среди своих актеров, в своем театре, находящемся на младенческой степени развития, она, быть может, и очень большая величина. На европейский взгляд она только заморская диковинка, редкий автомат, говорящая куколка. Когда ее заведут, она плачет, переведут — смеется; для танцев имеется особый валик, для разговоров — другой. Но в этом автомате все-таки горит огонь истинного драматического таланта» (Беляев Ю. Сада-Якко // Новое время. 1902. 10 марта. № 9344. С. 5). См. также дневниковую запись Иванова от 18 марта 1902 г. Розанов вспоминал об актрисе в статье «Сицилианцы в Петербурге» (1909). См.: Розанов В. В. Среди художников. М., 1994. С. 278 (Собр. соч. <Т. 1>).

<18 мая 1902 г.>

В это воскресенье приходите — последнее.

Вы очень честный человек и все Ваши «самоутрызения» — чепуха. Надеюсь, так и Дм<итрий> Сер<геевич> думает.¹ Вы скромнейший малый, полное отсутствие хамства, ничего презренного — рыжий Алкивиад. И как русский — т. е. простой, смиренный, деликатный, теплый (к своим родным, что меня очень трогает), и вообще это главное, доброта — а остальное...

Я ведь с Дм<итрием> Сер<геевичем> далеко не в одну точку быю. Мы встретились; много одних тем и вопросов, но решения... гм, гм... Вы меня почти не знаете, только на цыпочках по Афр<одите>-Диане прошлись, а в Дм<итрии> Сер<геевиче> Вы купаетесь. Я не ревную. Вы умный, и придет и мой черед.

Да читали ли Вы «Религию и культуру» и «В мире неясного и не решенного».² Вы больше догадываетесь — хоть и гениально. Ну, устал писать.

Мне все в Вас нравится, Ваша кротость, простота и проч.; ну, прыгайте, жеребеночек; я сам из жеребцов и всякому в мире прыганью рад («всяческая и во всем»³). Некогда больше писать. Приходите. Ваш

В. Розанов.

Напр<имер>, черт — «смешное и малое».⁴ Это — остроумно, но истина больше, чем только остроумие. Черт и *страшен*. Черт — и предмет ненависти и борьбы, даже титанической. Тут у Дм<итрия> Серг<еевича> слишком литературное представление черта. Он смешал Лейкина⁵ с чертом: это идет автору «умирающих и воскресающих богов»,⁶ но смиренному обитателю Шпалерной кажется недостаточным.

И о Христе мои и Мережк<овского> мысли — почти диаметрально противоположны. Мы скорей *лобызаемся* при встрече; но еще минуты — и корабли разойдутся, ибо они →

¹ Побывав на лекции «Судьба Гоголя» (см. примеч. 4), Иванов написал Мережковскому письмо, в котором каялся перед своим «учителем», открывая «хлестаковские» черты в себе (ед. хр. 47, л. 1, 2 об.).

² Речь идет о книгах Розанова «Религия и культура» (СПб., 1899; 2-е изд.: 1901) и «В мире неясного и нерешенного» (СПб., 1901). Второе издание «В мире неясного и нерешенного» вышло в 1904 г. и было подарено Розановым Иванову (см. также дневниковую запись от 4 мая 1905 г.)

³ Аллюзия на Кол. 3: 11.

⁴ Речь идет о лекции Мережковского «Судьба Гоголя». Вместе с письмами Розанова Иванов сохранил билет на эту лекцию, состоявшуюся в Соляном городке 29 марта 1902 г. Билет наклеен на вырезку из «Нового времени» с программой лекции (ед. хр. 48, л. 14).

⁵ Лейкин Николай Александрович (1841—1906) — писатель, журналист.

⁶ Речь идет о романах Мережковского, вошедших в трилогию «Христос и Антихрист»: «Смерть богов (Юлиан Отступник)» (в журнальной публикации 1895 г. носил название «Отверженный, или Смерть богов») и «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (1901).

<4>

<9 апреля 1904 г.>

Дорогой Евгений Павлович! Не откажитесь, милый, *непрерывно* это воскресенье вечером придти к нам: есть о чем попросить Вас, по делу не литературному, а семейному, т. е. с нашей точки зрения — важнейшему.

Поклон мой Вашей почтенной сестре.¹ Ваш В. Розанов

¹ Иванова Мария Павловна (1874—1941). В 1936 г. Иванов писал: «Сочувстви<е> к сестре. В. В. Розанов <...> постояя<но> посылал поклоны и како<е>-нибудь угощение со стола. Это чтоб она знала, что ее помнят и сочувствуют» (ИРЛИ, ф. 840). В ГМИ СПб хранятся два письма Розанова к М. П. Ивановой.

<Без даты>

Милый Евгений Павлович!

На воскресенье я решил слушать Зембрих в «Риголетто»¹ и посему??? Придете ли Вы к нам? с Ге?² Хотя ведь Вы найдете у нас милую-пре-милую Варвару Димитр<иевну> и интересную Александру Михайловну:³ и если с Гиппиусами⁴ не скучаете, то отчего же соскучитесь с ними? А к 12-ти и я подъеду? Но на всякий случай скажите Ник<олаю> Петр<овичу>. — — М<арии> П<авловне> и Мар<ии> Петр<овне> и другой сестре⁵ — самый усердный поклон и привет.

В. Роз<анов>

А Вы на меня не сердитесь. Вот <2 нрзб.>, — и все «при лучших намерениях», как говорит у Д<остоевско>го капитан Лебядкин.⁶

¹ Зембрих *Марчелла* (наст. имя Марцелина Пракседа Коханьска, 1858—1935) — польская оперная певица, колоратурное сопрано, с 1880-х гг. пела в итальянской опере в Петербурге. Розанов посвятил ей статью. См.: *Розанов В. В. Марчелла Зембрих <1909> // Розанов В. В. Среди художников. С. 317—320. «Риголетто» — опера Д. Верди (1851).*

² *Ге Николай Петрович* (1884—1920) — искусствовед, литературный критик. См. о нем в публикуемых ниже воспоминаниях Иванова «1902 год».

³ *Бутягина Варвара Дмитриевна* (урожд. Руднева, ок. 1864—1923) — вторая жена Розанова; *Бутягина Александра Михайловна* (1882 или 1883—1920) — ее дочь от первого брака.

⁴ Речь идет о младших сестрах З. Н. Гиппиус — художнице *Татьяне Николаевне* (1877—1957) и скульпторе *Наталье Николаевне* (1880—1963). Иванов был близким другом Т. Н. Гиппиус (Таты).

⁵ *М. П.* — Иванова Мария Павловна — см. примеч. 1 к письму от 9 апр. 1904 г.; *Мар. Петр.* — Иванова Мария Петровна (урожд. Шалыгина, нач. 1840-х—1918) — мать Е. П. Иванова; *другая сестра* — Косцова Клеопатра Михайловна (1864?—?) — ее дочь от первого брака.

⁶ Герой романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

Из дневника Е. П. Иванова

1902 год

<18 марта>

17 марта был у В<асилия> В<асильевича>. 18 марта пишу.

Не могу, право, особенно утром проснувшись, разобраться, было ли вчерашнее сон или действительность. Для сна это несбыточно, а для действительности...? Господи, не знаю, я молчу в благоговейном трепете! В первый раз в жизни такое состояние; было еще такое же томление после Коммиссаржевской, когда я увидел ее в первый раз.¹ Но что это теперь за высокий подъем, даже голова кружится, боюсь упасть; Господи, дай мне смиренномудрие.²

¹ Иванов был горячим почитателем *Веры Федоровны Коммиссаржевской* (1864—1910), считал ее своей «первой любовью». В первый раз он увидел ее на сцене Михайловского театра в 1897 г. в спектакле «Бой бабочек».

² Парафраз молитвы св. Ефрема Сирина («Дух же целомудрия, смиренномудрия <...> даруй ми, рабу Твоему») и молитвы св. Иоанна Златоуста («Господи, даждь ми смирение, целомудрие и послушание»).

Спал от без 20 м<инут> 4-ре до половины 8-го. Томление тристановское.³ Постараюсь припомнить все вчерашнее с начала.

Выехал я <в> 8 ч. 18 м<инут>, ехал на конке, переполненной. Пьяный юнкер, шел по Воскресен<скому>. Прибыл в 9 часов к подъезду первому, и пошел в средний, посмотрел на номера у звонков, были 7, 8, 9, 10, 11, мне почему-то казалось, что Розанов в 5-ом номере, пошел в первый подъезд. Там сказали, что Роз<анов> в 4 номере. 5-ый номер во 2-м подъезде, я вошел, спросил швейцара 5-ый но<ме>р и позвонил к Смирновым каким-то, и тут же узнал, что Р<озанов> в 4-ом. Пришлось извиниться; вбегаю в первый подъезд и к Розанову в 5-ый этаж вбегаю. Звонок с сильным нажимом. Отворяет жена Варвара Дим<итриевна>? Удивлена. Оказывается, что Роз<анов> отдыхает еще после выставки.⁴ Разговор бессодержателен с ней. Мину<т> через 20 вых<одит> В<асилий> В<асильевич>.⁵ «Вы кто?» — «Иванов», — «О Афрод<ите> и Диане писали?» — «Да».⁶ — «Это правда, замечательно интересно, что вы указывали».

Рас<с>просы о семье.⁷ «Руки, простертые из земли, в Египет есть это мать, простирающая руки». Я расс<казал> о Знамени.⁸ Зат<ем> Розанов

³ Аллюзия на оперу Р. Вагнера «Тристан и Изольда» (1865).

⁴ Вероятно, речь идет о посещении выставки «Мира искусства», открывшейся 10 марта 1902 г. в Пассаже.

⁵ Ср. в незавершенных воспоминаниях Иванова (1936): «Разговор бессодержателен. Обои неловко. О семье, о болезнях. У Вар<вары> Дмитр<иевны> вид очень простой, не интеллигентн<ый>, провинциальный, походит на жен<щин> из духовенства рожд<енных>, поповну, добрую, заботливу<ю>, но скопидомную.

Я приглядываюсь к обстановке. Треножник бронзовый с <нрзб.> трех аистов, державш<их> в клюве <нрзб.> со светильниками. Диван кожаный<й> у круглого стола красн<ого> дерева. По стенам фотографи<и>. Альбом<ы> мод и эпохи возрожден<ия> Леда. Фотография. В простен<ке> окна полки, в которых стары<е> фолианты. Рояль<ь>. Маска Страхова. За окн<ом> Нева и видное пространство Невы.

Слышен шорох в сосед<ней> комнате. Это проснулся, поднимается „Сам Сам“, ка<к> говор<ит> Вар<вара> Дм<итриевна>. И вот он сам... Рыжеватый Старичок, розовый как младенец, вышедший из утробы матери, с блестящ<ей> кожей, точно после пара бани.

Из поповичей.

Я не таким его воображал. Но меня нимало не смутила внешность, а все в глазах. Глаза остро юркие и глубоко вдумчивые. Говорит вприхлебку, быстро, шепеляво...» (ИРЛИ, ф. 840, колл. М. С. Лесмана). Далее этот текст цитируется без отсылок.

⁶ Речь идет о письме Иванова к Розанову от 5 марта 1902 г. (см. во вступ. статье).

⁷ Ср. в варианте 1936 г.: «Расспросы о семье. Сочувствие об сестре. Больной сестре, девушка, лишившаяся женихов из-за болезни, сковавш<ей> ее одышкой.

По-видимому помимо интереса к внешним обстоятельствам быта семейной жизн<и> Розанов через ответы на его вопросы знакомился со мной.

По тому, ка<к> человек говорит и что говорит о близких, В. В. Розанов заключал о самом человеке. <...>

Разговор о семье перешел на тему более широкую и глубокую. Сине<е> небо и сине<е> море».

О болезни сестры ср. в другом варианте воспоминаний: «У нас в семье горе, болезнь хроническая Марии сестры моей, ее постоянная и летом не прекращающаяся одышка бронхиально<й> астмы, когда неделями приходилось с жаром отлеживаться в постели, давала тяжелый фон жизни нашего дома» (ед. хр. 79, л. 13—13 об.).

⁸ Ср. в воспоминаниях: «По поводу переживаемого в семье страдания я упоминал руки, простертые из земли в небо. Обраща<л> и внимание В. В., что эти руки, простертые без туловища и головы прямо от земли к небу, есть в древних изображениях нашей иконописи. Что в иконописном отделе музея Рус<ского> Искус<с>тва е<сть> Знамень с двумя таки<ми> ру-

заявил, «что он просто смотреть не может на изображ^{ения} Николая и святого Ал^{ександра} Невск^{ого}».⁹ Я ему заяв^{ил}: «Никол^{ай} это Бог Отец». На что он довольно скоро сказал: «Это, это пожалуй». Да, говорит, это замечательно. Я: «Николай — на воде свободы — а В^{елес} с Перуном — Бог Отец». На эту увяз^{ку} Перуна и Николая, в сущности противополож^{ных}, но объединенных, Роз^{анов} обрат^{ил} особенное внимание и замет^{ил}, «что это замечательно». Право, о Христе Старце — деньми¹⁰ Роз^{анов} это не знал. Мои замечан^{ия} о Мале ^{<?>} и о Голгофе и, кажется, здесь улыбка Р^{озанова} и зам^{ечание}: «хлысты». Приглашает в Р^{елигиозно-философское} общ^{ество} и в воск^{ресения} приходи^{ть} пригл^{ашал}. Тема любимая. Но была прервана входом нового гостя. Красив^{ый} дов^{ольно} пол^{ный} лет под сорок. Затем хозяйка с ни^м и ^{<нрзб.>} с ним, серб, как я впоследствии от него уз^{нал}. Святозар Светланович Добричев?¹¹ Собрание. Так доверчиво. Затем яви^{лся} в очках с черно^й больш^{ой} бородой, комиссар Религиозн^{ого} общ^{ества}.¹² Разговор об опасности, ему грозящей со стороны Сипягина¹³ (рвет и мечет)... Опасн^{ость} от участия курии и студентов в Р^{елигиозном} общ^{естве}. И затем звонок часу в 11-ом и явились^{сь} Мережковск^{ий} и Гиппиус.¹⁴ Пришли к чаю. Разговор о Религиозн^{ом} общес^{тве} и надежде на заступнич^{ество} сестры Сипягина.¹⁵ Сидел я рядом с Роза-

ка^{ми} из земли, как свечи. Это в Египетских рисунках у Розан^{ова} е^{сть} и от земли, значи^т мать-земля простира^{ет} к небу, к^{ак} деревья».

⁹ В тексте воспоминаний далее следует: «С материнства перешли на мужественное. Отеческое в Боге. Николай Чудотвор^{ец} — Отче Никола. Он Бог Отец <...> Никола <...> отче лицо в Боже^{ст}венной Троице». О св. Александре Невском ср. в «Уединенном» Розанова: «... в Александре Невском <...> оно (Православие. — О. Ф.) получило себе даже „Марса“. В „петербургском периоде“ (славянофилы) — все строят храмы Александру Невскому, этому „Аресу“ и вместе „Ромулу“ Руси, отодвинув в сторону киевских подвижников» (*Розанов В. В.* Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис русской революции. М., 2001. С. 76).

¹⁰ Образ из Книги пророка Даниила (7: 9).

¹¹ Ср. в воспоминаниях: «Звонок. Новые гости. Вал^{ентин} А^{лександрович} Тернавцев и Свят^{озар} Степ^{анович} Радовинович (правильно: Радаманович. — О. Ф.)».

Приход гостей досадно помешал нашему интимн^{ому} разговору вдвоем. Я смолк, начал^{ся} говор, а не разговор». *Валентин Александрович Тернавцев* (1866—1940) — богослов, синодальный чиновник; секретарь Религиозно-философских собраний (далее сокращенно — РФС). Упоминания о С. С. Радамановиче см. в воспоминаниях Н. В. Розановой (Литературоведческий журнал. 2000. № 13—14. С. 59, 60).

¹² *Скворцов Василий Михайлович* (1859—1932) — синодальный миссионер, редактор-издатель журнала «Миссионерское обозрение» (1896—1916) и впоследствии — газеты «Колокол» (1905—1917), один из организаторов РФС.

¹³ *Сипягин Дмитрий Сергеевич* (1853—1902) — министр внутренних дел (с 1900).

¹⁴ Ср. в воспоминаниях: «Часу в 11-м звонок и яв^{ились} Мережковск^{ий} с Гиппиус. Лиц^о бледн^{ое} <...> лицо сектанта. Гипп^{иус}. Европа. ...Боттичелли. В глаза^х сер^{ых} <...> русалки <...>. Лорнет. <...>»

Мережковск^{ий} с Гиппиус как Пушкин со сво^{ей} Музой — Волконский». Вероятно, последняя фраза представляет собой запись слов директора Императорских театров и участника религиозно-философских собраний *Сергея Михайловича Волконского* (1860—1937). В дневнике Иванова после упоминания Гиппиус нарисован ее профиль.

¹⁵ *Сестра Сипягина* — Дубасова Александра Сергеевна (урожд. Сипягина; 1854—?), жена Федора Васильевича Дубасова (1845—1912). К ней неоднократно обращались за заступничеством перед братом-министром кн. Э. Э. Ухтомский и Мережковский, о чем в марте 1902 г. Гиппиус сообщала П. П. Перцову. В публикации их переписки, подготовленной М. М. Павло-

нов<ым>, налево от него у одной части стены, а налево от меня Мережковский. Одни<м> слово<м> я Творец, Розанов — Хранитель, Мережковский — Преобразитель.¹⁶ Далее сидел рядом с Мережковским красив<ый> полный, серб и студент¹⁷ пото<м>, а направо с бородой в очках, Гиппиус и за<тем> хр<истианин> новый идет с бритыми щеками <так!> тонкий и зат<ем> жена Роз<анова>, а у чая с красными щеками. Относительно «Дианы и Афродиты»¹⁸ св<оей> статьи Розанов зая<вил>, что ему из Мережковского, что Фрину нельзя представить беремен<ной>. Я забыл сказать<ь>, что перед чаем Розанов говорил, что он был в моленной хлыстов и чуть не плакал при виде оживления и умиления, особенно когда говорила одна девушка и чуть<ь> сама от умиления не плакала, а другая говорила Розанову, что она плачет, что от православия отошла.

О Садо-Яни¹⁹ — Розанов тоже заме<тил>, что замечательно, чистота движений, нет грязи в объятиях, и во<обще>, что каждая половица, каждый шаг соверш<ается> кажд<ый> раз, одно и то же. Вот тут тоже вот Мережковский и Гиппиус. Тепер<ь> за чаем. Разговор, кого принимает<ь> и не приглашат<ь>.²⁰ Составляли список. Доверие полное.²¹ Розанов эту доверчивость прямо внушал гостям. Решили пригласить Бенуа.²² В<асилий> Вас<ильевич> обр<атился> ко мне^a и спросил, могу ли я явиться в пиджаке

^a В автографе ошибочно не вычеркнуто: Ко мне<е> В<асилий> Вас<ильевич> обр<атился> ко мне.

вой, фамилия «Дубасова» лишена каких-либо пояснений (см.: Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову // Русская литература. 1991. № 4. С. 135, 138, 140). Ср. в воспоминаниях Иванова: «Мережковские вошли как раз в то время, когда Скворцовым был поднят вопрос об опасном положении Религиозно-Философских Собраний, на которые Сипягин „рвал и метал“. Когда после общего приветствия и входных расспросов здравовья всё улеглось, вопрос прерванный снова возобновился, тем более, что в нем Мережковские как одни из главных устроителей религиозно-философских собраний принимали живейшее участие. Скворцов продолжал: одна осталась надежда, что обществ<о> не будет закрыто, одна надежда — заступничество сестер Сипягина, интересующихся этим обществом. Мережковский мрачно осклабился, а Гиппиус, щурясь близорукими глазами, выражала презрение к такому насилью и непониманию».

¹⁶ Ср. в воспоминаниях: «Пошли пить чай в столовую (за тем стол<ом>, который сейчас<с> стоит у меня в ком<нате>). Розанов усадил меня рядом с собою по леву<ю> руку, чтоб мне не конфузно было, а налево от меня сел Мережковский. (Так вышло, что я за Брамму, Розанов за Вишну Хранителя, Сива рушитель<ь> Мережковский»).

¹⁷ Ср. в воспоминаниях: «Еще был студент Медведев или Мельников нелепейшего вида и с бабьим голосом». В воспоминаниях среди гостей назван и не упомянутый в дневнике И. И. Кольшко.

¹⁸ См. примеч. 1 к письму Розанова от 6 марта 1902 г.

¹⁹ См. примеч. 1 к письму Розанова от 8 марта 1902 г. Ср. в воспоминаниях: «И с хлыстов Розанов прямо перешел на впечатлени<е> его от японки Сада-Якки. Розанов тоже поражен и растроган представлением японского театра: „Это замечательн<о>, замечательно!“ — повторял он. — „Чистота движений, особенная грация в объятиях, и каждая половица, каждый шаг совершаемый по ней, каждый раз один и тот же: священный танец“».

²⁰ Речь идет о приглашениях на РФС.

²¹ Ср. в воспоминаниях: «Доверие ко мне полное».

²² Бенуа Александр Николаевич (1870—1961) — художник, историк искусства, один из основателей объединения «Мир искусства». Не ясно, о каком «приглашении» может идти речь: ведь А. Н. Бенуа был одним из организаторов РФС, участвовал в знаменитой аудиенции у ми-

в Р<елигиозное> общ<ество>, и затем же вопрос прекращен. Гиппиус за спино<й> курила. И вот вышли из-за стихи <?> и пошли в гостиную, вот тут-то и произошло.

Вначале, насколько я понял, Мереж<овский> говорил главн<ым> образо<м> с полным крас<авцем> № 1.²³ О *Виe*. Сравни<вали> нынешню<ю> церковь и церковь<ь> истин<ную>. Что вся нечисть бросилась в отк<рытую> дверь и застряла, и священ<ник> прихода <?> отошел прочь и не мог очистить этого св. места!²⁴ Гиппиус сидела на диване кожаном.²⁵ Как-то поджав ноги, дитей, и курила; папирос<ы> спрашивала у Мереж<овского>. В гости<ной> сиде<л> на кресле ближе к окну В<асилий> В<асильевич>, рядом потом сел я, далее студент направо от меня по столу, далее Серб, дал<ьше> там си<дел> брит<ый> бар<ин>, да<льше> Мереж<овский> (сперва ходил по гостиной) и н<аконец> на диван<е> полн<ый> <нрзб. начало слова>. И налево от Р<озанова> Гиппиус на диване.

В то время как Мереж<овский> и я ходили, он говорил о крещении. Они все при этом хохочут и, кажется, не понимают «кре<щения> водою и духом».²⁶ Я спросил Мереж<овского>: «ведь вода = сын». Он мне сказал, «что они не поймут погруже<ния> в плоть».²⁷ Дальше тоже по поводу слов Мереж<овского>. О словах одного свящ<енника>, котор<ый> заявил, что в посту нужен пост не только телесный, но и духовн<ый>. Тема перешла на вопрос о аскетизме. И Вас<илий> Васил<евич> Р<озанов> рассказал один рассказ своего недалекого знаком<ого> товарища студента. «Вы извините меня, Зинаида Никол<аевна>», и затем начал рассказ, что это<т> студент говорил ему о различии сладострастного чувства, когда ему есть сопротивление и когда нет. Вот он стоял в комнате, рядом с которой раздевали<сь> женщины, и он терпел непреодолимое желание заглянуть за перегородку, между тем как в обыкновенном соседстве женщины голые рядом в одной комнате он не питал такого стр<астного> желания. Сообра-

трополита Антония (см.: *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1980. Кн. 4—5. С. 291—292).

²³ Речь идет о В. А. Тернавцеве.

²⁴ В 1936 г. Иванов так припоминал слова Мережковского: «„Так и стоит церков<ь> <...> с засевающим в ней чудовищем“. Священник, утром пришедш<ий>, не решил<ся> войти, не мог очистить<ь> „святого места“ от мерзости, засев<шей> в ней. „Вот оставляет<ся> дом ва<ш> вам пуст“.

Не случай<но> интеллиг<енты> как пробка из воды вылетают из церкви.

Очищен<ие> водою святою и крещением. Коренное поврежден<ие> в основе, и вот мы на рубеже XIX—XX свидетели».

²⁵ В редакции 1936 г. Иванов выделил такие детали ее портрета: белое платье, поза змеи, «широкая густая прическа напоми<нала> формой голову Кобры».

²⁶ Ср.: Мк. 1: 8.

²⁷ Ср. в воспоминаниях: «Далее Мережковский говорил, что церковники борются с нечистью святою водою, но как „с гуся вода“. Поднял я, о крещении.

Они все при этом хохочут и кажется не понимают „крещения водою и духом“. Я недоумевающий серьезно спрашиваю Мережковского: „ведь вода в глубокой связи с познанием Сына в Отце: вода как образ родной Сыну, и Сын родной воде, морю“. Мер<ежковский> серьезно отвечает: они не поймут этого: не поймут, что в крещени<и> указан путь погружени<я> в плоть, путь через плоть Христа.

„Но ведь это ваше новое отличие от исторического таинства, что и дает перелом в сознании Церкви“, — говорю я».

же<ния> о житии пустынников. И где-то отсюда Мережк<овский> стал говорить о том, что Христианство отрицает брак, потому что в браке безусловно есть грех. Есть от «лукавого».²⁸ Надо ожидат<ь> жениха, как 10 дев Евангельских.²⁹ И что надо быть девственницей, но вступающей в связь с обожествл<енным> челов<еком> во время оргии. Одн<и> сме<ялись>. Оргии хлыстов (это я, а он насчет хлыстов не говорил). Воскликает Гиппиус: «Свобода нам девиз». «Мы свободны».³⁰ Мережк<овский> зам<етил>, что тепер<ь> у духовен<ства> «христиан<ство> — буддизм». Превосходное замечание, [го<ворит>] Гиппиус, и зат<ем> Мережковск<ий> обещает где-нибудь об этом сказать. Затем в параллель девству Мережковск<ий> приводит убежден<ие> о «и времени больше не будет»,³¹ т. е. оно будет... (так в тексте. — О. Ф.)

Затем был возбужден вопрос «о Силе и насилии».³² Нашли, что действие полицейское мелко, а сила э<то> громовый приказ, единому звуку которого повинуются. С Толстого насилие.³³ (Но вообще, кажется, все это они спутал<и>, должно быт<ь>, предполагается внутр<енний> огонь.) Смерть, по выражению Мережковского, *не насилует, а целует*, поэтому при последней мин<уте> улыбка и спокойствие.³⁴ Розанов привел смерть Страхова.³⁵ (Я заметил про себя, что все зависит от субъекта.) Счелик <?> в «Смерть Ивана Ильича» и довольно произвольно заявлен<о>, что это ложь. Мережковск<ий>, говоря о силе и насилии, отнес насилие к «от лукавому» и назв<ал>, от<нес> к «Антихристу» (значит теперь, как я и предполагал, новый антихрист).³⁶

²⁸ Подразумевается окончание Молитвы Господней: «Но избави нас от лукаваго» (Мф. 6: 13).

²⁹ Мф. 25: 1.

³⁰ В 1936 г. слова Гиппиус прокомментированы Ивановым: «Это она насчет брачных уз в противовес Розанову, специ<алисту> по брачному вопросу».

³¹ Откр. 10: 6. Ср. в воспоминаниях: «Затем в параллел<ь> девизу слова Апокалипси<са> <...> „когда времени больше не будет“ эт<о> ка<к> счастливые часов не наблюдают в радости любви».

³² Эта тема позднее стала предметом дискуссии на РФС 4 апр. 1902 г. Председательствова л Н. М. Минский. Выступили еп. Сергей (Страгородский), В. А. Тернавцев, В. В. Розанов и др.

³³ Вероятно, описка. Ср. в воспоминаниях: «С Толстым учинено насилие (но в отлучении его есть нечто не от насилия, а от силы, по мнению Мережковского)». Речь идет об Определении Святейшего Синода от 20—23 февр. 1901 г., в котором говорилось не об отлучении, а об «отпадении» Толстого от Церкви.

³⁴ Ср. в воспоминаниях: «Толстой не понимает никакой Силы. Это сказывается в его отношении к смерти, которую он воспринимает как насильственный акт. Смерть же, по выражению Мережковского, „не насилует, а целует“, поэтому при последнем вздохе улыбка и спокойствие».

³⁵ Ср. в воспоминаниях Т. В. Розановой: «Где-то внизу, сбоку, висит и портрет Н. Н. Страхова. Папа рассказывает о нем, о его тяжелой болезни (он умер от рака десен), и с каким терпением и мужеством он уходил из жизни. Какой это был, вообще, замечательный человек! <...> отец часто вспоминал Страхова с любовью, нежностью и глубоким уважением» (*Розанова Т. В. Воспоминания об отце — Василии Васильевиче Розанове и о всей семье* // В. В. Розанов: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 46).

³⁶ В воспоминаниях Иванов пояснил: «Значит теперь, как я и предполагал, в представлении Мережковского появился другой „антихрист“, не тот, какой был в его Юлиане и Леонардо. По мере утверждени<я> лика Христа, определялос<ь> и менялос<ь> и противоположное Христу лицо, лицо Антихриста».

Наступала моя миссия, Бог захотел через 4 месяца, чтобы я стал проповедывать, а за 4-е смел ли я думать. Бог собрал всех у Розанова.

Началось с того, что я заявил Розанову, что необходимо прежде всего подойти к народной религии, понять все их обряды, все кажущиеся суеверия. И, например, Крест староверский с опущен<ной> нижней перекладной. — Остаток перекладки точила.³⁷ Р<озанов> позвал Мереж<ковско>го. Тут я немного спасовал, не мог договорить, что нажим на грешников есть собст<венно> нажим на Христа; но, впрочем, не в этом дело, разговор был о левост<и>, опущен<н>ости концов, и я, пожалуй хотя кратко, но рассказал о Сиве раз<рушителе> и Вишну хранителе. Но до Сивы и Виш<ну> Мережков<ский> мрачно настаивал: «ну и что ж, ну и дальше что», каже<тся>, раза три. Потом Мережковский согласился со всеми моими мнениями насчет украшения икон, лампад и т. под. И наконец я стал говорить насчет Святых. Мережков<ский> ск<азал>: «можно допустить». Розанов тут, что мне очень приятно, заметил, что «они т. е. держатся того мнения, что Николай Чудотвор<ец> — Бог Отец». Я подтвердил опять свои сообра<жения> на<счет> связи Перуна и Никол<ая> и Бога Отца. И затем насчет изображений Александр<а> Невск<ого>. Мережков<ский> очень тоже был поражен «Христом ветходенным». Мережко<вск>ому сказал я, что нынче вы поняли молитву «и остави нам долги наши, яко же и мы о<ставляем> д<олжником> н<ашим>».³⁸ Он, кажется, не совсем понял. Молиться можно и не по Минск<ому>.³⁹ Мережковск<ий> сказал, что он

³⁷ Ср. в воспоминаниях: «Началось с того, что я заявил Розанову о необходимости прежде всего подойти к народному верованию, такому, как оно есть, со всеми его обрядами и кажущимися суевериями, чтоб понять тот дух народный, который<й> и вызывает эти, может, непонятные нам и кажущиеся нелепыми искажения. Народ — по-славянски называется „язык“. И народные верования в <слово пропущено> когда будет связан с „языческим“, то есть „народным“. Чтоб идти вперед, надо узнать основное начало и уметь его не уничтожить, а пересуществлять. Чем больше мы воспримем, постараемся уяснить себе и соединить с общим народным представлением из всего, что казалось нам суеверием, темнотою народно<й> и т. под., тем ближе мы проникнем в дух народный, независим<о> от отрицательного или положительного отношения нашего к нему. Глубочайшей ошибкой синодально<й> государствен<ной> церкви я объявлял ее узко-рационалистическое отношение к народным верованиям и „суеверным обрядам“, отмечающее нечто коренное и мудрое в воззрении народа, что особенно сказалось в нелепом насилии над староверчеством и другими сектами. У каждого народа есть свои иоты и черты закона в его язычестве ветхом, которые не нарушить, а исполнить в их тайном смысле, не бук<ву> зак<она> приходи<л> Христос.

Как яркий пример такого узкого отношения я ставил отношени<е> к кресту староверчес<кому> и синодальному. Я отстаивал, что староверчес<кий> крест не бессмыслен. Что в нем выражено очень много, и указал солнечный ритм, легший в основу всего церковного склада.

Здесь интеллигенция и синодаль<ные> церковники шли рука об руку в своем рационализме.

Непонимани<е> изображени<я> креста иначе как оруд<ия> казни.

Я пытал<ся> <сказать> о посолонь в кресте. Солнечный ритм. Восток — Север и Юг. Север видим<о> умеренн<о> консервативн<ый>; юг огненный прообразительн<ый> ог<онь>. Наши „левые“ и правые из этого солнечн<ого> ритма церкви. Индий<ский> Сива — рушит<ель> и Вишну хранитель. Ритм иконостаса. Восток = восход, а запад = запад».

³⁸ Слова из молитвы «Отче наш» (Мф. 6: 12).

³⁹ *Минский Николай Максимович* (наст. фам. Виленкин; 1855—1937) — поэт, литературный критик, публицист, драматург, философ. Возможно, здесь речь идет об идеях, выраженных им в книге «О свободе религиозной совести» (1902).

не согласен с мнен<ием> Минского. — Я сказа<л> о проявлени<и> же чего-то, отчего молятся тысячи лет. М<ережковский> с<казал> — совершенно справедливо. И затем я заяв<ил> студе<нту> о широкой мысл<и> «хоть на науку». Здесь перешла тема на изображ<ения> иконописные и <об> их глубине и о том, что «Николай — Зимний» постаревший, потемневший потому, что дерево увяло. Тут Мережков<ский> прямо заскакал, «именно *Николай Зимний*», и отошел к дверям. Я с Розановым стал говорить о изображении потемнев<шем> Божией Матери и об Афоне, откуда приш<ла> Иверская потемневшая.⁴⁰ (Мне бы следовало сказать, что за эту темноту посмотреть хочется.) Вот тут-то опять подошел Мережковск<ий>, и я стал распространяться насчет нашего эпоса и о Христиан<стве>=хлыстовщи<не> нашего эпоса.⁴¹ Вот где-то тут Мережковск<кий>, стоя у двери, заметил: «как глубоко, как глубоко вы понимаете русский народ». Я, когда он приблизился, должно быть, чтобы объяснить святых воззрениями хлыстов — раза три-четыре называл Мереж<ковского> и В<асилия> В<асильевича> хлыстами, на что был заявлен протест как от них, так и с дивана.⁴² Кричали: «хлыстовщина». А Мережковск<ий> зам<етил>, что хлыстовщина от «лукавого». *Что Христос был один.* Розанов пояснил, что это Христос с маленькой буквы, но, кажется, они маленькую букву понимают не так, как я.⁴³ Затем опять об Николае и «что широкость человеческ<ой> природы требует разнообразия богов». Тут Гиппиус, как и раньше делала, замахала как плавающая лягушка правой рукой у лица и говорит: «Это язычество, это язычество, ах оставьте, это язычество грубое, нам надо христианство». И другие с дивана: «Дим<итрий> Серг<еевич>, да оставьте вы, ведь это хлыстовщина». Это было в самом конце за <предложение обрывается>. Мережков<ский> после соображ<ения> сказал, что надо все-таки, принимая языческую сторону, принять ее по-христиански. Затем я расп<ространился> о всемирном Логосе = Христу «на Голго-

⁴⁰ Ср. в воспоминаниях: «О Вешнем и Зимнем в иконостас<е>. Никола зимний темнее, черне<е> Никол<ы> Вешнего. Вн<ешний> аскетизм монастыря — давал черный цвет иконостаса (Иверская — Афон). Зимнее. „Никола Зимний?“, — слыши<шь>, Зина, а“.

Темнота и старость ликов зимних в иконостасе, потому что Фрею — богу Весны цвели великаны, и боги стареют и темнеют».

⁴¹ Ср. в воспоминаниях: «С этой темы о зимнем и вешнем в нашей иконописи и в духе народной веры разговор перешел на „хлыстов“. Я, как <раз> в то время с увлечением читавши<й> много о них, заявил к удивлени<ю> всех, что хлысты себя не именуют хлыстам<и>, а это их <нрзб.> их наз<вали> хлысты. <...>

„Хлысты“ это прозвище враждебных к ним, а они себя — „христы“, т. е. „помазанниками“, христы в мировом смысле том, что свет Христов просвещает всех, и когда он в нас, то он видится в человеках, хотя человек и не он, не свет.

Так я в то время объяснял и старался оправдать учение хлыстов. При этом основное значение придавали людям, которые словом учени<я> помогли увидеть тот свет Христов».

⁴² Подразумевается З. Н. Гиппиус.

⁴³ На слова Розанова о «маленькой букве» Мережковский, по воспоминаниям Иванова, отвечал, «что это „на Жорж Занде“ хри<с>т<ос> опошленное понятие». «Я возражал, что это глубоко необходимое. Потребн<ость> разнообразия в преломлении света Христова, отсюда множество разнообр<азных> ликов Христа и святых. Что эт<и> образы берутся и лишутся с живых лиц, в которых верующими и иконописце<м> видится т<от> свет Христов и что в тот момент, когда видится т<от> свет в человеках — он может и заменят<ь> икону». В разговоре с Ивановым 8 апреля 1902 г. Мережковский упомянул свою статью «Христос с маленькой и большой буквы» в «Мире искусства».

фе»,⁴⁴ я сказал и о теперешней нашей жизни, как о *крестном страдании*. * Худой с длин<ным> лицом⁴⁵ потом под конец меня спрашивал, «откуда вы это крест выкопали, ведь у Розанова и Мережковского, о которых Вы говорите, что всем обязаны, нет об этом». Я т<огда?> («свинская» ошибка). Кажется, Мережковск<ий> боится призн<ать>, что Отец есть тот же Христос.

Во время моего Христосславения Роз<анова> и Мережк<овского> я заметил, что «Диана <и> Афродита» статья была для меня как бы тем этюдом Паганини, который он дал своему ученику и сказал и т. д.⁴⁶ Розанов заметил, что как другой раз напишешь статью и не знаешь, что она делает в душах, даже, каж<ется>, прослезился. ** Но — в самом конце. В конце я заявил сербу Святозару Светлановичу, что всякий отец есть Бог Отец. Он, кажется, был этим страшно рад.

В прихожей В<асилий> В<асильевич> целу<ет> руку у Гиппиус, выходили с лестниц<ы> все вместе, Г<иппиус>, я с сербом идем с Гиппиус. Калоши, [лай] серого, лайка залая<ла>. После по улице я с Гиппиус и веду разговор сперва об том, участв<ую> ли я в беспорядках,⁴⁷ и затем, когда я сказал, что не могу жертвовать да и не особенно сочувствую, и перешел на тему, что за Христом не пойду, если надо будет оставить отца и мать или пожертвовать. Был объявлен «несчастливым человеком». Тут, садясь на извозчика на углу Вознесенского и Воскресенск<ого>, Гиппиус жалует<ся> на меня Мережк<овскому>, тот говорит, что я «только искренний человек». Кажется, на серба сильное впечатление произвело, что я сказал о том, что предпочту вечную смерть свою, чем пожертвую матерью и отцом. Тут же я распространился насчет наш<его> «Знаменья». Спросив меня, откуда я родом, он сказал: «северн<ые> цветы».⁴⁸ Он же серб.

От лукавого

Пропуск<и>

Пропу<ски>

Во время чая все говорили Мережковск<ий> и Гиппиус<с>, что приведет Михайловского «к одному знаменателю».⁴⁹ «Дайте мне в руки Михай-

* Сегодн<я> 18 марта, проходя по Забалкан<скому> в магазине старых икон, я ви<дел> Христ<а> с Крестами, на которых наши грехи написаны.

** Я кричал, что потому Дмит<рий> Серг<еевич> Христос, что он свел огонь с неба и я горю.

⁴⁴ В воспоминаниях это место передано подробнее: «Я говор<ил>, ч<то> Церковь в тех глубин<ах> сво<их>, в кото<рые> сознан<ие> учащихся не проникает, <...> соедин<ает> древн<ее> с новейшим.

Но и филос<офская> мысл<ь> о „мировом Логосе“, т. е. мир<овом> Христе <...>

В иконописи Ангел держ<ит> шар — мир, на котор<ом> букв<ы> Хр., т. [е.] Христос.

Мережков<ский> эт<о> подтвердил.

О мировом страдании как миров<ой> Голгоф<е>, распятии мира.

Все врем<я> повтор<ял>, что эт<о> не мое, а от М<ережковского> и Розан<ова>».

⁴⁵ Речь идет об *Иосифе Иосифовиче Колюшко* (1862—1938) — публицисте, драматурге, сотруднике газ. «Гражданин» (псевд.: Серенький, И. Райский).

⁴⁶ Источник не установлен.

⁴⁷ Подразумеваются студенческие беспорядки (сходки и пр.) в университете.

⁴⁸ Аллюзия на название альманахов «Северные цветы».

⁴⁹ Отголосок полемики Мережковских с публицистом-народником, литературным критиком, редактором «Русского богатства» Н. К. Михайловским.

ловского, дайте, дайте мне его», — крич<ал> М<ережковский>. Я тут встал первое слово: «Крови, крови, Яго!». ⁵⁰ «Да, Крови», — это было первое слово Мережков<ского> ко мне.

Васили<й> Василье<вич> при прощани<и>, когда мы вышли на лестницу, позвал меня: «Иванов, в воскресенье пожалуйста, все забываю, вы простите мен<я>, имя и отчество». Все очень крепко и доверчиво жали руку мне.

Когда я сказал, что Николай — постаревший бог [громоуе<ржец>] и постарел потому, что он «зимний», Фрей увядши<й>, тут Мереж<ковский> и с<казал>: «Зимний, именно Зимний Никола<й>, Зинаида, слышишь, Николай — Зимний!», — «Ах оставьте, это язычество, язычество».

Я, сказав о всемирн<ом> Христе, я упомянул о изображении на иконах Ангелов с шаром, на кото<ром> <написано> «Хр». Розанов переспросил, а Мережковск<ий> сейчас же сказал Розанову, это = Христос.

На диване сидящ<ий> господин рассу<ждал> о том, почему ушел Янышев, ⁵¹ и сказал, пот<ому> ч<то> «почувств<овал> себя не передовым, старым». «Знаете, как и В<асилий> В<асильевич>, что приходят моменты, обыкновенно осенью при плохой погоде, что сознаешь себя старым».

После моих панегирик Мережков<скому> и Розанову относи<тельно> «Дианы и Афродиты» Мережков<ский> восклик<нул>, что вот мы поставим «Ипполита», это будет прямо-таки богослужение. ⁵²

Мережковск<кий> вначале после чая гово<рил> ориг<инально> о том, что чудеса Иоанна Крести<теля> допустимы.

<ночь на 25 марта 1902 г.>

Был 24 марта у Розанова. Народу масса. Дягилев, Бакст, Нурок... Петров. ⁵³ Каж<ется>, Мережковск<кий> и Гипп<иус> вошли, я как-то их за

⁵⁰ Цитата из трагедии У. Шекспира «Отелло».

⁵¹ Янышев Иоанн Леонтьевич (1828—1910) — протопресвитер, профессор С.-Петербургской духовной академии, богослов, духовник императоров Александра III и Николая II. Речь идет о его выходе из РФС. Ср. в воспоминаниях П. П. Перцова: «Собрания оборвались скоро: такой парадокс вообще не мог долго продолжаться. На минуту их спасло „честное слово“ Янышева Николаю II, что на собраниях нет ничего преступного» (*Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890—1902 гг. М., 2002. С. 268).

⁵² Речь идет о постановке «Ипполита» Еврипида в переводе Мережковского в Александринском театре (перевод был впервые опублик. в 1893 г.). «...согласно плану энтузиаста — режиссера Юрия Эрастовича Озаровского, которому была поручена постановка, надлежало представить трагедию так, как ее видели афиняне полторы тысячи лет назад, не исключая религиозно-ритуального характера. Этим Озаровский особенно угодил переводчику Еврипида — Д. С. Мережковскому. Склонный все принимать и истолковывать с какой-то религиозной, а то и мистической точки зрения, Дмитрий Сергеевич и в этом „возвращении к подлинной трагедии“ видел некий залог поворота в религиозном сознании нашей эпохи» (*Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1980. Кн. 4—5. С. 371—372). См. также: *Розанов В.* «Ипполит» Еврипида на Александринской сцене // Мир искусства. 1902. № 9/10. С. 240—248 (то же: *Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. 1.] Среди художников. М., 1994. С. 202—211).

⁵³ Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — театральный и художественный деятель, один из создателей объединения и журнала «Мир искусства»; Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866—1924) — художник, участник объединения «Мир искусства»; Нурок Альфред Павлович (1860—1919) — сотрудник журнала «Мир искусства» (псевд.: Силен), сослуживец Розанова по Государственному контролю; Петров Григорий Спиридонович (1866—

спин<ой> почувствовал. Мережк<овский> крепко жмет руку мою. «О силе и насилии».

После чая я сидел в столовой с Розановой дочерью и Студентом.⁵⁴ Разговор ше<л> о «М<ире> Искусства» и о Галевском <?>. В это время к спинке моего стула, повернутой к двери, ввиду у образов, вошла Гиппиус. «О чем идет речь». Я, к<ак> кажется, при ней сразу поднялся со стула ка<жется?> и се<л> на другой. Гиппиус отодви<нула> его к стене и се<ла> рядом с доч<ерью> Роз<анова>.

«Ах, все это декадент<ство>, упадок», отно<сительно> выст<авки> М<ира> искусств<а>, на кот<орой> она и не была.

Я — «что же такое декадентство».

Г<иппиус> — куря папиросу. — «Это искусство для искусства — там, где нет религии». На эту тему разговор вернулся впоследствии, когда он<а> стала стихи читать. Я после сти<хотворения> «Сиж у окна я, сижу я сижу, гляжу на дома и гляжу я гля<жу>...»⁵⁵ заметил, что эти стихи религия, на что получил молниеносный взгляд. Но перед декламацией был разговор о том, что у нас в церкви никто ничего не понимают, что читают по-славянски. Из Павла привел 14 гл. Посла<ния> Коринф<янам>.⁵⁶ Я заметил о понимании старообрядцев. Г<иппиус> — «старообрядцы» исключение занимающ<ие>, а спросите выходящий народ из церкви, кто что понял».

Я — «если бы и по-русски читали, никто ничего не понял бы, это происходит от невежества. И что по-русски читают в Стремянной,⁵⁷ по-русски, и что тоже никто нич<его> не понимает и колорит теряется».

Г<иппиус> — «у вас все эстетизм».⁵⁸

Я — «позволь<те>, эстетизм не для эстетизма, а для религии. Затем я перешел на то, что обрядность нужна и что я также восприму католичество».⁵⁹

1925) — священник (до 1908), известный проповедник, публицист, общественный деятель либеральной ориентации.

⁵⁴ Речь идет о падчерице Розанова, А. М. Бутягиной (см. примеч. 3 к письму 5) и о студенте консерватории Дане, учившем младших Розановых музыке. Д. А. Лутохин вспоминал о влюбленности в него А. М. Бутягиной.

⁵⁵ Источник не установлен. Единственное близкое по смыслу стихотворение — «Стариковы речи» («Иль дует от оконницы? / Я кутаюсь, я зябну у огня... <...> Гляжу на уголь тлеющий...»).

⁵⁶ Вероятнее всего, Иванов процитировал стих: «Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу...» (1 Кор. 14: 2).

⁵⁷ На углу Стремянной и Николаевской улиц находилась церковь Пресвятой Троицы при Обществе распространения духовно-нравственного просвещения в духе Православной церкви, построенная по проекту Н. Н. Никонова и освященная в 1893—1894 гг. В 1895 г. при храме открылся зал для бесед.

⁵⁸ Ср. в одном из писем Гиппиус к С. П. Каблукову: «Что касается до вашей влюбленности в православный культ, то, пожалуй, тут столько чистой эстетики у вас, — самой чистой, — что ничему это повредить не может; нужно только в сознании своем *отделить эстетику от религии* и давать первой место подчиненное. <...> Лишь бы она только глаза не туманила, когда нужна бывает особенная их ясность» (ОР РНБ, ф. 322, ед. хр. 4, л. 183—184).

⁵⁹ К этому месту Иванов в 1936 г. сделал вставку: «О чтении в церкви на „непонятном языке“ Павла мне и о суждени<и> в послани<ях>. Если это эстетизм требова<л> сохране<ния> стиля, то не для эстетизма, а для религии. Славян<ский> язык входит в обрядное Православие. Латинский не случайно в Католичест<ве>. Обрядность это одежда изображаемого Духа, кото-

Г<иппиус> — «у вас эстетизм. Да и потом, разве я отвергаю обрядность?».

Перед эти<м>, я не помн<ю>, когда-то она, кажется, по поводу принятия обрядности, заявила, что это монашество. Я заявил, что отрочество <склонно> отвергать обрядность <нрзб.>.

Насчет исповеди у Ги<ппиус> зашел разговор <...>

Г<иппиус>: «Я 15 лет не говела».

Роз<ано>ва д<очь>: «Как же это так, ведь без этого невозможно».

Г<иппиус> — «Зачем я буду причащаться, когда я вижу такое отношение».

Я — «Но ведь обряд не испорчен сохр<анился>, восприми<те> обряд и по вашему религиозн<ому> сознанию относитесь».⁶⁰

Г<иппиус> — «Как я буду исповедываться, в чем? Не в том, что „самонадежности, самовлюбленности“»⁶¹... ее сила.

Потом я говорил — что сам верю, что после втор<ого> приш<ествия> Куполом будет небо и образа мы сами.

Зате<м> декламация.

«Ты думаешь, Голгофа миновала?»

А помнишь я по площади беж<ал> <...>»⁶²

Мережковск<ий> при этом заметил, что действительно мы все распин<аем> Христа.

Затем он сказ<ал>, что-то до такой степени изумительное, цел<ое> откров<ение>.

Мережковский — «Заметьте, в Евангели<и> никогда не говорится о погребении, о смерти, о упокоении, — вечном, а говори<тся> о воскресении». И тут привел стихотворение Тютчева (тоном таким, как Лермонтовск<ое> «Мцыри» <нрзб.>) «О не зарывайте меня в землю сырую, скройте, укройте меня в траву густую, пускай ветерок шелест<ит> травую, *свирель поет* издалека, *светло* и тихо, облака плывут по небу надо мной».⁶³

А у нас обряд погребения таков, что ясно, что не воскреснет. «Со *святыми упокой!*».⁶⁴ *Зарывать в землю* ужасно, страшно, невыносимо.

рый выразится так. Надо до конца понять дух через стиль, чтоб пресуществить. В этом смысле <...> дух музык<и> проник<ает> и в Католич<ескую> мессу и протестант<изм>».

⁶⁰ В 1936 г. Иванов хотел подробнее передать свои слова: «О прощен<ии> на исповеди не от свящ<енника>, а от Бога, и если свящ<енник> не поймет, то Бог<г> поймет. И что обрядность в исторических наслоениях, через которые надо прокапываться к сущности, приходящей в одежде. А на одеждах и масках мистерии неизбежно в мире лежит слой исторической пыли и грязи».

⁶¹ Измененная цитата из стихотворения Гиппиус «Что есть грех?» (1902), посвященного В. Ф. Нувелю и впервые опубликованного в журнале «Новое дело» (1902. № 9). Ср.: «Грех — маломыслие и малодейянье, / Самонелюбие — самовлюбленность...».

⁶² Приводится стихотворение Гиппиус «Ты думаешь, Голгофа миновала...», опубликованное в 1903 г. под названием «Сообщники». Беловой автограф содержится в письме А. Белому от 5 апр. 1902 г., в котором, среди прочего, говорилось, что эти стихи «очень нравятся Блоку» (см. коммент. А. В. Лаврова: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 477). Запись Иванова позволяет «сдвинуть» датировку стихотворения на несколько дней ранее. Иванов записал стихотворение по памяти. Возможно, это неизвестный более ранний вариант.

⁶³ Неточно цитируется стихотворение Ф. И. Тютчева «Весеннее успокоение (из Уланда)» (<1829>).

⁶⁴ Заупокойный кондак (поется на панихидах, отпевании, при погребении и т. п.).

Валер<иан>^b Ал<ександрович> спрашив<ает>: Как же? иначе.

Мережковск<кий>: Вы спрашиваете как? Не могу я сотворить чуда...

Гиппиус — «Во блаженном успении вечный покой»⁶⁵ это ужасно. Это действи<тельно> вопрос.....

Зате<м> прочла Гиппиус про Костер, политый водой и котор<ый> никак не мог<ли> зажечь.⁶⁶ Это — религиозн<ое> собрание.

Мережковск<ий> заметил, что все-таки костер есть, сложен, и что все-таки есть огонь (обо мне, может быт<ь>, и влюблен).

Гиппиус прочла еще о диаволе, котор<ый> всю жизнь плел сеть зла и за которого она будет перед Христо<м> просить о помиловании.⁶⁷ Жена Розанова за<метила>, что у нее в квартире «слава Богу, диавола не водится».⁶⁸

После стихотворе<ния> «Исповедь», «....самонадеянье, самовлюбленность...», Розанов заметил, что это где-то между 1-ой и 2-ой заповедью.⁶⁹

8 апреля

Вчера был у Розанова. Жена уехала в Липецк <?> смотреть дачу. Он озабочен очень, что не сказал ей, чт<о> она в — Кируг <?>

Мережковский войдя поздоро<вался>, и я не сказал. А потом, когда позвали чай пить, то взял меня за локоть и, отозвав к роялю, сказ<ал>: «мне надо с вами поговори<ть>». «Извините, что не писал вам, потому что думал увидеть вас zde<сь> у Розан<ова>, а писать письма я совсем не умею». Я стра<шно> сконфу<зился> и залепетал «о то<м>, что это пис<ьмо> было страшная глупость и что отве<та> не стоило».⁷⁰ Он: «нет, не скажите. Мне <нрзб.> понравилось». Потом на мои уверен<ия>, что я Хлестаков, он зам<етил>, что это и он тоже про себя дума<ет>, что он не чувствует никакой силы в себе. Я ему, чт<о> Вы <нрзб.> ч<еловек>, а я. Он: «и это ничего не значит. Я Хлестаковым себя чувствую». Я — «я отто<го>, что мне кажется, не легко ли все мы воспринимаем это все». Он — «Да, именно...».

^b Должно быть: Валентин.

⁶⁵ Возглас диакона (или священника), предворяющий троекратное пение «Вечная память» в конце отпевания, панихиды, литии.

⁶⁶ Речь идет о стихотворении Гиппиус «Костер» («Живые взоры я встречаю...», 1902), впервые опубликованном в «Новом пути» (1903. № 9). 3-я строфа его: «Я отступаю, безоружный, / И длю я праздный разговор, / И лью я воду на ненужный, / на мой безогненный костер». «Подтекст» стихотворения в комментариях не был отмечен.

⁶⁷ Имеется в виду стихотворение Гиппиус «Божья тварь» (1902), впервые опубликованное в 1903 г. в альманахе «Северные цветы».

⁶⁸ По воспоминаниям Т. В. Розановой, Варвара Дмитриевна «очень не любила Мережковских и недовольна была сближением отца с ними, считала это удалением от церкви отца и очень волновалась» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 85).

⁶⁹ Речь идет о сотворении «кумира» из собственного «я». Ср.: Исх. 20: 3—4.

⁷⁰ Черновики письма (30 марта—2 апр. 1902 г.) сохранились в дневнике Иванова. В 1936 г. Иванов вспоминал: «После вечера 24 марта — Лекция Мережковского „Судьба Гоголя“ в Соляном Городке. 29 марта. (Дневник и печатная выдержка из Нов<ого> Вр<емени>, выплывающего Розановы<м>). Пустоват<о> на лекци<и> и почему лев<ые> и правы<е> течения ни в тех, ни в сех. Манера чтения Мережков<кого>. Самобы<ная> <...> Впечатление. „Хлестаковщина“ мен<я> измучила. Письмо Мережковском<у>. О карикатуре на себя (Хлестаков) и через мрак карикатуры пройдя, сказ<ать>: „иди за мной Сатана“. Клевета диавола и значен<ие> его. Идти за ним, чтоб не обратиться в карикатуру человек<а>, я долго чувств<во>вал за собой карикатуру и не гово<рил>: „отойди от меня“».

Затем он сел со мно<й> рядом за столом, на углу сидел Минский.

Он — «это страш<ное> одиночество. Вот почему нам и необходимо быть вместе. Не знаю как Вы, а Вам не с<ледует> отходить от Церкви». Я — «Я не отходи<л>. Я так же молюсь на колен<ях>, как и прежде с сам<ого> детства».

Он — «Я это очень понимаю».

Я — «О том, как мало понимающих людей и что как нагло поняли его в собраниях». «Боже, дай мне быть с темными».⁷¹ Аплодировали.

Он — «Да это ужасно, возмутительно...».

Я — «О Минском — закон ли Закон Божий».

Он — «Да — да». — И прекратил разговор.

Вып<ив> чашку чая, я выш<ел> из-за стола, чтобы дать другим место.

З<инаида> Ник<олаевна> — Евг<ений> Павл<ович>, куда вы ушли?

Минский — о том, что все теперь, кроме него, спят.

Затем я ушел в гостиную <...> разговоры.

Александра Михайло<вна>

Варвара Димитриев<на>

Розанов — «унич<и>жит<ельный> отзыв».

За столом пото<м>. Розанов говорил о необходимости в Христи-а<нстве> «Давидова плясания».⁷² Валентин Алек<сандрович> улыбу<лся>. Р<озанов> — «вы не извольте улыбаться, милый наш Мазини».⁷³ Вот теперь никак мы этого достигнуть не можем.

Мережк<овский> — теперь все сгибаются, становятся на колени и ста<раются> как мо<жно> меньше стать, сжаться. А если экстаз, то от этого сжима<ния> им радость более божественная, как у хлыстов. (Это он ошибается, я.)

Минский возражал — у евреев становились, ст<ановились> в Ветх<ом> Завете на колени. Ему ответили, что становились.

(Им надо бы было, и я хотел возр<азить> об «священной роще Беклина».⁷⁴)

Мережк<овский> — Здесь гордости нет.

Ст<аров>⁷⁵ в<озразил> — и не надо гордости, и слава Богу, гордость в Господе. (Я думаю, что и М<ережковский> пра<в> и Старов прав. Гордость в Господе нужна, да так и Мережк<овский> подразумевает.)

Розанов — Мереж<ковский> о тарантуле.⁷⁶

⁷¹ Возможно, цитата из речи Мережковского в РФС.

⁷² Речь идет о сказанье Давида пред Ковчегом (2 Цар. 6: 14).

⁷³ Мазини Анджело (1844—1926) — итальянский тенор. Т. В. Розанова вспоминала, что Тернавцев «был очень красивый, статный человек, веселый, похожий на итальянца» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 66). Позднее с Мазини Розанов сравнивал не Тернавцева, а лишнего сана священника Г. Петрова. См.: Розанов В. В. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 654.

⁷⁴ Беклин Арнольд (1827—1901) — немецко-швейцарский художник-символист.

⁷⁵ Псевдоним В. М. Скворцова, см. о нем примеч. 12.

⁷⁶ Отсылка к книге Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», в которой многократно используется заимствованный у Достоевского символ паука или тарантула. «Бог-Зверь, Бог-Тарантул. <...> Этот образ какого-то мистического Насекомого, Паука, Тарантула проходит сквозь все произведения Достоевского <...>. Он открывается ему <...> как символ жестокого сладострастия и сладострастной жестокости, как „раскаленным углем“ в живой плоти тлею-

Мережк<овский> — это тайна зверя. Пример Лизы из Бесов⁷⁷ и Веры.⁷⁸ Ипполит<т>. У Ипполита ше<ве>ли<тся> звер<ь> тарантул, и вот собака — *доброе* начало, хватает тарантула, но сам<а> страдает, и затем входит Мышкин.⁷⁹ Тайна сладострастия зверя. (Я прибавлю, тайна перехода из Бога в дьявола.)

Беседа о пауках и паучихах, пожирающих своих самцов.⁸⁰

Розанов — «Это тайна зверя. Здесь тайна рождения и смерти соприкасаются».

Минский о воскрес<нии> челов<ека> как той же плоти не верует. А вдруг к<ак> вер<но> там.

Мережковс<кий> — У Толстого Душа это какая-то *душенька*, которая пошла к небу.⁸¹

Мережковс<кий>, выходя из-за сто<ла>, сказал: «*Может быть*, зайдите к нам, адр<ес> 24. Я вс<егда> дома».

Затем гости. Колобродение Г<иппиус> с Р<озановым>, тот в <нрзб.> был при положении. <...> Пос<ле> чтение стихов. И з<аметила> Г<иппиус>: «Евг<ений> Пав<лович>, здесь или у меня», сидя на столе и пол<ожив> но<ги> на кресло. «Я прочту вам о Дьяволе». В<алентин> А<лександрович>: «кто это Евг<ений> Пав<лович>?». Я отв<ечаю>: «Я». В<алентин> А<лександрович> поклон<ился>, читал с усмешко<й>, как бы поздравил. Я вск<очил> и задел стол, но он <предложение обрывается>. Мне пришлось войти вперед. И внушить черт знает какое положение. Всем неловко. Мереж<ковский> ходил и пристально всматрив<ался> в Г<иппиус>, и он хотел внушить уйти.

В<алентин> Ал<лександрович> ушел к мале<нькому> столу и там с насмешкой похаживал. Наконец Мер<ежковский> ушел в прихожую и заже<г> лампу.

щий и вместе с тем эту плоть разлагающий, „*тлетворный дух*“, начало рождения и смерти, начало „вечно гноящейся язвы жизни“...» (*Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М., 2000. С. 420—421*). Книга печаталась в «Мире искусства» с 1900 по 1902 г. Между прочим, в библиотеке Достоевского был оттиск статьи Н. П. Вагнера «Наблюдения над тарантулом...» (см.: Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 155).

⁷⁷ В книге Мережковского в ряду указаний на символ паука у Достоевского вспоминаются и слова героини романа «Бесь» Лизы Тушиной: «Мне всегда казалось, — говорит Лиза Ставругину в бреду той внезапной ненависти, в которую иногда вырождается любовь, — что вы заведете меня в какое-нибудь место, где живет *огромный злой паук* в человеческий рост, и мы там всю жизнь будем на него глядеть и его бояться» (*Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 421*).

⁷⁸ Вероятно, речь идет о Вере Лебедевой — героине романа «Идиот».

⁷⁹ Эту сцену — сон Ипполита о насекомом из романа «Идиот» (часть третья, гл. V; *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 323—324*) — Мережковский анализирует в одной из глав своей книги. См.: *Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 172—173*.

⁸⁰ В Пушкинской речи Достоевский сравнил с подобной паучихой Клеопатру из «Египетских ночей». Ср.: *Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 421, 448*.

⁸¹ Возможно, эта реплика Мережковского отозвалась в «Уединенном» Розанова. Ср.: «...гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу» (*Розанов В. В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. С. 61*).

В<алентин> Ал<ександрович> подо<шел> ко м<не> и сказал: «а вообще, знаете, романс „По<д> душист<ою> веткой сирени поцелуем дай забвение“».⁸²

Гип<пиус> <начала> прощат<ься>.

Розанов мне в прихожей сказал: «всегда рад Вас видеть, до свид<ания>».

Когда сошли вниз, то Г<иппиус> — с Мережк<овским>. «Дим<итрий> Серг<еевич>, а пригл<асил> ты Ев<гения> Павл<овича> к нам?». От 4 до 5. «Мы напиш<ем> письмо ем<у>?». Я ту<т> пробормотал благодарность и т<отчас> сош<ел> вниз за руку. Ужасно гадко вышло. Надо что-то исправить.

Скверно то, что Г<иппиус> не пода<ла> руки, а М<ережковский> как-то хихикнул.

<Из записи от 9 апреля (разговор с Мережковским 8 апреля)>

О Розанове как мечущемся, то в Египет, то в Грецию, и близости моей к нему.⁸³

21 апреля. Вчера был у Мережковских.

Сперва в будуаре гостил. На кушетке. У стола Розанов. За столо<м> против Мережковский, оба спорили. Камин топи<лся> жарко. <...> З<инаида> Н<иколаевна> у стола рядом бли<з>ко с председателем Р<елигиозно->Ф<илософских> с<обраний>.⁸⁴ У дивана под образо<м> Бакст и уже после 2 священ<н>и<ка>, оди<н> отец Иоа<нн>.⁸⁵

З<инаида> Н<иколаевна>: «вот, Ев<гений> П<авлович>, вы настоящ<ий> Дьявол».

З<инаида> Н<иколаевна> о сне, в к<отором> Христос грыз крест.

О то<м>, ка<к> она грызла саркофаг отгрызку. (пропуск в рукописи. — О. Ф.) верить. «Я верю ди<аволу> в религию». У ками<на> жарко. Цветы ню<хали>. Затем заявил ей я, что ее новые стихотворени<я> с соснами пораз<ительно> груст<ны> и прекрас<ы>.⁸⁶

Сказал о том, как исповедывал<ся> и причащался с ревом.⁸⁷ Затем она показывала цветы поддельные и сказа<ла>, что Мережк<овский> целый

⁸² Подразумевается один из вариантов городского романа на стихи В. В. Крестовского «Под душистой ветвью сирени...» (1857). Известны также романы на эти стихи, написанные Н. Д. Дмитриевым (1829—1893) и В. Н. Пасхаловым (1841—1885).

⁸³ Ср. в воспоминаниях: «В конце разговора Мережк<овский> сказ<ал>, что я в сво<их> взглядах и по темпераменту ближе к Розанов<у>, чем к нему, к Розанову, увлеченному Египтом до влюбленности осязаемой в Изиду».

⁸⁴ Вероятно, речь идет о В. А. Тернавцеве.

⁸⁵ Вероятнее всего, речь идет об участнике РФС священнике Иоанне Федоровиче Альбове (?—1921).

⁸⁶ Речь идет о стихотворении З. Гиппиус «Сосны» («Желанья все безмернее...»), впервые опубликованном в альманахе «Северные цветы» в 1902 г.

⁸⁷ Ср. с дневниковой записью от 11 апр. 1902 г.: «Не могу и выразить, какое глубокое впечатление произвело на меня говение. Царствие Небесное на земле, сохраненное так свято нашими священниками. Может, они и не понимают, что делают, но это-то и способствовало к подобн<ому> сохранению. — Церковь — это ковчег. Все Ангелы на куполе, Бож<сия> Матерь, все это освещенное моим внутренним светом ожило, все было на самом деле. Если это символы, то тогда и мы символы, а если так, то ничего и не изменяется».

час удивлялся, что они не пахнут. Я за<метил>, что это символично. З<инаида> Н<иколаевна>: «Не все сим<волично>, но прекрасно и искус<ственное>».

(Знаменатель<ные> слова, по-моему, уж не принимает ли Д<митрий> С<ергеевич> в течени<е> $1/_{12}$ и 12 <...> свое христианство за настоящ<ие> цветы.)

Пошли чай пи<ть>. Мило. З<инаида> Н<иколаевна>: «Вас<илий> Вас<ильевич>, садите<сь> на диван. Евг<ений> Павл<ович>, садитесь рядом с Вас<илием> Вас<ильевичем>, он, кстати, вас любит как сына».

В<асилий> В<асильевич>: «Садись со мной рядом, мой рыжи<й> конь».

Затем тема воспоминания. Мережк<овский> самое ужасн<ое> сказал, что мы не хотим так поступать, ка<к> Достоевский, который чув<ствовал> удовольств<вие> от того, что дает эта вера стара<я> народна<я>. Это ужасно прямо. А Розанов заявил, что чепуха и сверну<ть> все к черту стариков и заменить молодыми мехами.⁸⁸

Затем о проповеди священника. Об тр<ебуемом> деле уменьшения молитвы за Царя. Об возм<ожности> молиться собств<енными> словами в церкви...

В конце я с Мережк<овским> говор<ил> о Церкви как Ангеле Хранителе. На что он сказал, что все это он знает.

Розанов со мной у рояля говорил. Я сказал, что мы хотим полюбит<ь> Бога и потому ищем его везде, и в Астарте и в Велесе. Он согласился и добавил, что Бог должен иметь одно имя.

— Вы что это об Астарте вспомни<ли>, верно «Сев<ерные> цве<ты>» прочи<тали>?⁸⁹ Да я очень раскаиваюсь, что написал так. Астарта — это луна, связ<анная> с месячн<ыми> течениями женщи<н>. Луна сохранилась и у нас под Крестом изобр<ажается>.⁹⁰

Я добавил о та<к> наз<ываемых> лунинцах.⁹¹

Я принял Причастие, пря<мо> слезы умиления.

Иерей в алтаре втыкал в ребро Христово копьё с ложкой и давал тело и кровь Христову...

Замечательно, что диакон, произнося эктению, крестится изображением креста на фелоне, а мы крес<тимся> 3 перста<ми>. 3 перст<а> = крест.

Замечательно, что блюдо с хлебом, носимое диаконом, по всей вероятности, изображает солнце. И когда совершается таинство, то хлеб крест<ится>, а в куполе изображается, долж<но быть>, солнце над Архангелами.

Когда я каялся свящ<еннику> в том, что д<елаю> онан<изм>, то он мне сказа<л>: молись Богу и больше всего *Пречистой Богородице*.

Трогательно в исповеди попытка объяснить, разъяснить, утешить, которую делает священник. Он не может всего, конечно, да и нельзя требовать, но смеяться над этим прямо подло.

Очевидно, в исповеди мысль та же, что у хлыстов. Это исповедуешься Господу (ед. хр. I, л. 87—87 об.).

⁸⁸ В 1936 г. этот эпизод передан так: «Выступлен<ие> Мережко<вского> и Розанова против народничес<тва> Достоевского и Розан<ова> против старчества. Связь с Крестом».

⁸⁹ Подразумевается альманах «Северные цветы»; но в опубликованных там нескольких статьях Розанова об Астарте речь не идет.

⁹⁰ Распространенное ошибочное представление. Крест на «полумесяце» символизирует якорь спасения.

⁹¹ Ср. в воспоминаниях: «Луна под крестом — Лунисты».

Я об Покрове и о свадьбах,⁹² сказа<л> о Афонасьеве. II том.⁹³

В<асилий> В<асильевич> — У вас есть?

Я — Я чи<тал> в Публ<ичной> библиотеке.

Замечательно, что Мережк<овский> говорил про аскети<зм> Ан<тони>на,⁹⁴ что он смеется чисто дьявольским смехом, и затем сказа<л>, чт<о> над Антонином все смеются, а он трагичен.

Розанов (раньше) о том, что его главн<ая> цель искать Бога. А пот<ом> (в разговоре со мною) сказал, что Бог и в Вел<есе> <и в> Астар<те>, но надо ему дать имя.

При выходе. З<инаида> Н<иколаевна>: «А Вы, Ев<гений> П<авло>вич>, ни одного слова сегодня не сказали».

Я: «Что же дела<ть>, З<инаида> Н<иколаевна>». При сходе с лестницы Розанов меня поцеловал и пригласил прийти в воскресен<ье>, на что я на-врал, что буду в Ц<арском> Селе.

6 мая.⁹⁵ Кончена комедия. Шел вчера резаться, принять огненно<е> крещен<ие>, окунулся в грязь, мерзость. Совсем не то, не то было. Это хуже всего. И в то же время это очень хорошо, так надо, так Бог захотел. Не было у Розанов<а> Мережковского и З<инаиды> Н<иколаевны>, был Минский, отец Антонин. Каки<е-то>, черт их дери, студенты в тужурочк<ах>. В кабинет<е> В<асилия> В<асильевича> Варв<ара> Дми<три>евна> обрати<лась> ко мне и сказала: «Е<вгений> Павл<ович>, а мой муж от Вас пр<ямо> в восторге, Вы такое ему озарение своими ответами дае-те». На что я замет<ил>, что В<асилий> В<асильевич> так добр.

Когда шли в столов<ую> и в кабинет, В<асилий> В<асильевич> ска<зал>, что мы Вас (т. е. меня) женим (!). Я с ужасом опять сказал, что <мне> 22 года. Потом за чайным столом опять В<асилий> В<асильевич>

⁹² 1 (14) октября, праздник Покрова Пресвятой Богородицы, к которому в деревнях приурочивались свадьбы. Была распространена поговорка: «Батюшка Покров, покрой землю снегом, а меня женишком». Отсюда в редакции 1936 г. короткая запись: «Покров — и снег».

⁹³ Речь идет о книге историка и фольклориста Александра Николаевича Афонасьева (1826—1871) «Поэтические воззрения славян на природу» (1865—1869).

⁹⁴ Антонин (в миру Александр Андреевич Грановский; 1865—1927) — архимандрит (с 1903 г. епископ Нарвский). В описываемое время (1899—1903) — старший цензор духовной цензуры; участник РФС. После 1917 г. — создатель и глава «Союза религиозного обновления». «...громадный рост <...> прямо-таки демоническое лицо, пронизывающие глаза и черная, как смоль, не очень густая борода. <...> главной темой его беседы было общение полов и греховность этого общения, и вот Антонин не только не вдался в какое-либо превозношение аскетизма, а напротив, вовсе не отрицал неизбежности такого общения и всяких форм его. <...> Естественно, вся личность Антонина в высшей степени заинтересовала тогда наш кружок...» (Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 4—5. С. 293—294).

⁹⁵ Этому предшествовали следующие события: «После собран<ия> у Мережков<ских> 21-го апреля письмо <...> в связи со сказк<ой> Андерсена „Безобразный утенок“ (он оказывается пото<м> Лебедем). Я говори<л> о себе и о Церкви. Церковь тоже кажет<ся> в историческом <...> Утицей, а сущность ее Лебединая. Сватаю Церковь Мережковско<му> как невесту-голубицу. На собрани<и> 2 мая по это<му> поводу вслед ядовитая кличка З. Н. Гиппиус „сват“! Это <...> и вторично „сват“».

Желание оправдаться и показать, что не в шутку. Муци<й> Сцевола на огне сжег руку».

мне заяв<ил>, что Ва<с> мы жени<м>. «У Вас пренаивнейшие глаза». Я опять с ужасом отстранил<ся> и заявил о маленьких средствах, что без средств. Вот вопрос о сестрах.⁹⁶ И что не хорошо, что они дома сидят. Что женщины<ны> в 5 раз становятся добрее, когда явл<ается> ребенок. (Вообще берегись!) Когда в гости<ной> сидел, то В<асилий> В<асильевич> обратился ко мне: «не читали ли вы „Древнеегипетск<ую> красоту“⁹⁷ в „М<ире> И<скусства>“?». Я сказал, что чи<тал> конец. Пото<м> танцы. Игра вообще скука. Я совершен<но> не способен танцевать. Глупо как-то.

В прихоже<й> В<асилий> В<асильевич>: «Где ту<т> рыжень<кий> студент, он поедет с нами кататься в бел<ую> ночь». Я — «нет, у меня дома беспокоятся». И затем самое неприятное В<асилий> В<асильевич> сказа<л>: «Ну вас совсем. Не хочу и прощаться (не подал руку, хотя надо принять в вин<у>, что это второе прощание), *надоел*». Вот какое последнее слово ужасное, и вместе с тем хорошо, что решающее. Ухожу я опять в свою конуру, давно пора, завертелся, ... сильно высунулся и сейчас же по рожкам «надоел». Да, именно, я везде надоедаю, не сержу, не злю, не радую, а только надоедаю.

И Мережковск<ий>-то, может быт<ь>, от меня не явил<ся>, что хуже горь<кой> ред<ь>ки надоел.

Спорил вни<зу> с Петровым. Об Ив. Кон<евском>, <нрзб.> пейзаже Врубел<я>. О Водке ка<к> пище и о хлебе.⁹⁸

Мая 2

В Религиоз<но>-Ф<илософское> общ<ество> пош<ел>. Четверг.⁹⁹

Когда я сидел у доски с <нрзб.>, З<инаида> Н<иколаевна> подошла к сид<ящим> т<рем?> дамам у угла недалеко от меня. И затем ко мне обра<тилась>, уходя, и сказала — «сват», но я не понял.

С Розановым я говорил и сказал, что тайну брака «врата адовы не одолеют».¹⁰⁰ При выходе в конце собрания З<инаида> Н<иколаевна> стояла с председателем в дверях и, когда я проходил, то опят<ь> при дам<ах> сказа<ла>: «сват», я тут расслышал. И что-то забормотал. Председа<тель>, обра<щаясь ко мне>, сказал, что мне, должно быть, было не интересно в зале. Я согласил<ся>. Потом опять вернулся в зал, но при проходе так страш<но> поглядел на З<инаиду> Н<иколаевну>, вероя<тно>, это «Сват», это в конце с<обрания>, и Председа<тель> ска<зал>, что мне не ин<тересно>, но в конце. Тут подошло Мережковск<ому>. Я с ним простился, поздоровался. И виде<л>, что он меня вызыват<ь> не хочет. <Нрзб.> сказа<л> Ан<тонин> явно, чт<о> приду, а и вот.

⁹⁶ Речь идет о М. П. Ивановой (см. примеч. 1 к письму от 9 апр. 1904 г.) и К. М. Косцовой (см. примеч. 5 к письму 5).

⁹⁷ Речь идет о статье Розанова «О древнеегипетской красоте» (Мир искусства. 1899. № 10, 11—12, 15, 16—17).

⁹⁸ Подробнее см. ниже в «Воспоминаниях. 1902 год».

⁹⁹ Речь идет о XII собрании РФС, посвященном вопросу о браке. На заседании слушался доклад иеромонаха Михаила (Семенова).

¹⁰⁰ Аллюзия на: Мф. 16: 18.

19 мая был у Розанова.¹⁰¹

Придя на верх<нюю> площад<ку>, я звонил три раза. Зате<м> после третьего отворили дверь<ь> и впустили.¹⁰² На вопрос, дома ли, отв<етили>: «В<асилий> Вас<ильевич> дома. У них гостей нет сегодня». Но я все-таки сел. Прождав минут пять, я слышал, как и когда в первый раз пришел, мерн<ые> шаги по кабине<ту>. Раскрыв «Ежегодник Императорских Театров», мне бросило<сь> в глаза Коми<ссаржевская> в р<усском> отделе.¹⁰³ Еще шаги послышались, решительные шаги, и появился Вас<илий> Вас<ильевич>. Я один был и ест<ественно> бросился навстречу, но так как он не поцеловал меня в гу<бы>, то, желая выразить благодар<ность>, я хотел поцеловать руку. В этом факте я ниче<го> дур<ного> не вижу, пот<ому> не боюсь <...>, но вот <...>, что Вас<илий> Вас<ильевич> может подумать, что я из себя «Подростка» валяю.¹⁰⁴ Вот это скверно. Ну ничего, все уст<роится>. Он, отдернув руку, ска<зал>: «что Вы, что ты, потом меня ж еще ненавидеть будете», и потреб<овал> себе чая.

«Садись тут, сейчас чаю выпьем. Дайте чаю, я его пью, пото<м> сплю, а пото<м> расспрашиваю».

На диване сидя одни, В<асилий> В<асильевич> говорил, что я напрасно сближаю Христа Мереж<ковского> и его Хр<иста>. Что здесь они расходятся. * Что он считает Христианство противоречивым семье и потом его надо устранить! А вернуться к *Велесам* и чел<овеку>.**

Как же то, что напи<сал> 19-го числа, и вдруг и о Комиссаржевской мои,¹⁰⁵ мне-то он говорит философи<ю> остави<ть>, он же хочет быть мн<е> семьянином. Затем пришли из дух<овной> академии те же бледн<ый> и в очках один <нрзб.>¹⁰⁶ При них и мне В<асилий> В<асильевич>

* Из разговора нашего за чаем. Мереж<ковский> сказал В<асилию> В<асильевичу>, что он и Минский как бы все забыл и себя за Христа считает. (Т. е. так он сказа<л> про Минского.) Я же дум<аю>, что это тоже и В. Р<озанов> <нрзб.>.

** Настоящ<ая> религия это древн<ее> языч<ество>, а христианство положило на нее как серый пепельный слой. И что христи<анство> противоречи<т> браку, а пот<ому> и ему, В. Р<озанову>.

¹⁰¹ Этому предшествовало «письмо Розанову с самоугрызениями»; ответ Розанова см. выше.

¹⁰² Впустила Иванова бонна детей Розанова. «Когда мы подросли <...> к нам приставили немок<бонн>, но мы с ними не ладили...» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 48).

¹⁰³ В разделе «Русский драматический театр» («Ежегодника Императорских театров» (сезон 1901/02) можно увидеть несколько портретов Комиссаржевской: в роли Дашеньки в комедии А. А. Потехина «Мишура» (С. 52), с воздетыми руками в роли Гретхен в «Фаусте» (С. 95) и мертвой Гретхен (С. 97). Вероятнее всего, Иванов обратил внимание на вторую фотографию.

¹⁰⁴ Аллюзия на сцену из романа Достоевского «Подросток» (часть вторая, гл. первая, II; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. С. 169).

¹⁰⁵ Ср. в воспоминаниях: «Я возражаю, что не семьей исчерпывается „мировая трагедия“. Оно велико. Комиссаржевскую противопостави<л>. Он находит ее манерной (после Мадонны...))».

¹⁰⁶ *Карташев Антон Владимирович* (1875—1960) — историк Церкви, преподаватель С.-Петербургской духовной академии в 1900—1905 гг.; *Успенский Василий Васильевич* (1876—1930) — приват-доцент (позднее профессор) С.-Петербургской духовной академии.

говорил, что наши священники это прежн<ие> покл<оняющиеся> Велесу, дородные, семейные.¹⁰⁷

Приш<ли> Мережковские. Опять за стол<ом> сидели так, чт<о> на левой с<тороне> Мереж<ковский>, а на пр<авой> Розан<ов>. У Мережковского попросил прощения, что назвал себя сватом. Он мне ск<азал>, что ни<чуть> не обидел<ся> и что у него был готов ответ, но тепер<ь> он позабыл. Я о двух безднах.¹⁰⁸ Идея Мадонн<ы> — веры, небо. Идея содома¹⁰⁹ <...> Мережковск<ий> а что идеал Содомск<ий> — не существ<ует> (?!).

Составляли письмо Плеве.¹¹⁰

Мережков<ский> дал мне читать письмо себе, нап<исанное> Фридриберг<ом>.¹¹¹ Ничего не понять. Я спросил Мережко<вского>, что мои письма так же трудно понять, на чт<о>: «нет, ваши письма ясны не всегда, но понятны». Я читал очень долго. И когда как-т<о> Гиппиу<с> спро<сила>: «что, вы поняли изложенное?». Я сказал: «очень немного». Затем, когда зашел разговор о том, ч<то> с Церковью делать, Розанов ск<азал>, что ее прочь, что православ<ную>-то Церков<ь>.¹¹² Мережко<вский> обернулся ко мне со смехом: «вот он что скажет».

Я: «Неужели и от „о Тебе радуется благодатная вся<кая> тварь“¹¹³ <отказаться>».

Мережков<ский>: «нет, все это будет» (черт зна<ет> что такое!).

Я — о патриархе как о видении Христа, а не только человеке и от этого паралл<ель>.

Мережковск<ий> с азартом: «что вы говорите, неужели патриарха Никона можно за Христа счит<ать>».

Я — «идеально<го> патриарха, как и идеального царя, все ошибк<и> которого приписывает народ министрам».

В это время облака на горизонт<е> сов<сем> откл<онились> и на фоне зари силуэт церкви. Мережк<овский> — «мы тут говорим и какая у <нас> декорация!». Потом о браке и союзе женщи<ны> и мужч<ины>. В<асилий> В<асильевич> говорил, причем, кажется, склонял<ся> к свободе по отно<шению>. Я спрос<ил> отно<сительно> ребенка, куда его деть. И потом заявил, различ<ие> пола как резу<льтат> зла, а не резу<льтат> зла как

¹⁰⁷ Ср. в воспоминаниях: «Приход двух из Академ<ии> Духов<ной>, „бледного“ и „розового“. „Бледный“ — Карташев, „розовый“ — Успенский. В. В. Розанов указывает на „розового“ и говорит „наше духовенство настоящие Велесы“, несмот<ря> на аскетиз<м> христианства».

¹⁰⁸ Иванов, вероятно, спросил об одной из основополагающих идей Мережковского — идее «верхней» и «нижней» бездн — бездне духа и свободы и бездне «плоти и необходимости». Ср.: Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 467—470.

¹⁰⁹ Подразумевается заимствованная из романа Достоевского «Братья Карамазовы» оппозиция «идеала Мадонны» и «идеала Содомского». Эти образы неоднократно обыгрываются в книге Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

¹¹⁰ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — министр внутренних дел в 1902—1904 гг.

¹¹¹ Фридриберг Дмитрий Наумович (1883—1961) — студент университета, сотрудник журнала «Новый путь», поэт.

¹¹² Ср. в воспоминаниях: «В. В. Розанов — „церковь прочь с православ<ием> и старч<еством>...“».

¹¹³ Песнопение из Литургии св. Василия Великого, обращенное к Пресвятой Богородице.

рез<ультат> ра<зличия> пола. И при<мер> ри<совал> о детях и<г>рающих.

Розан<ов> ска<зал> о свое<й> дочери,¹¹⁴ что она п<яти> лет, а украшает ленточкой се<бя>, что это заложено, и мальчик<и> тоже.

Перцов,¹¹⁵ Мереж<ковский> и Роза<нов>, а по<том> Мережк<овский> ушел в гости<ную> прощаться.

Все шли пешком до до<ма> Мереж<ковских> по Воскресенскому пр<оспекту>. Я сказал, чт<о> пророч<еское> что-то в Воск<ресенском> пр<оспекте>, о Мереж<ковском>, а уж живет на площа<ди> Спаса Преображе<ния>.¹¹⁶ На Воскресенском гов<орил> о Боге те<ле> и Бо<ге> дух<е>. Спросил, считает ли Мер<ежковский> «Дитя Солнца — Христос??».

Солнце за Христа, ск<азал>, = пантеизм.

Я с<казал>: «Пантократор Христос».¹¹⁷

О красоте говорил я, и он с<казал>: «да, он<а> нужна. Неужели он<а> не ра<дость>». О кра<соте> я говор<ил>, когда в конце Воскресен<ского>. А заря так и горела и разгор<алась> и облист<ала> при багр<янце> зловеш<ем>. Мережк<овский>.

При прощании в прихожей Розанов. Он сказал, прощ<аясь>, мне: «приходите на будущ<ий> год¹¹⁸ к завтраку, я вам моих детей покажу». Мережков<ский> засмеялся.

А Роз<анов>: «нет, господа, он (т. е. я) у нас молодец и замечательно наблюдателен». Мережковс<кий>, кажется, в это время совсем выходил.

Падре Велес.¹¹⁹ У окна с Мережк<овским>.

Мережк<овский> — «Меч я прим<у> <...> разоблачение. И по местам».

Я — «вот напи<шите> апокалиптическое видение в францу<зском> поезде, сошедшем с рель<с> и влекущем раненых и больных, и еще шакалы поют!».

Мережк<овский> — «Да!»

За столом когда сидели, т<о> Роз<анов> обратился к другому В<асилию> В<асильевичу>,¹²⁰ сидящему с Гиппиус: «Вы отсаживайтесь, не надо, а то она сейчас всех влюбит в себя». Затем в разгово<ре> о свободе любви В<асилий> В<асильевич> сказал: «Ну вот я возгораю, почувс<твовав> в себе бога, к ней (т. е. Г<иппиус>), что же?». Реш<или> утвердительно.

¹¹⁴ Скорее всего, речь идет о Вере Розановой (см. примеч. 193).

¹¹⁵ Перцов Петр Петрович (1868—1947) — литературный критик и публицист, издатель и соредактор «Нового пути».

¹¹⁶ Окна дома Мурузи на Литейном проспекте, где жили Мережковские, выходят на Спасо-Преображенский собор.

¹¹⁷ Ср. в воспоминаниях: «„Розовый“ идет с Гиппиус под рук<у> по Воскресенскому до Сп<аса> Преображения. Мережковс<кий> со мной. О храме в солнце.

Он — Это пантеизм. — Я. — Это Пантократор».

¹¹⁸ Имеется в виду — осенью, после возвращения с дач.

¹¹⁹ Речь, по-видимому, идет о В. В. Успенском (см. примеч. 106).

¹²⁰ Речь идет о В. В. Успенском.

Жена Розанова во время чая ск<азала>, чт<о> В<асилий> Вас<ильевич> очень не ровен, то обнимет вот как, а то <нрзб.> оттолкнет холодом.¹²¹

Про<пуск>. Розанов: «Дими<трий> Серг<еевич>, ведь вы говори<ли> насколько я знаю, не испытали страш<ого> горя, а вот если бы испытали, то не говорили бы о *радости страдания*».

Мережковск<ий>: «нет, В<асилий> В<асильевич>, это В<ы> напрасно».

Розанов: «Ну представьте себе, случись что с нашим семейством, и увидел бы я сына своего мертвым, то я убийца! — Ну как<ая> мне тут радос<ть>, что в *жертву он принесен!*».

«Вообще я как начинаю думать о смерти, так становлюсь нестерп<имо> зол. А теперь не знаю, что будет дальше, и не думаю о смерти, а знаю, что нам будет хорошо».

Мережковск<ий>: «Ну вот жертв<а> собою с радостью, напри<мер> дуэль, влечет неслыха<нной> силой».

Розано<в>: «Я бы не подставил бы ни за что голову под пулю».

Прощались в темном зале. Целовали<сь> и Мережко<вский> с В<асилием> В<асильевичем>, и учен<ики>, скажем, и я. Спуска<сь> с лестницы, крайне некстати кричал, что сошествие во ад.

Розанов вначале рассказал о том, как ему кто-т<о> пишет из прови<нции>, как, будучи еще ма<леньким> мальчиком, не посеща<л> церковь<ь>, и вот наступило у него изв<естное> сношение, собственн<о> с церковью и ее жизнью, ставит свечи, лампа<ды> затепливает, и п<отом> Розанов, прочитав эт<о>, сейчас же достал «Слово о полку Игореве» и в<идит>: «Боян бо ве<щий> персты по<лагал> на <струны>, и они сами славу рокотаху».¹²² И что Велесы и те же что сами еще живут в народе и именно в этом духовенстве.

Уже под конец я собственно завел разговор вот из-за чего. Я спроси<л> Мережк<овского> о том, скоро ли он кончит «Христ<а> и Антихр<иста>». М<ережковский> — «через 5 лет». Я — «у вас не такие будут, изменя<т>ся взгляды». М<ережковский> — «да, можно будет проследить, как они изменяли<сь>». Я — «ведь в „Юлиане“ и „Воскр<есших> Бог<ах>“ почти одинаковы». М<ережковский> — «нет, ест<ь> изм<енения>». Я — «Вы написали в „Юлиане“, но почему-то назва<но> „Юлиан“, со вре<мени> сцены с диском и Артемидой Ефесской».¹²³ Почему он по внешнему виду вдруг сказал. Ведь это того же порядка как и идолы, общен<ие> приписываем. М<ережковский> — нич<его> не отве<тил>. <...>

¹²¹ В редакции 1936 г. эта фраза заканчивается: «...а то оттолкнет, как прош<лый> раз Иванова».

¹²² Цитата неточная.

¹²³ Подразумевается XII глава первой части романа Мережковского «Юлиан Отступник», в которой впервые появляется одна из главных героинь, Арсиноя. Ее, метающую диск, поэт Публий Опатриан сравнивает с Артемидой-Охотницей.

Главное было хорошо то, что диавола В<алентина> А<лександровича> не было.

Когда Мережковск<ий> говорил за чаем о том, что Минс<кий> ничего не хочет знать и считает себя Христом, то я в силь<ном> возбужд<ении> сказал: «Он сверкает». Мережковск<ий> как-то вдохно<вил> взглядом меня.

По улице когда мы шли, я ска<зал> Мереж<ковскому>, что Христос сломил Антонина, в нем «как демоны глухонемые»,¹²⁴ на что — «да это так».

Когда перехо<дили> к См<ольному>, то я <сказал>, что замечат<ельно>, когда древние хотели изобразит<ь> Божественность зверя, то изобр<ажали> его с крыльями. Надо мы [должны] крылья надо добыть.¹²⁵ Окна.

Но зачем я сказ<ал>: «Д<митрий> С<ергеевич>, вед<ь> В<асилий> В<асильевич> е<сть> язычник».

Д<митрий> С<ергеевич> — «ну в тако<м> слу<чае> и я тоже».

29 сентября

Был у Розанова.

Б<ыли> Бенуа, Нувель,¹²⁶ Философов.

<11 октября >

Замечатель<ная> статья Розанова.¹²⁷ Я со слезами на глазах от восторга.

<13 октября>

О — у Розан<ова>. Там Петров.

15 окт<ября>

У «Лихачевых».

Ал<ександра> Мих<айловна> говорит, «что Мережковск<ие> летом езд<или> на Волгу, пос<етили> сект<у> хлыстов.¹²⁸

3 ноября

Море всем говорит об одном и том же, и всегда при этом разное и новое. Так и В. В. Р<озанов>. (Вечные) песни синицу.

¹²⁴ Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865).

¹²⁵ Ср. в воспоминаниях: «Я об обожани<и> и обожении <...> в юности как источн<ике> телесного богопознания. <...>

О связи обожени<я> с Крылья<ми>. Свящ<енные> люди и звер<и> „крылаты“.

¹²⁶ Нувель Вальтер Федорович (1871—1949) — один из организаторов «Вечеров современной музыки» и объединения «Мир искусства», композитор.

¹²⁷ Речь идет о статье Розанова «Размолвка между Достоевским и Соловьевым» (Новое время. 1902. 11 окт. № 9556. С. 2).

¹²⁸ Поездка к озеру Светлояр описана З. Гиппиус в путевом дневнике «Светлое озеро» (Новый путь. 1904. № 1, 2).

10 ноября. Очень странно. Пошел сегодня к Розанов<у>. Наконец <...> при<шел> 9 ч. 20 м<инут>. Швейцар спросил <...> Принимают, «но еще никого нет-с». Я тогда сказал, что иду погулять. <...>

17 ноября. <...> Очень хорошо, что не был в прош<лое> воскресенье. Прямо чудо. Варв<ара> Дим<итриевна> в больни<це>, операци<я> была на эт<ой> неде<ле>, и теперь там. А<лександра> М<ихайловна> в тени. В<асилий> Вас<ильевич> рас<с>троен и все время лежит раздетый в постели (язычник). Я пил чай, и пот<ом> он меня одного позвал, опять о семье говори<л> своей и о папе и о маме сказал, то что не было сказ<ано> 17 марта.¹²⁹ «Должно быть, ваша мамаша красив<ая> была». Об силе полов и о снискавших кротость. <...> Спросил: «давно вы у Мережков<ских> были?» <...> что совсем не хожу! Религ<иозные> собр<ания> <...> замет<ьте>? 100 человек исключено.

Под конец, «ну прощайте, голубчик», и благословил. Я перекрестился <...>

28 ноября 1902 года, четверг.

Я не знаю, следовало или не следовало мне идти туда, в Религ<иозное> обще<ество>. Каж<ется>, Р<озанов> подумал, что я хочу к ним. Сказ<ал>: «да В<арвара> Д<митриевна> хотя и приехала, но слаба и очень слаба». Неужели он подумал, что я хочу туда, и спрашивал из-за этого. <...>

Перцов в 5 часов вс<ех> принимает.¹³⁰

Прощали<сь> у выхода цел<ых> 1/2 часа. Роз<анов> пошел по Театр<альной>. Я сзади с Св<етозаром> Степ<ановичем>.

10 декабря

Был в часовне. <...> Пасмурн<о>, мелкий снег. К дому Мережк<овско-го>. Дума<л> войти, но так и не решился. <...> Походил окол<о> дома и пошел на Шпалерну<ю>. Вижу сидит швейцар, газету читает. Прошел несколько раз мимо. И нако<нец> зашел. Спрашиваю «Как здор<овье> В<арвары> Д<митриевны>». И не получил <ответа>. Вернулись. Выяснил даже, что посл<еднее> воскресени<е> собрание было. Я сказ<ал>, чтоб он поклонился от ме<ня>. Он. — «Как доложи<ть>». Я. «Иванов. Да скаж<ите>, ч<то> рыж<ий>».

15 декабря. Был в моленной «на часах».¹³¹ <...>

Был у Розанова. Сперва предст<авил> ж<ене> как «единствен<ного> симпатичного студента». «Загадоч<ный> вид». «Зачем волосы обстриг». «Расс<кажите> о том, что в историче<ском> Хрис<те> нет скопчества, что

¹²⁹ Ивановы Павел Александрович (ок. 1840—1893) и Мария Петровна (см. примеч. 5 к письму 5). Вероятно, Иванов подробно рассказал Розанову об истории их знакомства. Могла речь пойти и об интересной для Розанова детали — «незаконном» происхождении П. А. Иванова (он был внебрачным сыном писателя А. К. Жуковского). См.: Фетисенко О. Л. Проповедник Нагорной радости: («Петербургский мистик» Евгений Иванов) // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 334—339.

¹³⁰ П. П. Перцов жил в меблированных комнатах «Пале-Рояль» на Пушкинской улице.

¹³¹ Речь, вероятнее всего, идет о моленной Федосеевской старообрядческой общины, находившейся в Волковской богдельне (наб. Волковки, 3). К «федосеевцам» принадлежала бабушка Иванова А. А. Шалыгина. Часы — одно из богослужений суточного круга.

дух — м<ужской>, ж<енский>, а двойн<ой>, а не только ж<енский>». Со-
глас<ен>, что <нрзб.> чуда.

«Вот что, приходите в собрание без повестки, вас трое знают».

Мереж<ковский> одн<ако> как не де<лать> балаган. Как важно, что
я не пошел к ним.

В. Р<озанов> очень дово<лен>, что <я> справ<ился> у швейцара.

В<асилий> В<асильевич>: «Мы встрет<имся> в раю как здесь все»,¹³²
не как здесь.

Когда шли дом<ой>, то В<асилий> В<асильевич> два<жды> как-т<о>
м<не> ска<зал>, что был в «моленной» и что т<ем> образам у Мереж<ков-
ского> завидую.

1903

1 января 1903 г.

Важн<ый> день. Первый день, ка<к> я свободный сын. И замеча-
тел<ьное> знамение в эт<от> первы<й> день, когда встал с В<асилием>
В<асильевичем>, уходил, пришли как раз с гулянья его дети и я с ними по-
знакомился. Истинно первы<й> знак великий. <...>

Другая замеч<ательная> вещь. А<лександра> Мих<айловна> ска-
за<ла>, что «у Мережковс<ких> вас хотят видеть». Неужели так.

3) Розан<ов> спросил: «вы бы написали что-ни<будь> в „Новый путь“».

Я отв<етил>: «я уже написал». Он сп<росил>: «что». Я — «пот<ом>
скажу». При прощан<ии> он стоял со мною и в комнате своей, где в углу на
столе стоит образ Богоматери с лампадкой, спр<осил> м<еня>: что ж<е>
я нап<исал>. Я ска<зал>, ч<то> ответ Философам.¹³³ Но ту<т же> при-
ба<вил>, что сделал уже гран<диозную> ошибку. Он: «это ничего. Мне
очень понрави<лось> ва<ше> первое письмо очень гладкое».¹³⁴ Я с ужасом
ска<зал> и почему так сдела<л>. Пото<му> что боялся, что совсем не
напишу. Рас<сказал> про проход мим<о> подъезда Мереж<ков-
ского>. Тог<да> он ст<ал> уходи<ть> из ко<мнаты>. Я пошел. Тут вошли с улицы
дети. Ну не удержи меня и все бы, мы тут и позн<акомились>. <...>

В связи с той запиской, кот<орую> я оставил у швейцара, думаю, что
я никогда уже больше не буду так <принят>, как вообще принят в доме Ро-
занова.

5—6 января 1903 г. В часовне¹³⁵ был <...>

Был у Роз<анова>. Окол<о> 12-ти час<ов> воше<л> Мереж<ковский>.
Г<иппиус> рядом. Указала на блюдо<е> с мандарина<ми> и говорит: «убе-
ри<те>, я не люблю жаб» (кожа мандари<на>).

¹³² Аллюзия на речь Алеши Карамазова после похорон Илюши Снегирева (*Достоев-
ский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 197).

¹³³ Вероятно, отклик на записку Д. В. Философова (возражение на доклад В. А. Тернавцева
«Русская Церковь перед великой задачей»), прочитанную на втором заседании РФС. Черновик
ответа Философам см. в дневниковой записи Иванова от 21 дек. 1902 г.: ед. хр. 3, л. 13—27 об.

¹³⁴ Возможно, здесь идет речь о письме Иванова к Мережковскому.

¹³⁵ Речь идет о часовне св. Тихона Задонского на первом этаже дома Митрофаниевского
Синаodalного подворья на углу Звенигородской и Кабинетской (ныне ул. Правды) улиц, кото-
рую постоянно посещал Иванов.

Петров спорил с Мережковским. Я потом говорил с Петровым от носительно вопиющего в Церкви. Храм Церкви. Он этого ничего не понимает.

Перцов пришел в первом часу, подошел ко мне и сказал, что статью не принял, потому что не подходящая.¹³⁶

Я спорил с Мережковским. О том, что не понимаю. Я: «а хлыст вошел в церковь и Достоевский за демонизм».

Мережковский: «ну прости меня, и я все я и *нрзб.*».

После: «Да что это сложененко».

Гиппиус чуть не поцеловала Розанова. Он ее крепко поцеловал. Он на карточку¹³⁷ сказал, что «следующий раз приходит, я подпишу».

Вышел с Карташовым и Мережковским и Гиппиус. Мережковский, по моему, говорил Гиппиус, что зачем она целовала Розанова <...> Поп Григорий Спиридонович значит как черт. Не православный, пахнет арбузами. Я — ветер над морем. Но поехали, на углу Воскресенского кричал Мережковскому: «Серая голубица».

Мережковский. «Аскетизм не в маскирующем нигилизм, но во время споров он может привест к нигилизму».

<19 января>

Был у Розанова. Старов, Андреевский,¹³⁸ Егоров,¹³⁹ Мережковский, Гиппиус. М. А.¹⁴⁰ в постели принимала.

Томительная скука. Новый студент, студент Ге.¹⁴¹ <...> Но вот под конец при прощании Розанов и Мережковский сказали, что «следует его письма скомпоновать и напечатать». Я заметил, что еще мальчишка, на что Мережковский сказал, что это — тем лучше. «Пишите, но лучше не о белой голубице, а о серой утице». Это может быть намек на серого утенка Андерсена.

2 февр^аля. Был в часовне. <...>

Снес В. В. Розанову мои «поклонников».¹⁴² Отдал. Писал с 24 — 2 фев^{ра}ля. 9 ч. 5 минут вечера в кабинете. Он сказал: «можн^о положить их в отда^лении до пис^ьма». Я сказал: «все ради я для вас». Он — «Ну спасибо, мой дорогой, спасибо, ежели дл^я меня, понесем».

Варвара Дмитриевна сказала, «что у меня оч^{ень} заразительный смех: искренний».

¹³⁶ См. примеч. 133.

¹³⁷ Т. е. на просьбу подарить фотографию.

¹³⁸ Андреевский Сергей Аркадьевич (1847—1918) — поэт, литературный критик, юрист.

¹³⁹ Егоров Ефим Александрович (1861—1935) — журналист, секретарь РФС, секретарь редакции журнала «Новый путь». См. о нем: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 47.

¹⁴⁰ Возможно, описка: А. М. (А. М. Бутягина).

¹⁴¹ См. примеч. 2 к письму 5.

¹⁴² Речь идет о статье «Таланты и поклонники», которую Иванов написал под впечатлением пьесы А. Н. Островского под этим названием.

16 февраля.

Был у Розанов<а>. Ге, Егор<ов>, Старо<в>. А. И.¹⁴³ и Але<ксандра Михайловна> приш<ли> напали. <...>

Перед 12-ю часам<и> я ска<зал> В<асилию> В<асильевичу> о то<м>, что мог бы верну<ть> он мои писания. Он не нашел. В прих<ожей> уже после 12-ти, след<овательно> 17 феврал<я>,¹⁴⁴ он сказал, что эт<о> замечательно пр<о> брат<а> и сестр<у> Диа<ну> и Аполлон<а>.

Я: «В<ы> пот<ом> развили бы замечательно».

Очевидн<о>, читал и В<асилий> В<асильевич> о мои<х> чертях та<м> к Мережк<овскому>.¹⁴⁵

27 февра<ля>. Четверг

Боже милосердный, как Ты обогатил меня. За что, Господи? Что я в Религиозном собрании услыш<ал> от Димитр<ия> Сергеевича. Как милость это была.

Я стоял у стола с ни<м>. Он подош<ел> и сперва не заговорил. Я оглянул<ся>. Но потом <...> Приподняв палец в единицу: «Замечательно, гов<орит>. Ка<к> э<то> вы написали хорошо».

(Одна улы<бка>, одно выражен<ие> лица уже мне и<с>т<ол>к<овали> все. Боже, Боже мой.) «Особенно хорошо там про акклиматизировать<ся>».¹⁴⁶ Я сказа<л> Гиппи<ус>, что я из «Женщины с моря».¹⁴⁷

Гип<иус> ск<азала>, что «это не хорошо». «Заходи<те> к нам. Отчего вы не заходи<те>?» Я — «Я не смел».

Пото<м> Дм<итрий> С<ергеевич> <...> ска<зал>:

«Вы бы писали к нам в „Нов<ый> путь“, у вас слог есть».

«Заходит<е> поговорить».

Я — «ког<да> можно?». От<вечает>:

«Да вот ка<к> ра<з> за<втра> ч<етвер>г и 9 час. вечера <...> сплю, но вы эти<м> не смущаетесь. А то уйдите...».

А потом, пото<м> В. В. Розан<в> <...> сказал м<не>: «Послушай<те>, я вашу нашел рукоп<ись>, хоти<те> к Философов<у> препровожд<у>». Я с<казал>: «Бл<агослови> ва<с> Господ<ь>».

5 марта

Получил утром приглашение на завтра вечером 6 ма<рта>, четверг в «Новый путь» на вечер.

Бедный Саша¹⁴⁸ очевидно страдает. Я, мерзавец, его мыслями пользуюсь.

¹⁴³ Неустановленное лицо.

¹⁴⁴ Иванов подчеркивает наступление 17 февраля, потому что число «17» считал числом Петербурга.

¹⁴⁵ Речь идет о письме Иванова к Мережковскому, которое было начато 7 февраля и после написания нескольких черновых вариантов отправлено 13-го. «Послал письмо Мережк<овскому>. О его терн<истом> крова<вом> пути и о бесах, забег<ающих> вперед и искушающ<их>. О себе бесе...» (ед. хр. 3, л. 62 об.).

¹⁴⁶ Подробнее см. в публикуемом ниже фрагменте воспоминаний.

¹⁴⁷ «Женщина с моря» — драма Г. Ибсена (1888).

¹⁴⁸ Иванов Александр Павлович (1876—1940) — искусствовед, прозаик; старший брат Е. Иванова.

6 м<арта>.

Был сегодня в редакц<ии> «Нов<ого> пути» на вечеринке. Было бы очень весело, если бы не Д<митрий> Сер<геевич>, котор<ый> занем<ог>, захворал, вообще больной приехал.

Были — все Мир Искус<ники>, Серов, Дяги<лев>, Бенуа, Философов. И Репин при<ехал>. Сомов. Сидел у камина ряд<ом> с Блоком и сестр<ой> З<инаиды> Ник<олаевны>.¹⁴⁹ Замеч<ательно>. Сперва подош<ел> к Зин<аиде> Ник<олаевне> и до<лго> сиде<л> и разговари<вал> о черте. Пот<ом> при<шла> Вилькина, и я был предст<авлен> как черт. Я чист<ил> апельсины ей.

С Бенуа дол<го> говорил о выставке, о «Гибели богов».¹⁵⁰ <...> Об Ан<тихрис<те>. Зигфрид. <...> Я сказ<ал> З<инаиде> Н<иколаевне>, что у нее «арарь».¹⁵¹ Вообще<е>, ка<жется>, име<л> успех. <...> Вообще от вечера впечатлен<ие> стран<ное>, что-то не вышло, не удало<сь>. Не твердо. <...>

Лучшим моментом считаю Бенуа в «Гибели богов». <...>

Повестка была послана З<инаидой> Н<иколаевной> поздно <...>. Посл<ана?> Розанову.

10 марта

Снес днем Розанову «курильни<цы> и лампы», котор<ые> брал для починки. Ал<ександра> Мих<айловна> встретила. В<асилий> В<асильевич> ездил в четв<ерг> и в понедельн<ик> вернул<ся>, езд<ил> в Москву.

16 м<арта>

Был у Розанова.

Я напрасно сдал эту штуку. Точ<но> что-то оборвалось <...>. Затем он назвал мен<я> дураком за «Голгофу».¹⁵² Это хула на Духа Свята.¹⁵³

22 марта.

Был у редакц<ии> «Нового пут<и>», второй вечер. 7 студен<тов>. Перечи<слю>. Гип<пиус>, Мер<ежковский>, Розан<ов>, Минский, <нрзб.>, Карташов, Сомов, Нувель, Ге.

Я говорил о хлыс<товстве>, вош<едшем> в храм, и, кажет<ся>, в первы<й> раз был понят.

Розанов в вост<орге> от первород<ного> греха Церк<ви> и от «человек живет Богом». Я ему говорил, что э<то> он сам есть.

Он — «я в первый раз э<то> слышу».

В. Розанов сказ<ал>, после того ка<к> я сказа<л> о Тр<иеди<нстве> образ<ов>. — «А вы у нас прямо мудрец».

¹⁴⁹ Речь идет о Т. Н. Гиппиус (см. примеч. 4 к письму 5).

¹⁵⁰ О работе А. Н. Бенуа над постановкой оперы Вагнера «Гибель богов» см.: Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 4—5. С. 372—373. Премьера состоялась в декабре 1902 г. См. также: Дягилев С. П. Гибель богов. II. О постановке // Мир искусства. 1903. № 4. С. 35—38.

¹⁵¹ Имеется в виду орать (часть диаконского облачения).

¹⁵² Речь идет о незавершенной статье Иванова «Голгофа».

¹⁵³ Ср.: Мф. 12: 31.

23 марта. Был у Розанова <а>. Разговаривали с Тениным <?>. Говорили о учении Маркса. Критика. Получил приглашение <...>.

<5 апреля>

Был у Мережковского. Снес «Голгофу» свою. Там он сидел на лежанке? в кабинете. Он, Гиппиус и медик доктор. Мережковский в прошлое воскресенья провалился в люк в доме митрополита.¹⁵⁴ Люк был покрыт стеклом, и упал с нрзб. высоты. Вес был в крови и права рука порезана. Привезли в карете и несли обвязанного на носилках в квартиру. «Чуть не истек кровью». Розанов читал, Мережковский читал мое и говорит очень интресно. Кажется, это новые люди. «Вы совсем на сумасшедшего похожи, а пишете такие талантливые вещи». Гиппиус: «Какие у вас волосы днем. Я бы желал иметь такие волосы».

Религиозно-философские собрания закрыты.¹⁵⁵ Виноват? Государь, и на «новый скит» Мельникова если показал Мещерский.¹⁵⁶ <...>

Прощаясь, Мережковский сказал: «Ну прощайте, голубчик. Приходите на праздники». <...>

Светлая Христова заутреня с открытыми дверьми в церковь. <...>

Был у Розанова днем. И он дал мне, подарил свою книгу «Семейный вопрос в России».¹⁵⁷ Замечательно, что подписал 4-го апреля, как раз Пятница Страстная. <...>

14 апреля

Был у Мережковского. Поправлял корректуру. «Я читал вашу „Голгофу“, очень интересно. Только совершенно не цензурная». «Почему голая Голгофа?». Но потом что он говорил при цензоре край листа оборван метафизическая <...> сказка. Хотел отдать, но Зинаида Николоевна <...> сказала, чтобы оставили <...>

24 апреля

Получил приглашение на субботу 26 апреля в «Новый путь». Был у Мережковских вечером. Говорили много и спорили. Карты. Фридриха судьба. Он хочет застрелиться.

¹⁵⁴ Митрополит — ошибка Иванова. Несчастный случай, о котором идет речь, произошел при посещении епископа Финляндского Сергия (Страгородского; 1861—1944), председателя РФС. Ср. в письме З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову, полученном им 4 апреля 1903 г.: «Вы, конечно, уже знаете о провале Д. С-ча в люк на лестнице Сергия» (Русская литература. 1992. № 1. С. 134. Публ. М. М. Павловой).

¹⁵⁵ Решение о закрытии РФС принято 5 апр. 1903 г., тем не менее 19 апр. состоялось еще одно собрание.

¹⁵⁶ Возможно, описка Иванова. Речь идет о направленной против журнала «Новый путь» статье М. О. Меньшикова «Тоже стиль модерн» (Новое время. 1903. 23 марта. № 9716. С. 2—3), которую кн. В. П. Мещерский (редактор «Гражданина») передал для ознакомления императору Николаю II. См. письма Гиппиус к Перцову от 6 и 20 апр. 1903 г. (Русская литература. 1992. № 1. С. 136, 139—143).

¹⁵⁷ Книга Розанова «Семейный вопрос в России» (Т. 1—2. СПб., 1903).

Сашу пригласи<л> на субботу.

Говорил там о Невидимой церкви. О лице Скаликова <?> и хлестако<вской> ист<ории> и вознесении вс<ех> на небо.

27 апреля. Вчера 26-го апреля читал в ред<акции> «Нов<ого> пути» свою «Голгофу». Присутствов<ал> Саша. Оживленный спор. Почти холод и резкость. Д<митрий> С<ергеевич>, кажет<ся>, умиряется, особенно после того как я ссылался на его стихотворение (Мир распятый¹⁵⁸). В особ<енности> серьезно выслушал о радост<и> Сион<а> и Голгофы.

С В<асилием> Васи<льевичем> ходил в ком<нату> сосед<нюю> и долго говорил. Он согласен и пони<мает> лучше всех. Поняли, что если вместе пить чашу, то уж не Мучитель. Благодарю Тебя, Боже мой. Важно же, что в деревнях бабы уходят рожать в хлев. «Киоты — боженькино стойло». Пото<м> опять ходил в другой комнате. И там он сказал ответ на мое письмо. «Это вы хорошо сказали, что матери всякий подаст».

Был Семенов,¹⁵⁹ это тот курчав<ый>, то<т> человек, кото<рого> я два <раза> видел на концертах.

<4 мая. Начало оборвано. Рассказ Розанова о Достоевском>

Розанов <...> <с> Ламанским В. И.¹⁶⁰ ехал на извозчике. Он расска<зы>вал, что был знаком с Писарев<ым>, Чернышевским. Очень хороши<е> и милые люди. С Достоевским он был знаком.

Очен<ь> горячи<й> и резкий, прямо в обществе невозможный. Как-то пришел к нему и в споре наброс<ился> на сидя<щего> у него господ<ина>: «Дурак, болван, как ты смеешь!». Он участвовал в обществе герцеговинцев, из ни<х> остался жив т<олько> Л<аманский>. И вот предложил Достоевский и<здать> выпущенную главу из «Бесов». Изна<сил>ование девочки Став<рогиным> <край листа оборван>. Утром проснувшись видит на окне паука. И это наводит его на мысль изна<сил>овать<...>».

Любил очень рассказывать, <как> с ним падучая случае<тся>, к<а>к в сорт<ир> холодный ходил и там падал в падучей. Видя внимание гостя, он еще усиливал рассказ и подробности. Видя опасение, нарочно пугал.

Приш<ел> раз в общес<тво> их и как «Женюсь» и пр<очее>. И «Пре<ступлени>е и наказание».

12 мая. Вчера был у Розанов<а>. Там Мироллюбов.¹⁶¹ Розанов говори<л> со стан<овым> пристав<ом>. Отдал мн<е> 3 руб. Я отказывал<ся>. Он поручил еще раз купить «Михаил<а> и Раму. Евр<ейскую> жену». ¹⁶² «Семейны<й> вопрос» сильно расходится. На прощ<анье> велел принести карточку сестры. Сегодня купил книги и снес В<асилию> В<асильевичу>.

¹⁵⁸ Неясно, о каком стихотворении Мережковского идет речь.

¹⁵⁹ Семенов Леонид Дмитриевич (Семенов-Тянь-Шанский) (1880—1917) — поэт, прозаик, религиозный пропагандист; внук известного ученого П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

¹⁶⁰ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — историк, общественный деятель, член Санкт-Петербургского Славянского комитета.

¹⁶¹ Мироллюбов Виктор Сергеевич (1860—1939) — издатель ряда журналов и сборников в 1900—1910-е гг.

¹⁶² Сведениями об этом издании не располагаем.

Снес и кар<точку> Мани. Он за столом в гости<ной> сидя <сказал>: «вот умница, что принес<ли>». «Какой ваш брат старш<ий> красивый».

17 мая. Саша был на выставке в Летн<ем> саду Петра I-го. Вернувшись днем перед обедом, он в гостиной у окна сказа<л> мне при маме: «Тебе по<клон от Мережковских>». <...> Мама ск<азала> — «да разве Саша знаком им, он шутит». Боже мой, Господи, как Ты милостив ко мне. Как все изменилось. «Поклон от Мережковских». Потом Саша сказал, что Мережков<ские> будут завтра у Розанова, потом, что они едут во вторник.

Как жаль, что я не могу быть, неудобно, прощался, да еще подумает, чт<о> за долгом пришел, нет, не стану.

Вечером после того, как я написал эт<и> строки, Саша милый мне до<сказал недосказанное>. «Мережковск<ие> сказали, что надеются меня у себя видеть до отъезда на дачу».

23 июля

Все это и то, что я показал автогра<ф> Розанов<у>, адски пошло. Низкое хвастовство. Я поделом наказан.

14 сентября <...>

Был у Розанова. Он сказал, что пере<даст> митропол<иту>¹⁶³ о то<м>, что я сказал. «Необ<ходимо> прикосну<ться> т<айне>, божеств<енное> и трагическое».

<15 октября, после беседы с епископом Сергием (Страгородским)>

О мертвечина!

Как беско<нечно> должны бла<годарить> Бога, пославшего Мережков<ского> и Розанова.

24 <октября>. О Розанове начал.¹⁶⁴

26 окт<ября> — был у Розанов<а>.

6 ноября. Был днем у Мережков<ского>. Очень он удручен. Ничего не будет. И собрани<я> думает не открывать. Потому что не читать еще нач<нут>. «Цер<ковный> ве<стник>»-то ре<дактируют> Тернавц<ев> и Розанов<в>.¹⁶⁵

¹⁶³ Митрополит — Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846—1912), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский с 1898 г.

¹⁶⁴ Вероятнее всего, речь идет о начале работы над статьей, посвященной книге Розанова «Семейный вопрос в России». К ней же относятся записи, сделанные в январе 1905 г. (ед. хр. 5, л. 47 об.—48, 60—62 об.).

¹⁶⁵ Неясно, о чем идет речь. «Церковный вестник» — официальное издание Санкт-Петербургской митрополии. Розанов не имел к нему отношения. Возможно, подразумевается рубрика в «Новом пути» «Религиозно-философская хроника».

16 ноября.

Был у Розанова. Сперва у А<лександр> М<ихайловны>, и они замечательно заговорили о Мадонне. Они видели мен<я> в «Мал<ом> театре», оказал<ось> и вид<ели> меня в ложе. Я их не видел, а они мимо проходили.

Мережковский был. «Вас В<асилий> В<асильевич> выводи<т> в л<юди>». <...>

Вас<илий> Вас<ильевич>, прощаясь, велел поклонить<ся> Мане.

21 декабря был у Розанова.

Мережков<ские> были тоже. <...>

1904

25 января. Войну начали.

Прекрасно проведен<ный> вечер у Розано<ва>. ¹⁶⁶ Был<и> Мереж<ков>ский<, Гиппи<ус>, Бенуа с женой¹⁶⁷ <...>. Боткин,¹⁶⁸ Бакст, Нувель, Ма<р<ия> Никола<е>вна.¹⁶⁹

Получил приглашение в «Нов<ый> пут<ь>» на вечер в среду.

И к Бенуа бил<ет>.

¹⁶⁶ В 1940 г. дополнено существенными подробностями: «Был у Розанова... Там Мережковские, Бенуа. Непонятная для меня (тогда) тревога у Мережковского особенная. Он о войне — „это начало конца“! (Тон, взятый им в его трилогии «Толстой и Достоевский», тон перелома к концу не случаен в нем, предчув<ствие> историка. Розанов мечтал о разных защитных заграждениях у каждого солдата.) „Начало конца! Вот, — обратился он ко мне, — оправдание того «тона», какой я взял в ст<атье> «Толстой и Достоевский». Перелом от Первого ко Второму Пришествию на грани двух столетий XIX и XX в. А! р'ыжак, р'ыжий конь?! Исторические сдвиги... а?!“.

И Розанов был серьезен в своей тревоге за грядущее на вселенную. Все погружался в заботу, как помочь тем, кто под огнем идут, сражаются. Мечтал о щитах защитных у каждого неприцеливаемых для пуль... И волновался, что ничего не изобретают такого...

А я как-то „ничегошеньки“! цвел в своих переживаниях внутренней жизни и только жалко. Вырезки из газет в дневнике. Как девушку насмерть ранила бомба в доме и ее „ах, что ж это они со мной сделали“, или другое „холодно, холодно“, слова умирающего молодого моряка, найденного в море через сутки после гибели судна.

В Петербурге балы. В Порт-Артуре бомбы» (ед. хр. 40, л. 36 об.—37 об.).

Мережковский подразумевал финал своей книги «Л. Толстой и Достоевский»: «Подобно тем, кто, глядя с возвышения, видит над головами людей приближающееся к ним, но пока не видное снизу стоящим в толпе, мы увидели над всеми грядущими веками и событиями историческими конец всемирной истории. <...> Мы не примем никакой середины, ибо верим в конец, видим конец, хотим конца, ибо мы сами — конец, или, по крайней мере, начало конца» (*Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. С. 478*). Ср. также в пятой главе второй части книги: «...может быть, никогда еще дух человеческий так не предчувствовал, тайно для всех, что близок если не конец, то начало конца, что оно при дверях, стучится в двери» (Там же. С. 161).

¹⁶⁷ Бенуа Анна Карловна (урожд. Кинд; 1869—1952) — жена А. Н. Бенуа.

¹⁶⁸ Боткин Сергей Сергеевич (1859—1910) — профессор-терапевт, коллекционер, художник.

¹⁶⁹ Неустановленное лицо.

28 января. <...>

Был вечером в редакции «Нов<ого> пути». Минский, Мер<ежковский>, Гип<пиус>, Смир<нов>, ¹⁷⁰ Сем<енов>, Егор<ов>, Розан<ов>, Тернавц<ев>.

Я и Смирнов поправлял мою корректу<ру> «Эд<ипа> в Колоне». ¹⁷¹

18 февр<аля>.

Розанов и Мережков<ский>.

<...> Признак <...> слия<ния> Хрис<тианства> и языч<ества> в одно<й> точке. Из ее вершины от<к>ры<ваются> дали <...> на вос<ход> и заход солн<ца>а <...>

Был в «Нов<ом> пути».

Пришел уже когда была полн<ая> редакц<ия>. З<инаида> Н<иколаевна> спро<сила>: «отче<го> вы на меня в претензии по повод<у> Посейдон Дионис».

Спор о Царе и вопр<ос> о студ<енческих> искан<иях>.

Розанов сказал по поводу т<ого>, что я назвал его Волхвом, и Мереж<ковский> отриц<ает> эт<о>, что Роза<нов> покл<онился> Младенц<у> Христ<у>. Он назв<ал>? сказа<л>: «Он знает. Любовь открывает эт<о> ему».

Рыжак. ¹⁷²

3 марта

гл<ава> 12 Иоанна

«благословен грядый во имя Госп<одне> царь Израил<ев>». «Царь твой грядет». ¹⁷³ <...> О смерти зерна. ¹⁷⁴ Исти<на> не понят<ая> пришедш<им> еллинам и иудеям с язычн<иками>. <...>

Так отча<сти> еще не понятна она языч<нику> Розанову и отчасти Мер<ежковскому>. Ибо здес<ь> Крест, отлич<ный> и от яз<ыческого> мира. Но прошедш<ие> через крест и смерть <...> виде<ли> славу Божью, а не славу человеческую».

<14 марта>

Был у Розанова. Там сидел на том кресле, на котором сидел, когда в первый раз был у него. Был се<рб> Св<ятозар> С<ве>т<ланович>.

А<лександра> М<ихайловна> уезжала на бал и меня звала, но я остался, когда пришел Мережк<овский> и Гиппиус.

Мою статью пропустила цензура, но... но... но Гиппи<ус> говори<т>, что там все неопределенно.

¹⁷⁰ Смирнов Александр Александрович (1883—1962) — поэт, переводчик, литературовед.

¹⁷¹ Статья Иванова (отклик на постановку Александринского театра), опубликованная в «Новом пути» (1904. № 2. С. 253—259).

¹⁷² Рыжак — такое прозвище дал Иванову Мережковский. Ср. в письме Гиппиус к Перцову от 30 декабря 1903 г.: «...там (в редакции «Нового пути». — О. Ф.) буча, вольноопределяющийся, рыжак с приятелем...» (Русская литература. 1992. № 1. С. 151; здесь не пояснено, кто имеется в виду).

¹⁷³ Ин. 12: 13, 15. Ср. выше наброски к рецензии на книгу Розанова.

¹⁷⁴ См.: Ин. 12: 24.

21 марта

У Розанова был.

Розан<ов> говорил: «С моей книгой вышло неладное. Не скажу вам. Да книгоиздате<ли> взяли подписку не продавать». Прямо<о> сволочи.

Пот<ом>, когда я передал поклон Мани, ск<азал>: «дай Бог, чтоб она не разочаровал<ась> в своем молчаливом знакомом».

<3 апреля>

Говорят, что Мереж<ковский> и Розан<ов> и присн<ые> ему не достаточно переживают, не до боли чувствуют то, о чем говорят. Что отношение у них к Богу, как и ко всему происходящему вокруг них, легкое, светское. Носят Христа в кармане, что тут Хрис<тос> как талисман, что тут мерзость настоящего декаденства на религиозной почве.

4 апреля

Обществ<енное> мнение таково, Розанов возбуждает забыт<ые> вопросы общественной жизни <...> но чтоб он разрешал, находил решение этим вопросам, это уж «ах оставьте».

<12 апреля>

Был у Розанов<а>.

Антихристианство.

Началось с того, что надо признать *мойра*, судьбу, которой подвластен сам Отец Бог. Но тогда богосло<вам> надо отвергнуть Его всемогу<ство> и свободу.

В Христе есть хитрость. [Христа ник<огда> соб<ственно> не было, а все это потом написано. Но, гов<орит> Роз<анов>, на велик<ий> четверг, слушая 12 еванг<елий>, как там все живо описано и что все они видели, начинаешь сомнева<ться>, ведь в самом деле был.]^с Не давал прямо<го> ответа, отвечал не как Бог. Т<ак>, н<апример>:

«За кого вы Меня принимаете», так не мог спросить Бог.

И Петр о<твечал> «Ты Сын Божий». «Блажен ты Петр... <...> на сем Камени осн<ую>».¹⁷⁵ Т. е. ужаснейш<е> по-видим<ому>. И на этом основал. Т. е. не уз<нал> обман признание <нрзб.> н<а> само<м> деле. Или не мог Бог так говори<ть>: «трудно тебе пра<ть> против рожна».¹⁷⁶ Тут насилие. Из купины такого ответа не было бы.

Искупление совсем ему непонят<н>о. Т. е. как э<то> труп убитого человека подсунили, в эт<ом> роде и сказали мы «искупление».

«Огонь низвести Я пришел на землю».¹⁷⁷ И эт<от> огонь темны<й>, и разгорится пр<и> сыне и <нрзб.>.

Возненавидь само<е> дорогое, и не пото<му> чтобы оно бы<ло> <нрзб.>, а пот<ому что> оно дорого...

^с В прямые скобки текст заключен автором.

¹⁷⁵ Мф. 16: 17—18.

¹⁷⁶ Деян. 9: 5.

¹⁷⁷ Лк. 12: 49.

Лицо у Р<озанова> страшное. Жена напугана. Потом, прощая<сь> с нам<и>, меня поцеловал крепко, крепко и в прихожей сказал: «Какой поганец этот Розанов». Гов<орит> <нрзб.>, сказал ему: «Хитрец». <...>

Розанов

— пахарь добрый, вспахавший и взборонивший мать сыру землю, которая завалена тяжк<ими> камнями, кот<орая> завал<ена> мусоро<м> и камнями прок<лятия>, что побивали в блудниц.

18 апреля <...>

Был у Розанова. Возвращ<ался> с Терн<авцевым> <...> Обещ<ал> ему пр<ийти> в четверг.

<20 апреля>

Я бы<л> в «Нов<ом> пути». Ф<илософов>, Г<иппиус>, М<ережковский>. Чулков — секретарь,¹⁷⁸ Розан<ов>, Смирнов, Нурок.

Возвращался домой пасмурным утро<м>. Брежил<а> синева. Город ночью светит сладострастным пьяным светом фонарей...

<4 мая>

Кончил статью свою о Розанове «С<емейный> вопр<ос>». ¹⁷⁹ Дал Саше читать.

Был у Г. И. Чулкова. С же<ной>¹⁸⁰ познакомил<ся>.

5 мая. Саша остался дома. Ходил днем к Мережков<ским>, заносил статью свою о Розанове. Его там застал как раз с Сологубом.

Был в «Нов<ом> пу<ти>» с Ге <...>

Мережков<ский>, он <?> Гипп<иус> чего-то надувшись, верно что-нибудь заподозрили, сплетни вышли. Чертова кукла. Философов холоден, Чулков вначале мил. <...> Но видно не доверяет. Что за бедлам, все друг на друга косятся.

С Карташе<вым> шел далеко по Знаменск<ой>. Может, он немного и балаган<ит>, по крайн<ей> мере так показалось. А мо<жет>, и ист<инно> с <предложение обрывается>.

22 мая

Был у Чулкова, обедал. <...>

Розанов был тоже. Звал завле<кательно>. Я сказал, что приду. Я негод<яй>.

¹⁷⁸ Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — писатель, поэт, литературный критик.

¹⁷⁹ Рецензия на книгу Розанова «Семейный вопрос в России». В коллекции М. С. Лесмана (ИРЛИ, ф. 840) хранится автограф с правкой, сделанной в редакции «Нового пути» Г. И. Чулковым.

¹⁸⁰ Чулкова Надежда Григорьевна (1874—1961) — жена Г. И. Чулкова, переводчица, мемуаристка.

<24 мая>

А вот еще. Сегодня письмо от Чулкова, где пише<т>: *Статья о Розанове приня<та> в июльск<ую> книжку.*

<23 июня>

Сегодня изумительный фельетон Розанова в «Нов<ом> врем<ени>». «Л<итературные> новости» о «Р<усской> м<ысли>».¹⁸¹

<15 августа>

Земля, женщина, Розанов...

29 авг<уста>. — Был у Розанова (о Вяльцевой¹⁸²).

26 сентября

Был с Ге в Моленной. <...>

Был у Розанова.

Как ставит<я> дело. Субъект. Беззаконие дает своеволие. И чт<о> хамство наше, ибо барство. Но свобода т<ворит> все. Т. е. самодержав<ие> внутри.

3 октября. Был с Ге у Розано<ва>.

17 октября. Объявление об идеалист<ах> «Нов<ого> пут<и>».¹⁸³ <...>

Был у Мережковски<х>. С Гиппиус говорил. И сказал, что я не в Церк<ви> теперь. Мережковск<ий> хлыстовщину изучает. Об идеали<стах> говорили.

Пошли к Розанову. Розанов в объявлении от «Нов<ого> пут<и>» сегодня не напечатан.

У Роз<анова> я сказал, что вышел из Содружества.¹⁸⁴

4 декабря. <...>

Был у Розанова.

К Мережков<ским> снес св<ою> «Стол<ицу> Всадника».¹⁸⁵ Очень милы оба. Зин<аида> Никол<аевна> очень мила.

7 декабря. <...> Сегодня дивный фельетон Розанова о хлыстах.¹⁸⁶

¹⁸¹ Речь идет о статье Розанова «Литературные новинки» (Новое время. 1904. 23 июня. № 10168. С. 4).

¹⁸² Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871—1913) — певица.

¹⁸³ В это время П. П. Перцов, Мережковский и Гиппиус отошли от руководства журналом, передав его Н. А. Бердяеву и С. Н. Булгакову.

¹⁸⁴ Подразумевается *Содружество христианской молодежи*, основанное в университете проф. Борисом Владимировичем Никольским (1870—1919).

¹⁸⁵ Первая редакция эссе, получившего впоследствии название «Всадник. Нечто о городе Петербурге» (опубл. в 1907 г. в альманахе «Белые ночи»).

¹⁸⁶ Речь идет о статье Розанова «В мире нашего сектантства» (Новое время. 1904. 7 дек. № 10335. С. 4), посвященной поездке к хлыстам. Окончание статьи: Новое время. 1904. 21 дек. № 10349. С. 4.

<14 декабря>

Розанов. Повседневный мистицизм.

<20 декабря>

Письмо от Гиппиус прислано и притом не по почте, обращение «милый Евгений Павлович». Я вчера собирался к ним, но сегодня они отозваны, приглашает завтра. Но уж к Блок у>.

Вчера после полуночи при выходе от Розанова Мерещковский сказал: «приходите, мы ведь принимаем вас как родного, а не гостя».

1905

1 января

У Розанова днем был и мямлил о том, что я бездарен по своей вине, не буду писать и стану простым смертным, простым чиновником.

<23 января>

Был у Розанова. Розанов очень был хорош. Крепко, крепко поцеловал при всех на прощанье и сказал: «вот друг верный никогда не изменит». Были Белый, Мережковский, Петров, Тернавцев.

<7 февраля>

У Гоголя вообще и в частности в его «Носе» карикатура на жизнь, как есть в жизни, нос карикатура на те члены Хритова тела. Гоголь обладал Божьим даром. В его творчестве и в нем было « жало ангела сатаны». ¹⁸⁷ То само жало, которое имеет Розанов против вырождающегося Христианства.

Это жало сатаны имел Павел в себе...

<11 февраля>

Если Соловьев первый привел к Софии Премудрости Божьей, то все же потребовали десятки лет и Мерещковский и Розанов, чтоб напомнили о Софии плоть и кровью, чтоб не было отвлеченной схемы, но живой образ, чтобы не было розового призрака, русалки с тумана, но образ плотный и кровью святой. И это как в Писании «Святая кровь» Гиппиус. ¹⁸⁸ Кровь пролить святую. Надо пройти через антихристианство.

<6 марта>

Кажется, нужно было сегодня зайти к Гиппиус, обиделась.

Был у Розанова. Он меня очень целовал и послал поклоны нашим. Очень рад, что я один. Сев. ж. <?> Сегодня ведь 6 марта.

¹⁸⁷ Аллюзия на 2 Кор. 12: 7.

¹⁸⁸ Пьеса Гиппиус, впервые опублик. в 1901 г. в альманахе «Северные цветы».

13 марта.

Был днем у Мережковских. Сказал, что «Красная смерть»¹⁸⁹ гениальна. Гиппиус тоже считает лучшей. Получил билет на чтение эпилога «Петра и Алексея» <...>.¹⁹⁰ Был вечером на выставке портретов.¹⁹¹ <...> Ходил по залам с Гиппиус вместе.

У Розанова вечером был, в 16 ч. пришел.

<10 апреля>

Был с Ге у Розанова. Могу засвидетельствовать начало заката Розанова. Его оправда<ние> всех аномали<й> и особе<нно> в политиче<ской> смуте и боязн<и> в смуте.

А Мережковские бежать хотят в Париж как только начнется здесь. А наемник бежит и не радит об овцах.¹⁹²

Странно, В<асилий> Вас<ильевич> сказал, что их Верочка¹⁹³ называет меня красивым. Стран<но>, почему именно Верочка.¹⁹⁴

<12 апреля>

У Розанова точка зрения исключительно половая. Взят пол как основа жизни. Пол и желание, жажда его, искл<ючительно> его как столп и хранен<ие> истины взят. Все ег<о> писание это Прометеевы вопли пола, и желан<ия> его, земл<и> желан<ия> и вне всякой религии, они больше чем вс<я> полова<я> фил<ософия>, религия, они не вмещаются ни в какую религию сами по себе. Они ни в проше<д>шей, <ни в> настоящей. Розано<в> хочет оформить их в религиозном освещени<и>, а они именно не за<то> никаких рамок богослужен<ия>.

13 апреля.

Послал Василию Васильевичу Розанову письмо.

17 апреля. <...>

Вас<илий> Вас<ильевич> встретил, никого еще не было. Ну вот, какой злой дух наклеветал вам на меня, что я хочу убить Христа. Потом

¹⁸⁹ Глава из романа Мережковского «Петр и Алексей».

¹⁹⁰ Вечер состоялся 16 марта 1905 г. Иванов в тот день записал: «Был у Ратькова-Рожнова вечер, где читал Мережковский конец „Петра и Алексея“» (ед. хр. 12, л. 13 об.). В фонде Е. Иванова в ГЛМ сохранилось приглашение за № 23 на этот вечер, врученное Иванову З. Н. Гиппиус: «З. В. и А. Н. Ратьковы-Рожновы просят пожаловать к ним в среду, 16 марта, ровно в 9 час. вечера. Д. С. Мережковский прочтет ненапечатанный эпилог к своему роману „Петр и Алексей“. Ивановская 4».

¹⁹¹ Историко-художественная выставка русских портретов XVIII—XIX вв. в Таврическом дворце была организована С. П. Дягилевым и А. Н. Бенуа, открылась в феврале 1905 г.

¹⁹² Ин. 10: 13. «Как только начнется здесь» — возможно, аллюзия на роман Достоевского «Бесы»: «...уйду домой, когда начнется» (часть третья, гл. первая, II).

¹⁹³ Верочка — Розанова Вера Васильевна (1896—1919).

¹⁹⁴ Вера — для Иванова священное имя, связанное прежде всего с В. Ф. Коммиссаржевской. Кроме того, это имя носила двоюродная племянница Иванова, Вера Николаевна Дюкова, в которую он будет влюблен.

спросил о видении Папы, о камне видений. И потом еще о Верочке. Я ему: «12 лет».¹⁹⁵

Мережковск<ие> были. Я с Д<митрием> Серг<еевичем> похристосовал<ся> и Гиппиу<с>, потом Сераф<има> Павл<овна>¹⁹⁶ и Ремизов изумительно спрашивали.

Прощался с Мережк<овскими>, уезжают в Москву и в Крым, а по<ом> в Константинополь. Сказали:

«Молитесь о нас». Я ск<азал>: «и вы обо мне».

С Карташевым домой шел. Карташев на вопрос, девственник ли он, ответил: «Да, но... и о<нанист>». Я тоже сказа<л>: «да, но и о<нанизм> в природе».

А что если?

<1 мая>

Был у Розанова. Он говорил со мной по поводу заметки его о Шарапове <?> Мережковского.¹⁹⁷ Минский и Иванов Вячеслав предложили всем завтра сойтись на собрание.¹⁹⁸ С целью моления. Гетман движен<ия>. Было ли народа.

Розанов разговаривал со мною долго, ходя по гостинной под руку. Говори<ли> о Христианстве и [о то<м>]. Узнал, что я «девственник». Ну, что мне было сказа<ть> о грехе. О моем окаменении узнал. Иванов. Не верит в Христа. Конец.

4 мая.

Читал сегодня Розан<ова> утром «В мире не ясного и не решен<ного>»¹⁹⁹ 1. Нет, «Из загадок челов<еческой> природы»²⁰⁰ это увертюра ко всей широк<ой> и глубокой розано<вского> творчест<ва> розано<вской> опере. Уверт<юра> ко всем<у> Розанову в е<го> писаниях.

<8 мая>

Был у Розанова. Александра Михайловна рассказала, что в прошлый понедельник действительно было то, что у Минского обещано было быть.²⁰¹

¹⁹⁵ Этот возраст Иванов считал «мистическим», «причастным тайнам».

¹⁹⁶ Серафима Павловна — Ремизова-Довгелло Серафима-Павловна (1876—1943), жена А. М. Ремизова.

¹⁹⁷ Это место неясно. С публицистом, издателем и общественным деятелем Сергеем Федоровичем Шараповым (1855—1911) Розанов на протяжении нескольких лет полемизировал по «семейному вопросу».

¹⁹⁸ О «радении» у Минского см. записи Иванова: Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Сб. 1]. С. 393.

¹⁹⁹ См. примеч. 2 к письму Розанова от 18 мая 1902 г. Возможно, речь идет о втором издании сб. «В мире неясного и нерешенного» (СПб., 1904).

²⁰⁰ Статья, открывающая указанную выше книгу Розанова. Впервые опубликована: Новое время. 1898. 15 мая. № 7978.

²⁰¹ Далее следует собственно рассказ о «радении». См. также письмо Иванова Блоку от 9—10 мая 1905 г.: Памятники культуры. Новые открытия. 1990. М., 1992. С. 105—107.

<9 июня>

Богобрачие. Нагорная радость.²⁰² Вот отчего Розанов так увлек<ается> браком.

<20 июня>

Земля имеет Душу, и душу женскую, Земля имеет собствен<ную> же жизнь, женскую жизнь. Земля женщина. <...> Земля имеет три женских лица <...> Мать, сестра, невеста <...> Гера, Диана <...> Афина <...>

Розанов великий психолог земли. Душу земли познает своим глуб<оки>м сочувственным познанием.

1 сентября

Был с Клипой у Дюковых.²⁰³ <...>

Бог дал мне слово сегодня. Огонь. И говорил с Ник<олаем> Мих<айловичем>.²⁰⁴ Начал с Розанова, кончил любовью к Христу. Не как к идее, а как к Лицу-человек<у>. При этом оригинально высказал<я> Ник<олай> Мих<айлович>, то чего я не ожидал от него. А именно, что во всех нас Христос есть неизвестный и дейс<твующий> и что в Иуде был тоже Христос. Это глубоко.

<6 сентября>

Если при внешнем идеальном благоустройс<тве> человек<еской> обществуности люди, вошедши в это царство, были бы скопцами, им необх<одимо> было бы <нрзб.> слюнявыми, то я отказался бы от так<ого> общест<венного> благоустр<ойства> и от тако<го> царства.

Розанов хочет, чтоб каждый удом на свое<м> месте был и чтоб люди не скопцами безудными в царство последнее входили. Эт<о> им<енно> образ Сотворивше<го>, ибо Сотвори<вший> ст<ал> как че<еловек> и чел<овек> <нрзб.>.

<11 сентября>

Был у Розанова. Вас<илий> Вас<ильевич> сказа<л>: «Вы, батюшка, все о Вере пишете, а веры в себе никакой не имеет<е>». <...> Сологуб пригласил быват<ь>.

<9 октября>

У Папы Крестного был.²⁰⁵ <...> К Розанову затем пошел. <...>

²⁰² Полностью запись о «нагорной радости» приведена в статье: *Фетисенко О. Л.* Проповедник Нагорной радости. С. 360—362.

²⁰³ *Клипа* — см. примеч. 5 к письму 5; *Дюковы* — см. след. примечание.

²⁰⁴ *Дюков Николай Михайлович* — инспектор (а позднее и директор) 3-й Петербургской мужской гимназии. За ним была замужем Вера Александровна (урожд. Угрюмова), дочь Анны Кузьминичны Угрюмовой (по второму мужу — Яковлевой), двоюродной сестры матери Е. Иванова.

²⁰⁵ Речь идет о *Василии Ивановиче Яковлеве*, дальнем родственнике матери Иванова и близком друге его отца.

Вас<илий> Вас<ильевич>, прощаясь, книгу подарил «Пер<ед> церковной стеной»²⁰⁶ и надписал «Невидимому другу моему Мар<ии> Павл<овне> Ивановой».

Так мил может быть только Вас<илий> Васильевич.

<10 октября>

Маня Розанову письмо посла<ла>.

23 октября. Розанов Мане письмо прислал. Я переписал, чтоб понятнее было. Пош<ел> днем погулять и встретил Вас<илия> Вас<ильевича> с Александрой Михайловной.

20 ноября. Был с Сашей, Блоком и Ге у Розанова в первы<й> раз.

4 декабря

На именинах Варв<ары> Дмит<риевны> днем играл с детьми Розанова и Тернавцева.²⁰⁷ Очень весело. Обедал. Потом вечер <...>

<23 декабря>

Странно, оказывается, Лутохин²⁰⁸ говорит, что Ремизов поехал в Вологду, вчера его Розановы провожали.

1906

<22 января>

Сегодня был у Вас<илия> Вас<ильевича> Розанова. И он и Варв<ара> Дм<итриевна> милые, дали грушу большую, Мане снести, как в Нов<ый> год.

<26 марта>

Я иду сегодня к Розанову.
У Розанова.

<23 апреля>

Был у Розанова на именинах Ал<ександры> Михайл<овны>. Пил много. И мрачен. Потом пошли по Воскресенской набережной провожать Чуковского.²⁰⁹

²⁰⁶ Речь идет о книге Розанова «Около церковных стен» (СПб., 1905).

²⁰⁷ У В. А. и М. А. Тернавцевых «было трое сыновей и две дочери. Старший и младший сын погибли во время первой мировой войны, второй сын умер после революции от туберкулеза. <...> Дети Валентина Александровича, Муся и Ирина, приходили к нам, детям, играть» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 66).

²⁰⁸ Лутохин Далмат Александрович (1885—1942) — экономист, журналист, мемуарист.

²⁰⁹ Здесь и далее в автографе ошибочно: Чаковский. К. И. Чуковский познакомился с Розановым зимой 1905/06 г. См.: Чуковский К. И. Дневник. 1901—1929. М., 1997. С. 30.

Был третий час ночи. Уже бледнело небо и заря свет запалила за <нрзб.> бледн<ыми> облаками. Фонари гасили.

Шли прово<жать> Добл<?>. Мар<ия> Николав<на>. С нами Чуков<ский>. Мар<ия> Ник<олаевна>, студ<енты> Дух<овной> ак<адемии>, Коноплянц<ев>. ²¹⁰

Не помню, перешли мы Литей<ный> ли. Да, пересекли. И я начал говорить Чуков<кому> о зеркальности декадентск<ой>. И вдруг вижу, люди идут по набережной. Тоже барышня. И вот удиви<тельно>. Тата, Ната, Гюнтер и Кузнецов. ²¹¹ Порази<тельная> встреча. Надо же так сойтись на набережной в такой неурочный час. Мы сперва не совсем даже себе верили. Разошлись. Я пустился догонять нашу компанию. Нет, кажется, встретили на Воскресенс<кой> набер<ежной>. Нет, после моста.

<30 апреля>

Ге пришел вечером к Роза<нову>, но <нрзб.>. Кажется, пошел.

<1 мая>

Ге принес на записке поцелу<й> мне от Розано<ва> и Мане в руку поцелу<й>.

14 мая. <...> Вечером был сперва у Карташ<ева>, потом у В. Кузнецова. Изумительное узнал.

З. Н. <Гиппиус> девушка. Л. Д. <Блок> девуш<ка> и С. <?>. Говорил о девиц<ах> и детях. И говор<ила> Т<атьяна> Н<иколаевна> о том, что не женюсь. ²¹² Боль ес<ть>. Она говорит, придет к нам.

У Розанова после них был. Послед<ний> раз на этой квартире. Переезжа<ют>.

15 мая. У Чулкова был.

У Ремизова был. Т<ам> Кузнец<ов>.

Реми<зова> Сер<афима> Павл<овна> больная лежит, ибо отравилась вчера у Розано<ва> булкой <нрзб.>. Ал<ександра> Мих<айловна> чит<ала> «Лист Белый».

<31 августа>

Розанов. Казачий 4. ²¹³

²¹⁰ Коноплянцев Александр Михайлович (1876—?) — юрист, действительный член Религиозно-философского общества (далее сокращенно — РФО); биограф К. Н. Леонтьева.

²¹¹ Тата и Ната — см. примеч. 4 к письму 5; Гюнтер Иоганнес (Ганс) фон (1886—1973) — немецкий поэт, переводчик, мемуарист; Кузнецов Василий Васильевич (1881—?) — скульптор.

²¹² Ср. с записью Т. Н. Гиппиус (1906): «Иванов говорит, что он девственник, потому что ощущает проклятие на себе, Божие. И если женится — дети будут уроды (прокляты), потому что нельзя с этим сознанием идти во тьму — безнаказанно» (Истории «Новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из дневников Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. СПб., 2004. С. 414).

²¹³ Новый адрес Розанова.

10 сентября. <...>

Был у Розанова и Ге.

<17 декабря>

У Розанова был Григор<ий> Спирид<онович> <Петров>.

О Мар<ии> Добр<олюбовой> говорили. Сегодня в «Товарище» ее памяти статья помещена.²¹⁴

Умерла от *паралича сердца*.

Ее хотели «возвратить к жизни». Последнее время, особенно последнюю<ю> неделю, она говорила о самоубийстве, о каком-нибудь о террористическом подвиге, чтоб не даром умереть, когда надо умереть. Ее уговаривали, и среди уговаривающих бы<л> Петров. Он все был с нею, и перед смерть<ю> в воскресенье 10-го пять часов все ходил с ней и говорил.²¹⁵

<27 декабря>

Пришел домой, и меня спасло письмо от Вас<илия> Вас<ильевича> Розан<ова>, котор<ый> приглашал меня на елку <...> завтра.

<28 декабря>

Елка у Розан<овых>. <...>

Розановы очень мил<ые> и хорошие.

1907

21 январ<я>. Пришел Блок А. к обеду и принес «Нечаян<ную> Радость» с важной надписью.²¹⁶ <...> Блок после обеда пошел со мною на пани<хиду> Менделеева.²¹⁷ <...> Условили<сь> к Сологубу. Я сперва к Розанов<у>.

25 марта 1907 г.

У Розанова. Опять на <нрзб.>.

1 октября

Сегодня к нам был Вас<илий> Васи<льевич> Розанов с Таней.²¹⁸ Я в это время катался в Нов<ой> Деревне. Розанов пробыл час, потом поехал в редакцию, а на возвратном пути все-таки за<с>тал. Тогда и меня застал дома.

²¹⁴ См.: Р-ъ С. Памяти М. М. Добролюбовой // Товарищ. 1906. 17 дек. № 142. С. 3. Иванов был благоговейным почитателем Марии Михайловны Добролюбовой (1877—1906) и очень тяжело переживал ее кончину, следовавшую 11 декабря.

²¹⁵ Подробнее эту запись см. в публикации: А. Блок в дневнике Е. П. Иванова // А. Блок: Исследования и материалы. Сб. 4 (в печати).

²¹⁶ См.: Литературное наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. С. 74.

²¹⁷ См.: Блоковский сборник. [Сб. 1]. С. 416.

²¹⁸ Розанова Татьяна Васильевна (1895—1975) — старшая дочь Розанова.

3 окт <ября>.

Сегодня или вчера состоялось Религиозно-философское собрание в той же зале Географического общества,²¹⁹ как пять лет тому назад.

Собрание не обещало быть интересным. Начиналось оно с доклада Аскольдова о новом и старом религиозном сознании.²²⁰ Мне привез одну повестку, быв у нас, Розанов. <...>

Перед докладом Карташев сказал вступительную речь. <...> желал подчеркнуть то, что <...> просто пришли поговорить.²²¹

1908

<28 января>

Ходил к Блоку, не застал ни его, ни Любови Дмитриевны, ушли вдвоем гулять. Оставил записку. И написал, что приносил ему фельетон Розанова, где он ругает «Русское слово» № 21 (25 января 908).²²² Нам Крестный вчера дал. <...>

На фельетон Розанова — Блоку следует ответить. <...>

30 января <...> Сегодня писал Александр Андреевич²²³ письмо, где говорил о Блоке, как возражал Розанову на его статью «Ал. Блок о Религиозно-философских собраниях». Возражая и хваля. «Пир во время чумы». Там брачные одежды,²²⁴ а в собраниях религиозно-философских давно нет брачных одежд.

²¹⁹ В зале Императорского Географического общества у Чернышева моста проходили РФС, а затем заседания РФО. Об открытии общества см.: В религиозно-философском обществе // Речь. 1907. 5 окт. № 235. С. 4.

²²⁰ Аскольдов Сергей Алексеевич (наст. фам. Алексеев) (1870—1945) — философ; в 1907 г. он был избран председателем РФО. Речь идет о его докладе «О старом и новом религиозном сознании». «Докладчик фиксировал два современных религиозных движения: церковно-обновленческое, стремящееся к восстановлению идеальных форм древнего христианства — соборности и пр., и так называемое „новое христианство“, проповедуемое Д. С. Мережковским. Докладчик соглашается с первым и находит несостоятельным второе» (Там же).

²²¹ Корреспондент газеты «Речь» сообщал: «Собрание носило семейный характер. Ораторы не пользовались даже кафедрой.

Открыл заседание г. Карташев. Он заявляет, что открытое религ.-филос. общество не является продолжением бывших „религиозно-философских собраний“. Если и есть связь между ними, то самая незначительная, — „с ниточку“. Задачи и цель общества совершенно иные. Представители официальной церкви пусть не опасаются, что общество станет в оппозицию церкви и тем более собору: предметами суждения предстоящего собора общество не интересуется. Общество представляет из себя тесный семейный кружок лиц, собирающихся просто „поговорить“, поделиться между собою своими думами» (Речь. 1907. 5 окт. № 235. С. 4).

²²² Речь идет о статье Розанова «Автор „Балаганчика“ о Петербургских Религиозно-философских собраниях» (Русское слово. 1908. 25 янв.), подписанной псевдонимом В. Варварин.

²²³ Речь идет об Александре Андреевне Кублицкой-Пиотух (1860—1923) — матери А. Блока. Письма Иванова к ней хранятся в фонде Блока в РГАЛИ.

²²⁴ Евангельский образ. Ср.: Мф. 22: 12.

1 февраля <...>

Получил открытку от Блока о фелье<тоне> Розанов<а>. ²²⁵ <...>

У Блока был, застал и его и Любу уставшую. Блоку сказал, что ответить Розанову <надо> «пиром во время чумы».

13 февраля <...>

Сегодня Розанов днем заходил к нашим, полчаса посидел. Он приносил повестки мадам Ге. ²²⁶

<24 февраля>

Пришел вечером Блок; когда наши были. И ушел в 10 часов веч<ера>, напившись чаю, со мно<й>. Я к Розанову пошел, он просил заходить на буд<ущей> неделе.

2 марта <...>

Был у Розанова с Ге.

3 ноября 1908 г.

Отношение староверов к правос<лавным> еллинам нескольк<о> презрительное, как к чему-то не столь сильному и глубокому, как к чему-то уже несколько окастрирован<ному>.

Не таково ли было отношение и мудрого страшного востока к еллин<ам>, грекам. И не потому ли Розанов, этот глубоко проникновен<ный> в Восток мыслитель, нескол<ько> презрител<ен> к Греции. К эти<м> «еллинам» староверчес<тва>.

Но ведь еллины соврем<енные> это культурное общество.

25 декабря. <...> Вечером приш<ли> наши к обеду и Васил<ий> Васил<ьевич> Розанов с Варварой Дмитриевной. Вот возрожден<ие> новое елки, о котором мама говорила за завтраком сегодня, хваля меня за ее устроительство и за тот экспромт <...>

Вот теп<ерь> Розано<в> и Ва<рвара> Дм<итриевна>. И Розанов<ы>, и В<асилий> В<асильевич> и Варва<ра> Дм<итриевна> идут по комнат<е> и спальням. «Новые люди, новые песни», — говорит Маня.

Маня сегодня говорит, что ровно десять лет тому назад Рождество пришлось точь-в-точь так же, как и теперь и тоже среда — сочельник. Тогда ей болящ<ей> присланы были конфекты Ив<аном> Ефимов<ичем> ²²⁷ и цветы. И как все это прахом пошло. Теперь через 10 лет — вот возрождение, но и это тоже прахом пойдет. Но послед<нюю> мысл<ь> говорю уже я, а не она.

²²⁵ Открытка Блока датирована 31 янв. 1908 г. См.: Блок А. Письма к Е. П. Иванову. М.; Л., 1936. С. 63—64.

²²⁶ Ге Екатерина Ивановна (урожд. Забела) — мать Н. П. Ге.

²²⁷ Хозяин дачи в Песчанке, где Ивановы проводили лето.

17 января <...>

Сегодн<я> 17 число. И всюду у меня не так. Сегодня Розанов вышел из собрани<й>, написав письм<о> в редакцию «Нов<ого> вр<емени>».²²⁸

14 марта. <...>

Сегодн<я> был с Розановы<м> в балет<е> «Егип<етские> ночи», «Шопениана» и «Евники» (балкон № 14, 13 перв<ый> ряд).²²⁹

30 марта. <...> Сегодня было очень много замечательного. <...> пр<и>шли> Розанов Васил<ий> Васи<льевич> с Варв<арой> Дмитре<вной>. Какие милые, вдруг пришли от «Тропин<ки>» лично, т. е. *бювар* Поликсены Сергевны²³⁰ и письмо с ее стихами, как мило, как красиво, как хорошо.

28 апреля. Вчера Розанов в «Новом врем<ени>» о мн<е> писал.²³¹ Был у Мережковск<их> на заседании предварит<ельном> собра<ния>.

17 августа

У нас нет общества, т<ак> с<казать> настоящего общества <...> Потребно<сть> в Церкви огромна и нет церкви, ибо Дом Госпо<день> остался пуст. <...>

²²⁸ В своем письме в редакцию Розанов заявил о выходе из Совета РФО, «дабы не нести ответственности за измену прежним, добрым и нужным для России целям». Он обвинил Мережковских и Д. Философова в том, что они превратили Общество в «частный, своего рода семейный кружок: без всякого общественного значения» (Новое время. 1909. 17 янв. № 11800. С. 13).

²²⁹ Речь идет об одноактных балетах. «Шопениана» — постановка М. М. Фокина (1907); «Египетские ночи» (1900) — балет А. С. Аренского (1861—1906). Балет «Евника» был поставлен Фокиным в 1909 г. Обозреватель «Нового времени» писал о новом балете: «Музыку к нему писал г. Щербачев, сюжет взят из романа Синкевича „Quo vadis?“ и разработан в двухактную балетную программу гр. Стенбок. Так же, как в „Египетских ночах“, декорации написаны г. Аллегри, костюмы по рисункам г. Зандина. „Евника“, с г-жою Павловой в заглавной роли, недавно шла в Варшаве и понравилась местной публике...» (Новое время. 1909. 4 марта. № 11 845. С. 6). «Счастливая мысль дирекции давать премьеры не только оперные, но и балетные не в счет абонементов собрала вчера на новый балет „Евника“ необычную публику. Завсегдатаев балета с их „единением по ту сторону рампы“ видно почти не было. Преобладал мир художников и артистов и частью публики первых представлений. Сочувственно, почти восторженно отнеслись зрители к поэтическим танцам „Шопенианы“ — гвоздью всего спектакля. <...> О новом балетике мы еще скажем подробнее. Г-жи Павлова и Карсавина, гг. Гердт и Булгаков имели единодушный успех, слышались вызовы и авторов „Евники“» (Л. К. [Козлянинов Л.] Театр и музыка // Новое время. 1909. 13 марта. № 11854. С. 5). Тот же автор посвятил новой фокинской постановке отдельную заметку, в которой довольно критически отзывался о ней (Козлянинов Л. Евника // Новое время. 1909. 23 марта. № 11864. С. 4). См. также: Бегуна А. Н. Мои воспоминания. Кн. 4—5. С. 477—478.

²³⁰ Соловьева Поликсена Сергеевна (псевд. Allegro; 1867—1924) — поэтесса, редактор журнала «Тропинка»; сестра Вл. Соловьева.

²³¹ Речь идет о статье Розанова «Мережковский против „Вех“». (Последнее религиозно-философское собрание) (Новое время. 1909. 27 апр. № 11897. С. 3), в которой упомянут «наш маленький декадент» «глубокомысленный Е. П. Иванов», который «с год назад» поразил Розанова словами: «Достоинство русской революции, — сказал он задумчиво, — заключается в том, что она не удалась».

Скучно, так скучно, что даже тошно.
Церкви пусты. Когда-то Розанов писал — сон, пустая церковь.²³²
Теперь это явь.

<6 сентября>

<...> был и у Розанова.²³³

7 ноября 1909 г.

Вчера, ровно через месяц, предложено у Мережковских мне быть в Секции рабочих 12 при Народном университете.²³⁴ У меня колебание между двумя. Христианской, где Розанов и Вяч. Иванов, и этой. Одним словом, Религиозные собрания переживают путь раскола.

24 ноября. Пошел на Религиозно-философское собрание. <...> Пошел на доклад Розанова.²³⁵ Встретил Тату с Натой. Проводил их немного, пошел на собрание. Собрание живое и чувствозахватывающее больше, чем слово. Прежде, ибо чувствовалась жизнь. <...>

25 декабря

Розанов был у нас вечером. Варвара Дмитриевна, Татьяна Васильевна, Александр Михайлов.

1910

<1 января>

У Розанова вечером.

20 февраля. Сегодня. Заупокойная обедня и погребение тела Веры Федоровны <Коммиссаржевской>.

Был на хорах в Исидоровской церкви²³⁶ благодаря пропуску Блока. Пели певчие двух хоров, Архангельского и архиерейского Тернова.²³⁷

Обедня Чайковского, его же панихида.

За обедней и панихидой был В. В. Розанов. На самое погребение не пошел, пошел на службу.

²³² Источник не установлен.

²³³ Розановы в это время жили на Звенигородской ул., д. 18, кв. 23.

²³⁴ Речь идет о секциях, организованных по инициативе Вяч. Иванова и Мережковского при РФО. Заседали секции в зале Народных университетов на Гагаринской ул., д. 16.

²³⁵ 24 нояб. 1909 г. в РФО состоялся доклад А. А. Каменской «Теософия и богостроительство», в прениях выступили Вяч. Иванов и Мережковский. См.: Теософия и богостроительство // Речь. 1909. 26 нояб. № 325. С. 4.

²³⁶ Церковь во имя преп. Исидора Пелусиотского — усыпальница митрополита Исидора (Никольского) — была пристроена в 1889—1891 гг. к алтарной стене церкви св. Николая Чудотворца и св. благоверного князя Феодора Ярославича Новгородского в Феодоровском корпусе Александро-Невской лавры (архитектор Г. И. Карпов).

²³⁷ Архангельский Александр Андреевич (1846—1924) — церковный композитор и регент, создатель первого в России смешанного церковного хора; Тернов Иван Яковлевич — регент хора Александро-Невской лавры.

Гроб крестил, как на «Строителе Сольнесе» однажды крестил.²³⁸

<21 сентября>

Утром пошел к Розанову. Говорил с Алекс<андрой> Михайловной и потом Вас<илием> Вас<ильевичем>. Ал<ександра> М<ихайловна> просит заходить к В<асилию> В<асильевичу>, он совсем одинок вечером<м>.

15-го окт<ября>. Был вечером у Розанов<а>, видел Вар<вару> Дм<итриевну>. И с Розан<овым> говор<ил>, с Альфр<едом> Юльевич<ем> Кайзеро<м>.²³⁹ Очень горячо гово<рили>, но все же суетно. Розанов слышит то<лько> себя и свое.

9 ноября 1910 г. <...> У Розанова был.

<14 декабря (после вечера памяти Вл. Соловьева. — О. Ф.)>

Назад шел со Столпнером.²⁴⁰ Он зашел ко мне за книгой Розанова «Темный лик».²⁴¹

1911

<23 января>

Домой пришел и виж<у>, А. Блок у нас с нашими сидит. И потом я с ним при лампадке говорил долго в своей комнате о самом важном. И сказал о Евангели<и> <...> и об действии его. <...> Это *первому*. Блок удержал<л> мен<я> мой <?> Розанов.

<24 января>

Вечером был у Розанова. Читал «Русск<ую> мысль», данную Ал<ександрой> Мих<айловной>. Очень интер<есен> Андр<ей> Бел<ый>: «Лев Толстой».²⁴²

<13 марта>

Был у Розанова. Разговаривали с Верочкой ихней, много смеялись, и потом Розанов со мною при прощании был так ласков, как никогда. Говори<л>: «спасибо вам за все то, что доставили вы моей семье».

²³⁸ Иванов вспоминает здесь 8 апреля 1905 г. Ср. в обработке дневниковых записей: «С Сашей и Е<вгенией> А<лексеевной> были в „Строителе Солнесе“ <так>. Сильное впечатление <...>. При последнем подъятии занавеса, когда ее вызывали, я у самой ramпы решил и благословил ее. Она увидела и благодарно с улыбкой глубоко-глубоко взглянула: и это было все, не надо мне ничего больше, и еще готов муки нести опять снова, чтоб этих глаз сиянием осенить» (ед. хр. 78, л. 15 об.).

²³⁹ Кайзер Альфред Юльевич — отставной корнет, знакомый Розанова в 1910-е гг.; упоминается в письме Розанова к Перцову (лето 1918) как «некто А. Ю. Кайзер» (Литературная учеба. 1990. № 1. С. 79).

²⁴⁰ Столпнер Борис Григорьевич (1871—1937) — писатель, переводчик.

²⁴¹ Речь идет о книге Розанова «Темный лик. Метафизика христианства» (вышла в конце 1910 г., на титуле: СПб., 1911).

²⁴² Речь идет о статье А. Белого «Лев Толстой» (Русская мысль. 1911. № 1. С. 88—94. 2-я паг.).

<14 апреля>

Придя домой, застал Алекс<андру> Михайлов<ну> и Веру Васильевн<у> Розанову у нас.

<17 апреля>

Был у Розанова. Верочки там нет.

<15 мая>

Пошел к Розанову. Говорил с ним сердечно, он велел передать Мережко<вскому>, что тепер<ь> он все искреннее думает о смерти. С Верочкой Розановой хорошо за чаем говорили. Был один Коноплянцев.

<9 октября>

Пошел к Розанову, но его дома нет. Пошел к Казанск<ой>, но по пути встретил Сашу.²⁴³ Он шел к Розанову, я его к нам привел.

Венера и за ней хвостат<ая> комета.

<14 октября>

У Мережк<овских> по поводу Розанов<а> стат<ьи> в «Нов<ом> времени». О них.²⁴⁴ «Отойди от ме<ня>, сатана».²⁴⁵ Мереж<ковский> проси<л> де<лать> реферат о национализ<ме> и Христиан<стве>.

<6 ноября>

Был с Ге у Розанова. Во время обеда Верочка Розанова заходила и звала. У Роз<анова> Флоренская.²⁴⁶

1912

12 февр<аля>. <...>

Вечером у Розанова. Нехорошо.

<15 февраля>

Был у Руманова. Он отправляет мою рукопись в Москву.²⁴⁷ Говорил о Розанове.

²⁴³ Речь идет об А. П. Иванове.

²⁴⁴ Речь идет о статье Розанова «Отойди, сатана» (Новое время. 1911. 14 окт. № 12784. С. 3).

²⁴⁵ Мф. 4: 10, 16: 23; Мк. 8: 33; Лк. 4: 8.

²⁴⁶ Флоренская Ольга Александровна (1890—1914) — художница, поэтесса, сестра свящ. П. А. Флоренского.

²⁴⁷ Речь идет о статье «О перемене общественного сознания» для газеты «Русское слово» (см.: ед. хр. 35, л. 27). Руманов Аркадий Вениаминович (1878—1960) — журналист, представитель редакции «Русского слова» в Петербурге.

5 марта. Читал «Пол, нация и религия» в Рел<игиозно>-филос<оф-ском> собрании.²⁴⁸ Голоса хвалили. Был Розанов с В<арварой> Д<митри-евной> и А. Блок пришел, ко<торый> и никуда не показывается, это мило. Люб<овь> Дм<итриевна> с Та<той> и Натой. Саша. Юрик²⁴⁹ и Холопов.²⁵⁰

9 марта. Ходил к Розано<ву> и Ал<ександру> Мих<айловну> не застал.

28 марта. Был у Таты и Наты. Видел чудо. Как на образе распятия белая окраска в чашах стала алой. Пошел к Мережковс<ким>. Был у них Струве.²⁵¹ Полчаса пробыл. Говорили. Очень интенсивно. Мережк<ов-ский> говори<т>: «вот как Женя определяет верно». Уезжал<и> Зин<аи-да> Ник<олаевна> с Философовым. Выходили когда, то всем н<ам> живо, как было на Рождестве <...> Я сказал, какое впечатлен<ие> произв<ела> на меня ее «Алая, ала<я> кровь».²⁵² Она поразилась. Говорила. Это любимей-шее ее стихотворен<ие>.

Был у Розанова и прошел с ним пеш<ком> до «Нов<ого> вре<мени>». Говорили.

15 апреля. Был утром (воскресенье) на могиле Веры Федоровны Комиссаржевской. Прослушал обедню и, идя назад, видел похороны еврея. <...> Вечеро<м> был у Алекс<андры> Михайлов<ны> и у В. В. Розанова. Говорили важн<ое>.

22 сентября

<...> А 20-го я у Розанова. Ал<ександрой> Мих<айловной> был вызван письмом, котор<ое> приносила во вихрь Наталия Аркадиев<на> Вальман.²⁵³ А о чем дело: это я помню, о Вере.²⁵⁴ Нас<тала> и беда. Вас<илия> Вас<ильевича> уговорить, чтоб не писал открытых писем.²⁵⁵ Несчастье<е>. Летом я все время думал об этом <...> Ребенок девочка. Я с В<асилием> В<асильевичем> до 1 1/2 <ч.> проговорил в его кабинете, когд<а> все кру-

²⁴⁸ Отклик это выступление, по-видимому, не вызвало. В рубрике «Сегодня» газеты «Речь» сообщалось: «8 1/2 ч. веч. в религиозно-филос. о-ве (в помещении польск<ого> о<бществ>ва любителей изящ<ных> иск<усств>, Фонтанка, 83) доклад Е. П. Иванова: „Нация и религия“» (Речь. 1912. 5 марта. № 63. С. 6).

²⁴⁹ Юрик — Дюков Юрий Николаевич, сын Н. М. Дюкова.

²⁵⁰ Неустановленное лицо.

²⁵¹ Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — общественный деятель, экономист, публицист, философ, редактор журнала «Русская мысль» (1908—1918).

²⁵² Речь идет о стихотворении Гиппиус «Кровь» (1901): «Я призываю Любовь, / Я открываю Ей сердце. / Алая, алая кровь, / Тихое, тихое сердце...».

²⁵³ Вальман Наталия Аркадиевна — учительница немецкого языка в семье Розановых, близкая подруга А. М. Бутягиной. В 1912 г. А. М. Бутягина и Н. А. Вальман снимали квартиру на Ивановской улице (см.: Розанова Н. В. Из моих воспоминаний // Литературоведческий журнал. 2000. № 13—14. С. 66). «Она была очень способная, блестяще окончила Раевские курсы, а потом университет. Мои родители ее не любили. <...> Аля очень любила Наташу, а та была рабски ей предана» (Там же). Розановы с осени 1912 г. жили на Коломенской улице (д. 33, кв. 21).

²⁵⁴ О состоянии Веры Розановой в то время (до лета 1913 г.) см.: Розанова Н. В. Из моих воспоминаний. С. 94—99, 103—104, 127—132.

²⁵⁵ Возможно, речь идет о статье Розанова «„Государственный“ ли русский (Ответ г. Философому)», подписанной криптонимом «N» (Новое время. 1912. 5 сент. № 13105. С. 3).

гом спали. Просил, если будет <нрзб.> энергию, сказат<ь>, он обещал. Бедный.

5-го октября <...> Был на могиле.²⁵⁶
Пот<ом> у Розанова.

1913

14 апре<ля>. <...> Вечером у Розановых. Вера очень хороша.

<10 мая>

Я был у Розановых. Старшие уехали в Бессарабию.²⁵⁷

26 мая. Воскр<есенье>. Ездил с Верой Розан<овой> и Надей²⁵⁸ на пароходе, волны, к Спасит<елю>.²⁵⁹ Но не пошли <...> Безалаберно поехали на Выборг<скую> сторону. Это ошибка. <...> Я мямлил. <...>

29 мая. Ездил с Верой Розаново<й> в Лун<а>-пар<к>,²⁶⁰ к<оторый> у церкви <...>, бы<ли> и у Мед<ного> Всадника.

<8 сентября>

Вечером пошел к Розан<ову>, не застал и пошел к Крестному.

<11 сентября>

Был в<ечером> у Розанова. Он не пришел.

<5 октября>

Получил письмо от А<лександр> Михайловны. На помощь? <...>

6 окт<ября>. Днем был у Таты, писал об иконописи у них.²⁶¹ Вечером у Розановых. Заговорили с Верой Розанов<ой> и Ал<ександрой> Мих<айловной>.

22 октября. С тревогой встал. Пошел в Церковь Синодальную. Там встрети<л> В. Розанова с Надей и Васей.²⁶² Это церковь, начин<ая> с нее был<а> судьба.²⁶³ <...>

²⁵⁶ Подразумевается: на могиле В. Ф. Коммиссаржевской.

²⁵⁷ «В 1913 году, летом, родители поехали в Бессарабию, в имение Апостолопуло, близко-го друга моих родителей. <...> В это лето отец мой написал книгу под названием „Сахарна“ (так называлось поместье Апостолопуло)...» (Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 67—68). Вскоре сюда приехала и одна из дочерей, Варя. Речь идет об имени Е. И. Апостолопуло (урожд. Богдан, 1857—1915).

²⁵⁸ Розанова Надежда Васильевна (1900—1956) — дочь Розанова.

²⁵⁹ Речь идет о чтимой иконе Спасителя, принадлежавшей Петру I и хранившейся до 1917 г. в Домике Петра (ныне в Спасо-Преображенском соборе).

²⁶⁰ Возможно, речь идет о Луна-парке на Офицерской улице.

²⁶¹ Фрагменты этой статьи сохранились в коллекции М. С. Лесмана (ИРЛИ, ф. 840).

²⁶² Вася — Розанов Василий Васильевич (1899—1918).

²⁶³ Речь идет о церкви во имя св. благоверного князя Александра Невского при Училищном совете Св. Синода (Кабинетская, д. 13), освященной в 1901 г. В этом храме (Иванов называет его

Был <с> Сюннерберг<ом>²⁶⁴ и с Ге у Розанов<а>. У Мереж<ковского> Гипп<иус> не принял<и> меня.²⁶⁵

<18 ноября>

Скорби<т> душа. Был с Розановым в редакц<ии> «Нов<ого> вр<еме-ни>», писал он опровержение стат<ьи> своей.²⁶⁶ Хороши<й> он в глу-бин<е>. На нем показывает Господь, как надо под солнце<м> не бояться грязи погибающих.

1914

1 янв<аря>. <...> А вечером был у Розанова.²⁶⁷ И он говорил, хоче<т> к Гиппиусу²⁶⁸ идти, влечет. И когда выш<ли> на темн<ую> лестниц<у>, сбежала Вера Роз<анова>. И взяв за руку, говор<ит>: «Евг<ений> Пав<лович>, толь<ко> веруйте всегда так, как в<ы> верует<е>, веру<йте>, по<тому> ч<то> я верую. Я иног<да> хот<ела> сказат<ь>, но у меня нет слов!».

Я сказа<л>: «хот<ь> без слов, но уловил».

17 января. <...> по поводу исключения Розано<ва> из собран<ий> написа<но> в «Речи»²⁶⁹ и даны мотивы ей, когда я был на панихиде Резцова,²⁷⁰ выяснилось все.

<19 января>

Был вечером на рел<игиозно>фил<ософском> собра<нии>, за Розано<ва> голосо<вали> многие. И изгнание пока не состоялось за неимением

«Ново-Синодальным», в отличие от Митрофаниевского Синодального подворья, о котором см. примеч. 135) он впервые сознательно причастился в апреле 1902 г.

²⁶⁴ Сюннерберг Константин Александрович (псевд. Конст. Эрберг; 1871—1942) — теоретик искусства, критик, поэт.

²⁶⁵ Описанные события происходили вскоре после 19 октября, когда на заседании РФО прозвучали призывы к исключению Розанова из Общества. См.: Иванова Е. В. Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-Философского общества // Наш современник. 1990. № 10. С. 105—106 (далее — Иванова).

²⁶⁶ Возможно, речь идет о каком-то опровержении статьи «Наша кошерная печать», опубликованной Розановым в «Земщине» 22 окт. 1913 г. 14 нояб. прошло заседание Совета РФО, постановившее предложить Розанову выйти из членов Общества.

²⁶⁷ До этого, 11 дек. 1913 г., прошло заседание РФО, на котором «было решено вынести вопрос об исключении Розанова на общее собрание совета» (Иванова. С. 106).

²⁶⁸ Речь идет о поэте, прозаике, критике и педагоге Владимире Васильевиче Гиппиусе (1876—1941), троюродном брате З. Н. Гиппиус, который сочувствовал Розанову, но поддержал идею его исключения из РФО. См.: Иванова. С. 105.

²⁶⁹ Подразумевается заметка: Вопрос об исключении В. В. Розанова из религиозно-философского общества // Речь. 1914. 17 янв. № 16. С. 3.

²⁷⁰ Резцов Николай Александрович (1854—1914) — городской голова Петербурга в 1905—1910 гг., экономист; друг П. А. Иванова. См. некролог: Фальборк Г. Н. А. Резцов // Речь. 1914. 17 янв. № 16. С. 2. Скончался он 16 янв., погребен 19-го. См.: Похороны Н. А. Резцова // Речь. 1914. 20 янв. № 19. С. 3.

единства.²⁷¹ Вяч. Иванов появился. Напряжени<е> небывалое. Пото<м> доказ<ывал> Чулков.²⁷² Мережковск<ий> в недоумении.

Карташев видел во сне, что я в слезах упал к нему на плечи и говори<л>: «Если изгонят Розанова, то надо изгнать<ь> и всех, кто не проти<в> изгнания». Он: «Да». Я подал в конверте, взял — и он не знал, что делат<ь> со мн<ой>. <...>

Сегодня годовщин<а> моего реферата, и как переменяли<сь> роли.

<21 января>

Был у Полик<сены> Серг<еевны>. Там Венгерова²⁷³ и с ней из-за Розанова столкновение.

22 января. <...> Спорил с Морозов<ым>²⁷⁴ из-за столк<новения> <нрзб.> о Мережковск<ких> как о пустых <нрзб.>.

<26 января>

Пошел на собра<ние>.²⁷⁵

Там Розанова судили Мережковские.²⁷⁶ <...> Я говорил.²⁷⁷ Карташ<ев> обомлел. Резолюци<ю> переменяли. Уступка минимума <нрзб.> выраже<н> и считает совмести<ть> дру<жбу> с Роза<новым> невозмо<жно> ни за как<ие> общ<ие> дела.

Грандиозно собран<ие>. Мережковск<кий> меня не простил.

Ехал назад с Вер<ой> Розанов<ой>, она верит.

9 февр<аля>. <...> Вечером был у Розанова, там генерал в отставк<е> стары<й> Бабков²⁷⁸ (?) камни переворачивает каж<дый> день и в простоте правду обретает.

Веру видел Розанову. Она не успела записку.

<11 февраля>

Я отправился потом к Карташеву. Ревизоват<ь> кассу. И от Розанова говори<л>. Предложил мне Карт<ашев> читат<ь> доклад.

<23 марта>

Пошел к Карташе<ву> <...>

Карташ<ев> болен, и когда я сидел в соседней комнат<е>, он видел в полусне разграблен<ный> город татарами, нашестви<е> и дума<л> в каких костюмах были они.

²⁷¹ См.: Иванова. С. 108.

²⁷² В тот же вечер в РФО слушался доклад Г. И. Чулкова «Оправдание символизма».

²⁷³ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867—1942) — литературный критик, переводчица.

²⁷⁴ Неустановленное лицо. Возможно, Николай Александрович Морозов (1854—1946) — революционер-народоволец, поэт, писатель-мистик.

²⁷⁵ См.: Иванова. С. 108—109.

²⁷⁶ Накануне, 25 янв., в «Новом времени» была опубликована статья Розанова «А. С. Суворин и Мережковский (письмо в редакцию)», чрезвычайно задевшая Мережковского.

²⁷⁷ По-видимому, выступление Иванова не было занесено в протокол.

²⁷⁸ Возможно, Николай Игнатьевич Бабков.

Говори<ли> о предстояще<м> сражени<и>. Он хотел битвы. Но потом болезнь <нрзб.>.

Весь вечер писал в Собрание, но утром перебелил и <нрзб.> <...>

<30 марта>

Вечер<ом> у Розано<ва> был. С Веро<й> неладно, не видал.²⁷⁹

<6 апреля>

У Розанов<а> вечером был. От Дункан пришл<а> англичан<ка>,²⁸⁰ и Вера пот<ом> вышла со мн<ой> и говорила. Мирна и тиха. Дай Господи им всем радости.

1915

24 мая

Сегодня утром Вася Роза<нов> привез вещи. Светильни<к> масонс<кий>, звон<ок> и бюст Страхова и греч<ескую> вазу и карти<ну> Таты.

Воспоминания

1902 г.

<фрагмент>

С 30/VI—12/VII—18/VII—11/VIII¹

После собрания у Мережковских 21-го апреля (1902 г.) я возгорел желанием высказать ему письменно мой образ мыслей, не высказанных в тот вечер, но пришедших в голову потом под впечатлением слышанного на собрании.

«А вы, Евг<ений> Павлович, ни одного слова не сказали!» — заявила в конце вечера Зин<аида> Ник<олаевна> Гиппиус, и отчасти эта фраза подзадоривала меня объясниться письменно.

Я написал письмо и, насколько помню, сравнивал себя в нем с «безобразным серым утенком» из сказки Андерсена «Серый утенок». Этот потом оказывался лебедем.

²⁷⁹ Вскоре после этого, летом 1914 г., Вера Розанова стала послушницей Воскресенско-Покровского монастыря близ Луги (по Н. В. Розановой — в Псковской губернии, в нескольких верстах от Плюссы), в конце года она вернулась в Петербург тяжело больной (*Розанова Т. В. Воспоминания об отце... С. 70; Розанова Н. В. Из моих воспоминаний. С. 159—170*).

²⁸⁰ *Дункан Айседора* (1877—1927) — американская танцовщица, творчеству которой Розанов посвятил несколько статей, вошедших в книгу «Среди художников» (1913). «Весной в 1914 году в Петербург приехали ученицы Айседоры Дункан. Сама она не приехала. В зале консерватории был объявлен вечер их танцев» (*Розанова Н. В. Из моих воспоминаний. С. 147*). *Англичанка от Дункан* — секретарь А. Дункан Алиса Франк. О ней и о приезде ее к Розанову см.: Там же. С. 151—152.

¹ Указанные здесь даты отсылают к тетради 1936 г., в которой записывался предыдущий вариант воспоминаний.

То же сравнение я переносил и на Церковь. Она кажется в исторических наслоениях своих таким же «безобразным утенком», а на самом деле сущность Ее лебединая. Свою миссию по отношению к Церкви я сравнивал с миссией «свата»; я хотел сватать церковь Мережковскому, как белого лебедя или белого голубя.

На письмо ответа не последовало. Но на Религиозно-философском собрании сразу заметно было холодное отношение ко мне со стороны Мережковских. Они оба как не замечали меня и избегали заговаривать.

Но во время перерыва я, проходя мимо Зин<аиды> Нико<лаевны> Гиппиус, услышал вслед многозначительное и насмешливое замечанье, прозвище «сват».

Я сперва не сообразил в чем дело, думая, что письмо читано только Мережковским, но при выходе из собрания опять услышал насмешливо<е> прозвище «сват» с «серой голубицей», под последней разумелась Церковь историческая. Мережковский при прощаньи ничего не сказал и показывал вид полного охлаждения.

Я возмутился и горел желанием чем-нибудь доказать нешуточность своих чувств к Церкви, затемненной историческими наслоениями, но тем не менее подлинной; хотелось в доказательство по молодости лет что-нибудь «выкинуть», ну хоть на огонь руку положить, как «Муций Сцевола», и т<ому> под<обное> и этим показать верность и твердость свою.

Но в общем ничего не вышло, хотя я с такими «героическими намерениями» и отправлялся на воскресенье к Розанову.

В результате следующая запись от 6-го мая 1902 года.

«Кончена комедия. Шел принять „испытание огнем“, по-древнему, а окупился в грязь, мерзость!

Совсем не то, совсем не то. Вышло хуже всего!

И в то же время это очень хорошо, так и надо. Опять уйду в свою конуру, в одиночество. Не в свои сани не садись». Что же вышло такое. Не было у Розанова Мережковских. (И это я объяснил себе тем, что они не желают со мною встречаться после письма о сватовстве с Церковью, касающемся их.) Был Минский, производящий на меня впечатление напившегося паука, и еписк<оп> Антонин... И какой-то, черт его дери, студент в серой тулупке. В кабинете Василия Васильевича Варвара Дмитриевна, жена его, обратилась ко мне и сказала: «Евгений Павл<ович>, мой муж от вас в восторге. Вы такое ему озарение своими ответами даете!». На что я заметил, что «Вас<илий> Вас<ильевич> такой добрый, что свое приписывает мне!».

Когда шли в столовую, В. В. Розанов сказал вдруг, что «мы Вас (т. е. меня) женим!». Я с ужасом отнекиваться стал, сказав, что мне всего 22 года. Потом за чайным столом В. Вас. Розанов опять заявил, что «мы Вас женим», «у вас пренаивнейшие глаза!». Я опять с ужасом отстранился от этого намерения и заявил о недостатках средств и что я не должен покидать сестер и мать.

Вопрос перешел на сестер и в оскорбительном тоне, что нехорошо-де, что они дома все сидят и замуж не выходят.

Что женщина в 5 раз становится добрее, когда у нее является ребенок. («Вообще берегись!»)

Затеялись танцы. Я совершенно не способен танцевать. Глупо как-то. Скучал, не зная куда деться. Тут был еще известный священник Григорий Петров губошлеп.

Я с ним заспорил из-за Ивана Коневского, утонувшего поэта, уверяя, что он совсем не сумасшедший, а настоящий поэт. И о Врубеле как пейзажисте.

Петров самоуверенно апломбно уверял о «безумстве» Врубеля, сказавшемся в пейзажах.

Потом о водке я крайне резко с Петровым говорил против его «трезвости», которая беднее пьянства. В глазах Петрова я был сведен к нулю.

Но это меня не оскорбляло, а вот что В. В. Розанов при прощании сказал — это прямо-таки убило.

Дело в том, что Розанов во 2-ом часу ночи в прихожей вдруг спохватился: «Где этот наш рыжий студент: он поедет с нами кататься в белую ночь». Я сразу на попятный и говорю, что — «нет», «не могу: у меня дома беспокоятся».

И тут произошло самое неприятное. В. В. Розанов вдруг резко сказал: — А ну вас совсем: не хочу и прощаться — *надоел*.

Вот какое последнее слово ужасное и заключительное услышал я: и вместе с тем хорошо, что решающее.

Ухожу опять в свою конуру, как улитка в раковину, слишком сильно высунулся и сейчас же по «рожкам» улиточным попало, «надоел». Да, именно, я везде надоедаю, не сержу, не злю, не радую, а только надоедаю: как Манилов: сперва покажется приятным, а потом отойдет от него всяк и скажет «черт знает что такое».²

После этого инцидента 6-го мая я почти две недели не был у Розанова. И успел в этот промежуток написать ему письмо, где высказал печаль свою по поводу того, что «надоел». Там же я опять писал о Церкви и о Мережковском и о В. В. Розанове, возлагая надежды на то, что своею надоедливостью не помешал их единству в одном деле, приводящем всех к глубинам сокровенным в церковной мудрости еще с языческих времен.

В ответ на мои разглагольствования и самоуничужения получил письмо от Вас<илия> Вас<ильевича> 18 мая 1902 г. Он пишет следующее. И это было последнее письмо его ко мне.³ <...>

От этого письма я воспрянул духом, повеселел и запрыгал. Значит, еще «не надоел».

Спешу 19 мая к Розанову.

Звоню. После 3-го звонка отворили дверь и впустили. На вопрос, дома ли Вас<илий> Вас<ильевич>, ответ — дома. Только у нас гостей нет сегодня. На дачу собираются.

Но я все-таки вошел и сел в гостиной. Никого не было. Потом решительные шаги послышались из соседней комнаты, где была спальня Вас<илий> Вас<ильевича>, и вышел он.

Я не знал, как выразить ему свою признательность. Бросился к нему навстречу, желал обнять, но не решился и поник головой.

² Цитата из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (ч. 1, гл. вторая).

³ Опускаем здесь текст письма, поскольку оно публикуется выше по автографу.

Он успокоивал меня: «Садись, садись тут, сейчас чаю выпьем». Дайте чаю. Пьем чай.

В. В. Розанов, как бы продолжая свое письмо ко мне, говорит: вы напрасно так сближаете Христа, Мережковского и его (В. Розанова). Что здесь на Христе они расходятся. Что В. В. Розанов считает Христианство противоречивым семье и, по его, надо его устранить, а вернуться к древним Велесам и Ладам.

Я стал пытаться возражать, что не семейным кругом разрешается вся мировая трагедия и что в любви являются такие образы, которые кажутся противоположными семейному и брачному началу, по крайней мере в обычно<м> человеческом отношении. И сказал тут об Комиссаржевской Вер<е>, как ее образ представлялся мне в юношеской любви.

Розанов в «Ежегоднике театров» посмотрел на портрет Комиссаржевской и нашел, что у нее лицо «манерное» и деланное. Я огорчен был этим.

Тут раздался звонок и пришли еще гости. Это был<и> из Духовной академии двое: один «бледный» — это был Карташев, а другой «Розовый в очках», это был Успенский В. В. В<асилий> В<асильевич> смеясь указал мне на «Розового» и сказал, что наше «духовенство» настоящие «Велесы», хоть и говорят о христианском аскетизме.

Пришел Мережковский с Гиппиус. Опять за столом сидели так, как в первое мое знакомство с Розановым. Налево от меня Мережковский, направо Розанов. Я обратился к Мережковскому с извинением, что назвал себя «свatom». Он мне в ответ, что нисколько на это не обиделся и что у него был готов ответ, но теперь он забыл сам какой. Я спросил его о двух безднах, об «идеале Мадонны» и «идеале Содомском» по Достоевскому.⁴

А он мне в ответ, что «идеала Содомского» не существует.

Затем составляли письмо Плеве (министру внутрен<них> дел).

Мережковский дал мне прочесть письмо студента Фридберга Д. М. Я не мог разобрать почерк и ничего не понял. Сказать же об этом постеснялся, промолчав с глубокомысленным видом.

Потом спросил Мережковского, как трудно, должно быть, мои письма читать: ничего не понять? Мережковский в ответ:

«Нет, ваши письма ясны не всегда, но понятны».

Затем, когда зашла речь о том, что с Церковью делать, Розанов сказал, что Ее надо всю прочь, что православно, то и Церковь.

Мережковский повернулся ко мне и со смехом сказал: «Вот он что скажет?!».

Я отвечаю: «Неужели откинуть и ее „О Тебе радуется всякая тварь“?».

Мережковский: «Нет! все это будет, будет!».

В это время облака на горизонте совершенно разошлись, и на фоне зари силуэт церкви выступил черным остовом. Мережковский обратил внимание всех на это и сказал: «Мы вот тут говорим, а какая декорация за нами в окне».

Потом о браке и свободном союзе женщин с мужчинами.

В. В. Розанов говорил, причем склонялся к свободе половых отношений. Я спросил о ребенке, куда его деть, и затем сказал, что разделение по-

⁴ См. примеч. 109 к дневниковым записям.

лов есть результат появившегося зла, а не зло есть результат разделения полов. В детях же чувствуется, относительно конечно, половое единство. Мальчики и девочки так схожи по лицам. Это приближает их к божественному естеству Бога и ангелов.

Во время разговора о «свободной любви» В. В. Розанов обратился к другому Вас<илию> Вас<ильевичу> (Успенскому) «Розовому» из Духовной академии, сидящему рядом с Гиппиус и млевшему от ее близости: «Вы отсаживайтесь от нее, не надо, а то она сейчас всех в себя влюбит!».

А потом: «ну вот я возгорелся, почувствовал в себе Бога к ней (т. е. к Гиппиус), что же? Вы и ответите утвердительно».

Это было его возражение настоящее против легкомыслия решения вопроса о свободе полов.

Все, конечно, не утвердительно промолчали.

А Варв<ара> Дмитр<иевна>, жена Розанова, даже взволновалась:

— Вот Вас<илий> Вас<ильевич> всегда так, неровен, то он всего вот так обьмет, примет, а то вдруг оттолкнет. И Евг<ения> Павловича обидел прошлый раз, прощаться не захотел, «надоел» сказал. Он даже об этом письмо написал.

Вас<илий> Вас<ильевич> Розанов при прощании теперь расцеловал и сказал: «приходите осенью после „дачи“, я вас со своими детьми познакомлю».

Все гости сразу ушли в 2-ом часу от В<асилия> Вас<ильевича> и шли по Воскресенскому проспекту, провожая Мережковского и Гиппиус. «Розовый» Успенский шел под руку с Гиппиус, я с Мережковским. Жили они на Пантелеймоновской у Спаса Преображения.

Я спрашивал Мережковского о многом. Спрашивал, видит ли он в диске солнца как в нимбе лик Христа?

Мережковский в ответ: «Солнце-Христос это пантеизм!».

Я — «не солнце Христос, а Христос и в Солнце, как Пантократор».

Мережковский не возражал. Но указал на зарю утреннюю. Она разгоралась багряно и зловеще.

Спросил Мережковского, скоро ли он думает кончить своего «Христа и Антихриста» трилогию.

Мережковск<ий> — «через 5 лет».

Я — «у вас все-таки за это время будут изменяться взгляды».

Мер<ежковский> — «Да». Можно будет посмотреть, как они изменятся.

Я — «Ведь в „Юлиане“ и „Воскресших богах“ нет почти изменения в сравнении с тем, что мы читаем <в> работе его „Толстой и Достоевский“».

Мереж<ковский> — «Нет, изменения глубокие есть».

Я — О значении «обожания» или «обожения», вложенного в психологию людей особенно в юности. Что через это «обожание» открывают видимо и изображаются боги и Бог. И смена этих ликов Бога в истории выражается низвержением идолов и воскресение<м> богов и Бога в новых ликах и именах.

Что «обожание»-обожение связано с крыльями и полетом над безднами, потому когда изображали обожествленную природу и Бога в виде зверей, то зверей изображали «крылатыми».

Разговор шел хорошо, но под конец я к чему-то сказал про В. В. Розанова:

— «Дмитрий Сергеевич, ведь В. В. Розанов — язычник?»

Мережковский резко оборвал — «ну в таком случае и я тоже язычник».

Это было глубоко верно и полное мое непонимание глубин Розанова обнаружило.

Хорошо, что в этот вечер у Розанова не было В. А. Тернавцева, которого я с его смехом принимал за дьявола.

После этого наступил большой перерыв. Все разъехались по дачам, и собрания прекратились.

Я вернулся всецело в свою семейную жизнь.

Моя привязанность к старшему брату Александру Павловичу Иванову, бывшая с раннего детства, теперь еще более выросла и окрепла. Чувство глубокой благодарности ему за все, что он мне дал, давая направление в чтении и в интересах к журналам, таким как «Мир искусства», вызывало во мне еще жажду чем-нибудь угодить, порадовать его, ввести в тот круг людей, с которыми я познакомился и которыми интересовался и брат Саша. <...>

Летом много было передумано и записано. Я начинал пробовать писать, но неудачно, где старался писать, выходило тяжело и нудно обособленно. <...>

Осенью, приехав в город, я понес некоторое огорчение.

У Розанова не принимали по случаю продолжительной болезни жены Розанова. Эта болезнь была первым зловещим толчком в семейной жизни Розанова.

На Религиозно-философских собраниях В. В. Розанов был грустен. Жена свои болезни приписывала наказанию за грехи кощунства и противоборства Христианству, начавшемуся у Василия Васильевича.

Так до 1-го января 1903 года я и не бывал у них и у Мережковских бывал редко. Все неудачно приходил и не заставал.

В это время свои искания и выводы из недоумений я искал где бы проявить. В университете появилось объявление о «Христианском кружке учащейся молодежи». Этот кружок организовывался под руководством некоего Б. Никольского,⁵ когда-то еще раньше организовавшего в Университете кружок начинающих поэтов.

Этот кружок учащейся молодежи имел целью подорвать влияние новшеств интеллигентских в религиозных направлениях и основывался в противовес «Религиозно-философским собраниям или интеллигентским неохристианским течениям в них».

Я, конечно, вошел в этот кружок и принят был очень гостеприимно.

У меня была определенная цель — не злая, но стремящаяся своими вопросами и выступлениями подрывать основы этого кружка. Я познакомился с главными руководителями из молодежи в этом кружке, студентами Аникиным (будущим священником) и П. Верховским. У Верховского я

⁵ См. примеч. 184 к дневниковым записям.

был даже в доме и познакомился с его семьей. Его сестра была «сестрой милосердия» и была умнее и тоньше своего брата.

Отношение ко мне было симпатичное. Поили на собраниях всех даровым чаем; на Рел<игиозно->фил<ософских> собрания<х> за чай платили гривен<и>ики и пятачки. Мои выступления встречались очень сочувственно как возбуждающие волнения и заставляющие собрание делиться интересными.

Вопросы выставляемые составлялись остро и вызывали откровенные разговоры. Это привлекало и делало интересное дело. Но как-то все осталось в пределах интересности.

Я уже начинал сердиться и вести себя вызывающе, но все же умеренно. Кончилось это у меня не совсем-то красиво год спустя.

Я по неосторожности оставил соседу-студенту записку, что собрания эти ни к чему не ведут и что все это не то. Записка была передана по начальству, и меня исключили из собрания как замаскировавшегося новопутейца, желавшего сорвать дело. Получился скандал. Все произошло без меня. И мне Григ<орий> Петров свящ<енник> сказал только, что меня страшно ругали и чуть не послали вслед проклятие, которое, может, я и чувствовал.

Но я забежал несколько вперед.

А в это 1 января 1903 года я у Розанова был впервые познакомлен с его детьми: то есть то, что он весною обещал мне, исполнилось.

Тут в новый год и в день именин хозяина пришел П. Перцов, издатель «Нов<ого> пути», к которому все обращались с вопросами: «Скоро ли и когда выйдет первый номер этого журнала». И Перцов, глуховатый на ухо, терпеливо всем равномерно отвечал одно и то же, что в конце января. И многие условия двойной цензуры, светской и духовной, сильно затрудняют выход журнала вовремя.

Меня приглашали участвовать в этом журнале как умеющего писать. Это мне льстило и подзадоривало. Страсть как хотелось сделаться писателем. А как начнешь «писать» с намереньем «по-писательски», ничего не выходило. Но я все думал, что выходит.

И Розанову принес статью, где разбирал единство трех начал в семье, Материн<ского>, Сестри<нского> и Невестинск<ого>, и что они в чем-то в глубине едины, и сравнивал их с тремя грациями, троице<й>, которая выражала трех богинь древности, Гера-мать, Диана-сестра (девств<енное> начало) и Афродита-невеста жениха начало.

Розанову нравилось, это было в связи с его статьей «Афродита и Диана», но он куда-то рукопись потерял.

Перцов от себя звал меня в «Нов<ый> путь» из вежливости.

Я сделал попытку писать стихи о луне и соснах в лунном свете, где луну сравнивал с Женихом, называя — «подземным солнцем».⁶

⁶ Вероятно, именно это стихотворение он прочитал Блоку. Ср. в воспоминаниях Иванова: «...Ал<ександр> Ал<ександрович> хотел опять узнать, не пишу ли я стихи и как. Я наконец шепотом пробормотал свои „попытки“.

Уходили сосны в небо ночное,
Замирая в неге под лобзанием месяца,

Послал Перцову с просьбой не говорить никому, не показывать, а просто в случае неудачи послать ко мне. Так он и сделал. Я получил обратно свои стихи с пометой «не подходит». Это меня сильно ушибло.

Я написал тогда статью о храме и послал Мережковским.

Поднялся общий протест. Розанов, всегда стоящий за меня, тоже возмутился и сказал, что статья «клерикальная».

Гиппиус проходу не давала при встрече в Религиозно-философск<ом> собрании 9-го января и говорила мне: «Желаю вам быть меньше „православным“, в вас какой-то бес православия». Этот «бес православия» сильно меня уязвил и мучил.

Не могу припомнить, что я тогда им написал, что они так все восстали. Должно быть, я забыл, что говорю не в «Христианском содружестве учащ<ейся> молодежи», где и такое-то письмо показалось бы новшеством опасным.

Но, одним словом, совсем меня заклевали и прозвище «бес православия» с «серой голубицей» не сходило с уст особенно Зин<аиды> Ник<олаевны> Гиппиус.

Я тогда написал лично им письмо, где корил себя, что не сумел выразить, что хотел, и сыграл действительно роль беса, который отталкивает от Церкви, приглашая войти в нее, как бес. Привел тут свой сон, где мне снилось, что я борюсь с чертом, но он меня одолевает и душит за горло. Когда проснулся, увидел, что я сам себя душу за горло руками во сне. В этом я видел нечто очень значительное, что доказывало мою порочную чертовщину. В конце письма пишу, что хорошо, что еще беса вижу, а то хуже, когда не видишь в себе черта и незаметно с ним «акклиматизируешься».

Письмо произвело нежданно-негаданно фурор. Мережковский сам пошел и, крепко жмя руку, говорил: «какое вы замечательно<е> письмо написали. И как поразительно<но> это акклиматизироваться с чертом».

Зин<аида> Н<иколаевна> Гиппиус тоже не находила слов в похвалах. Письмо читалось всем их знакомым.

Между тем уже выходил 2 № февральский «Нов<ый> путь», а ни одной вещи, написанной мною, не появлялось. Приготовлял<ся> уже 3<-й> выпуск мартовский, и там то же. Я грустил, ибо уже заражен был зудом и надеждой стать писателем. Мечтал писательством, не оканчивая университет, не поступая на службу, зарабатывать на существование. Эти мечты пагубно действовали на меня. Из попыток писать как писатель ничего не выходило. Если и писалось что<-то> более интересное, так нечаянно в письмах, а не в «произведениях».

В марте месяце приглашен был на вечер открытия «Нового пути» с чаепитием и угощениями.

Приглашение почетное.

Помещение было где-то на Невском у Надеждинской.

От него ревнивые меня заслоняли,
На землю длинные тени бросали.

Уже бормоча их, я видел, что плохо. Я твердил, что они совсем непонятные. Блок, напротив, удивлялся, что тут непонятного, но удивлялся также, видимо, их бездарности и короткости) (А. Блок и Е. Иванов. Переписка. Воспоминания. М., 2007 (в печати)).

На этом собрании вечернем произошло то пожелание Д. С. Мережковского, которое он высказал при первом моем посещении его, а именно — «Вам надо познакомиться с Блоком». ⁷ <...>

Я пришел сравнительно поздно, не к началу, и застал всех сидевшими за столом. У самовара сидела как хозяйка вечера З. Н. Гиппиус, разливая чай, рядом с ней за углом Ал. Блок. Я сразу понял, что это он по той значительности.

У меня было не совсем доброжелательное отношение к Блоку. Меня обижало, что в противовес мне советовалось постоянно знакомство с Блоком со стороны Мережковского и Гиппиус. Фамилия мне тоже ничего не говорила. И почему, казалось мне, так нужно знакомство с поэтом Блоком, я свои задания считал не в поэзии. Но когда я увидел лично лицо Блока, то сразу весь привлекся к нему и желал сам как можно теснее сблизиться с ним.

Меня посадили рядом с ним. Он в это время говорил с соседкой своей Т. Н. Гиппиус по поводу альбома ее рисунков. По другую сторону с Гиппиус сидел почтенный Ф. Сологуб-Тетерников маститый. <...>

Сам Мережковский был не в ударе, у него болели зубы, и он с бледно-искаженным лицом больше молчал.

Был тут Репин, как сотрудник «Нов<ого> пути» необычайно сочувственно глядевший на молодежь и готовый идти навстречу исканиям. Но Репина рас<с>траивало присутствие представителей журнала «Мир искусства» с А. Бенуа во главе. Был Дягилев, худож<ник> Сомов, Бакст, компания «Мир искусства» держала себя обособленно от Репина. С Репиным больше говорил Розанов и Мережковский. Последний, видимо, томился, что ему выпало на долю занимать знаменитость.

Бенуа разговаривал с Гиппиус, со мной и Вилькиной Изабел<лой> Афонас<ьевной>. ⁸ Я говорил А. Бенуа о впечатлении от его декораций к «Гибели богов» Вагнера на Мари<и>нской сцене. Он жаловался, что не пускают света в той мере, какую он желал. И признавался, что лучше всего ему самому понравилась сцена с факелами при созрении Зигфрида. ⁹

Вообще как всегда А. Н. Бенуа был прост, любезен и крайне симпатичное впечатление производил. Но неприятно было его подсмеивание над Репиным, он вздыхал, глядя на него и подсмеиваясь, показывал, что все, что тот ни скажет, выходит глупо. Мне было неловко. <...>

На тех же вечерах у Розанова познакомился я еще с молодым студентом Ге Николаем Петровичем, внуком знаменитого художника Ге. Он моложе был меня года на три и уже выступал с критически-художественными статьями в «Мир искусства». <Его^a> ближайшим другом и отчасти воспитателем его вкусов был художник Яремич, ¹⁰ один из видных участников «Мира искусства».

^a В автографе: я.

⁷ Ср. в воспоминаниях Иванова о Блоке (Блоковский сборник. [Сб. 1]. С. 362).

⁸ Речь идет о поэтессе *Изабелле (Людмиле) Николаевне Вилькиной* (1873—1920), в замужестве Виленкиной, жене Н. М. Минского.

⁹ Ср.: *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. Кн. 4—5. С. 375.

¹⁰ *Яремич Степан Петрович* (1869—1939) — художник, искусствовед.

Этот молодой студент с розовыми щеками и детскими глазами производил на первый взгляд странное впечатление своей не вяжущейся с общим обликом саркастической улыбкой. В глазах была почти всегда детско-гениальная грусть или усмешка (смеяться он не умел). И только во время сильного возбуждения глаза горели возбужденным огнем чего-то решительно-го, от чего можно было ожидать и смелого подвига.

К Розанову он относился с большим вниманием и уважением, к Мережковскому же предубежденно заранее, всегда саркастически.

Когда Мережковский, подавая руку всем по рассеянности, второй раз подал Ге руку, он саркастически улыбнулся и сказал: «да уж я получал вашу руку» с таким выражением и насмешкой в голосе, как будто хотел сказать: «уж я имел эту милость от вас». Мережковский за эту насмешливую улыбку не любил Ге.

Ко мне Ге очень приблизился, мы к тому же были соседи по домам, и он часто заходил ко мне, а потом и я у него стал бывать.

Блока Ге уважал и ценил, но говорил, что он его боится, «Блок строгий».

Ал. Блок «не очень-то» долюбивал Ге. Он ему казался скучным, и у него он никогда не был.

17 марта 1903 года я был у Мережковского. Встретили очень приветливо. Я рассказал ему о своих мыслях по поводу страдания, переживаемого людьми, называя это «Голгофою» мира. Основною мыслью была та, что в страдании от чего бы то ни было есть нечто, искупающее вину и, следовательно, сверхчеловеческое, светлое. Почему так? И я объяснял тем, что в страданиях своих человек не один, а с Богом страдает и через страдание приобщается Страдающему за нас Богу. Т. е. через страдания от боязни, от утерь любимых людей, от кажущихся жестокостями судьбы человек делает великое дело приобщения к Богу, страдающему за нас и в нас, и участвует с Ним в искуплении и в муках рождения из тварного в нетварное свободное существо.

Мережковского заинтересовала эта новая концепция Голгофы, и он настаивал, чтоб я изложил ее и принес ему *написанной*.

Я принялся писать, начиная текстами из Иова книги главным образом и уснащая местами из стихов Мережковского и других, также из переводов греческих трагедий.

Вся эта «Голгофа» пришла мне в голову по поводу страдания от астмы моей сестры Мар<ии> Павл<овны>. Она, месяцами лежа в постели, переходя от одного припадка к другому, окончательно изнемогала и вырывалась из сколько-нибудь жизненной жизни. Надо было как-нибудь осмыслить это как бы бессмысленное страдание, и я старался и писал.

Писал последний раз, заканчивая с 4-го на 5 апреля в Страстную Пятницу на Страстную Субботу.

И мне, писавшему ночью и слышавшему звон колоколов при совершении ночного «Погребения Христа», казалось, что мы в страданиях с Ним сходим в ад для следующ<его> дня Воскресения. В таком настроении и в большом подъеме, с новым пониманием Голгофы и схождения в ад, я понес свою написанную Голгофу Мережковским.

Меня встретили очень приветливо. Мережковский лежал на кушетке, с ним сидел его докто<р> и Зин<аида> Ник<олаевна> Гиппиус. Последняя

спросила меня: «да вы разве не знаете, что случилось с Дм<итрием> Сер<геевичем> (Мережковским)?».

— Нет, — говорю. — Ничего не слышал.

— Я, — полушутя говорит Мережковс<кий>, — в ад снишел?!

Так как это же самое у меня было в голове по поводу писания «Голгофы», очень для меня мучительной, то я и говорю — «Я тоже сегодня ночью писал Голгофу».

А Мережковский в ответ:

— Да нет! Я по-настоящему провалился в преисподнюю... Ужас!

— Как так? — не понимаю я, что в каком смысле провалился, куда?

Тут Зин<аида> Ник<олаевна> Гиппиус подробно объяснила, что случилось.

Были они на Страстной неделе (верно в начале) у митрополита Антония на совещании по поводу Религ<иозно->филос<офских> собраний. Антоний очень симпатизировал Мережковскому и новому в пробуждающемся сознании; когда ему удалось провести законодательное постановление об отмене названия «незаконнорожденные дети», заменяя другим названием «внебрачные», что было в то время большим новшеством, митр<опо-лит> Антоний прислал Розанову письмо с благодарностью, что благодаря его статьям возможно было провести хотя бы это малое изменение в общественно-церковном сознании.

Мережковского же слушая, он так подпадал под впечатление его манеры говорить, что невольно, заслушиваясь, соглашаясь с тем, что по уставу церковных неканонических правил он не должен был соглашаться. Потому он немного боялся наедине говорить с Мережковским, и с ним были те, которые находили бы способность дельно возражать на доводы Мережковского.

Но вот, выйдя из квартиры митрополита в компании присутствующих там, Мережковский каким-то непонятным образом вдруг на площадке споткнулся и, перелетев через перилы с саженной высоты, провалился в люк, закрытый матовыми стеклами, бывший внизу лестницы.

Крик общего ужаса.

Мережковского извлекли из подвала: он был в крови, порезавши руки и ноги о стекла люка. Его на носилках в карете препроводили домо<й> и внесли на носилках в квартиру. Вызванный доктор промыл раны от стекол и диву давался, как не поломал себе рук и ног Мережковский: объясняя последнее необычайной легкостью его телосложения. Теперь всякая опасность миновала, и все обошлось удивительно благополучно. Но странно так вышло, это было последнее посещение митрополита Мережковским. С лета началось явное расхождение по требованию властей придержащих в лиц<е> К. П. Победоносцева и других.

На праздниках Пасхи я не был у Мережковских из деликатности. Т. е. я не хотел навязываться на христосование со мною особенно З. Н. Гиппиус.

14-го апреля пошел. Мережковский мою «Голгофу» еще не читал, и когда я ему ее прочел, а читал я всегда плохо, то он был разочарован, сказал, что прежде всего она совсем «нецензурна» и поместить в «Нов<ый> путь» ее нельзя. Потому предложил ее прочесть в тесном кружке редакции «Нов<ого> пути» 25 апреля и сказал, чтоб я привел своего старшего брата Сашу (А. П. Иванова), чему я был несказанно рад как удобному случаю по-

знакомить его со всеми и ввести его в тот культурный круг, главн<ым> образом «Мира искусства», которым брат очень интересовался и ценил.

25 апреля действительно состоялся вечер в помещении редакции журнала «Нов<ый> путь», где я и прочел свою «Голгофу». Был там с братом моим Сашей. Читал в присутствии Мережковского, Розанова, Сологуба Ф., З. Н. Гиппиус, худ<ожников> Сомова, Бакста, двух сестер Гиппиус Т. Н. и Н. Н. и Минского. Еще кто-то был, как будто Карташев, но не уверен.

Читал отвратительно, всех измучил: Розанов не возражал, но видимо был против. Мережковский не защищал. Сологуб Ф. (Тетерников) насмешливо спрашивал З. Н. Гиппиус про меня: «это образец ваших свеженьких студентов». Кто-то серьезно возражал, что надо быть выше страданий.

Я чувствовал полный провал и готов был совсем расстроиться. Но тут меня отвлекли сообщением, что мне необходимо пойти к студенту Фридбергу Д. Н., что он прислал Мережковским письмо, и они боятся за него, как бы он со своими «восторгами» не кончил бы самоубийством. Просили завтра же утром пойти к нему, уверяя, что будто я только (почему?) смогу на него повлиять и удержать от безумного поступка. Адрес сказали Фридберга на 8-ой Рождественской, но не точный.

Лучшим и самым важным для меня критиком оказался брат Саша, который сразу уловил самое существенное и, несмотря на плохую передачу, оценил, что тут было важно: да и не мудрено, ведь оба мы были так глубоко и кровно связаны.

Он доволен был, что со всеми познакомился, и все его звали посещать их и «не забывать».

Минский неприятно все обращал внимание на мои «наивные» глаза и золотистые волосы.

Блока на докладе не было.

На другое утро я решил во что бы то ни стало проникнуть к Фридбергу, которого я в лицо никогда не знал, боясь, что промедление мое может действительно быть роковым. Тот заочно высказывал ко мне какое-то доверие, сам меня ни разу не видя.

Поиски мои оказались тщетными. Я не нашел ни дома, ни квартиры Фридберга и в полном расстройстве вернулся домой.

Рас<с>троился я еще от того, что из-за этих-то пустых поисков не был на похоронах нашей общей любимицы старушки, подруги Бабушки, Мамы и нас, «тети Оли». Ольги Петровн<ы> Любимовой.¹¹

¹¹ Ср. о ней в воспоминаниях 1936 г.: «...возникает в памяти образ „тети Оли“, Ольги Петровны Любимовой, старой девушки лет шестидесяти пяти. Она, несмотря на свой возраст <...> обладала необычайно ясной памятью, умом и справедливостью в суждениях. Носила круглы<е> дымчаты<е> очк<и> и имела вид весьма мужественный. <...> Это была старейший друг нашего дома. Сперва бабушки А. А. Шальгиной, пот<ом> Мамы, потом Клипы и Мани.

Бабушке она писала в альбом влюбленные стихи, обожал<а> ее. С Мамой разделял<а> ее горе во время первог<о> замужества ее. <...>

Она играла огромну<ю> роль в воспитании Клипы.

У нее было дарование подходить к детям, входить в их интересы, детей вводить в свои интересы. Отношение к детям у нее было не свысока наставническое, а как себе равному другу, как взрослому человеку, умеющему понять ее, как она понимает.

Понятно, что с детства устанавливалось глубокое уважени<е> и любовь к этой „тете Оле“» (ИРЛИ, ф. 840).

С ней в общежитии, где она жила, случился удар 20-го апр<еля>, а 24-го она скончалась. Я так и не узнал, где ее похоронили. А любил ее по-настоящему и в эту еще Пасху был у нее в гостях и рассказывал, что познакомился с писателями. Показывал книгу Розанова, где он сделал надпись «Глубокоуважаемому и почтенному Евг<ению> Павл<овичу> Иванову от автора». Это «почтенный» О. П. Любимовой очень показалось некстати, совсем я не имел вид «почтенного». <...>

Потом началось лето и все <разъехались>.

Но перед разездом на дачи брат Саша был на выставке в домике Петра I-го в Летнем саду и встретил там Мережковских. Они его узнали, были очень приветливы, любезны и просили кланяться мне и зайти к ним. Они уезжали на днях. Знакомство с Сашей, братом моим, значит, состоялось основательно. Я был ужасно этому рад, потому что меня все время мучило то, что я один познакомился с литературными кругами, тогда как Саша, несравненно меня культурнее и умнее и более умеющий говорить, — остался без знакомств литературных.

Мама, услышав, что Мережковские просили Сашу кланяться мне, удивилась и спросила: «да разве ты, Саша, знаком с Мережковскими». И ей польстило, что они даже мне велели кланяться и заходить. <...>

Летом я с братом Сашей ездили во Псков посмотреть «старину». И опять нам вдвоем было очень весело. Я страстно любил езду на поезде; любил высовываться из окошка вагона и вдыхать свежесть полей и лесов. И опять нам во Пскове, как и прошлый год в Новгороде, встречные улыбались, глядя на наши лица.

А все-таки за все лето ничего путного я не написал для «Нового пути». Но меня страшно увлекала идея «Медного Всадника», связанна<я> с наводнениями Петербурга. Этот образ Медно<го> Всадника связывался у меня с образом Демона «Мятежного, ищущего бури, как будто в бурях есть покой».¹²

Эти слова Лермонтова, сказанные о парусе, я всецело относил к образу Демона и к «Медн<ому> Всаднику», в бронзовой фигуре которого, взлетевшей на скалу, как на гребень волны, я чувствовал нечто захватывающее, нечто взлетевшее над бездной.

Есть упоение в бою
И в бездне мрачной на краю.¹³

Образ Медного Всадника связывался у меня с бурей и революцией. Под простертой дланью Всадника поднимаются бурные воды и народы. «Мятежный ищет бури». Буря связывалась с морем, надвигающимся на город Всадника. В этом движени<и> бурного моря на город я находил особый смысл, особое предназначенное свершиться в городе действие, которое откроет нечто, некое освобождение из какого-то плена. Писал об этом много и бестолково. Ездил в бурную погоду на пароходике на косу Морского канала любоваться бурным морем и обливаться на пароходике водою разбивающихся об него волн, особенно при завороте из Невы в Море.

¹² Цитата из стихотворения Лермонтова «Парус».

¹³ Цитата из «маленькой трагедии» Пушкина «Пир во время чумы».

В эту осень я все старался стать писателем. Дело шло плохо. Но на одном мне повезло. Я написал маленькую заметку «О спящих от печали». Взят был психологический момент, когда человек, опечаленный каким-либо горестным событием, в самый критически<й> момент, когда надо бодрствовать, вдруг засыпает от печали. Этот момент был взят из места в Евангелии, где ученики в саду Гефсиманском заснули как раз в момент, когда фарисеи брали преданного Христа.¹⁴

Статья понравилась всем, и ее поместили в «Нов<ый> путь»,¹⁵ но только в отделе «частная переписка»: за статьи, помещенные там, ничего не платили. Редакция была бедная, и журнал насчитывал только около 2-х тысяч подписчиков. <...>

¹⁴ Мф. 26: 43; Мк. 14: 40; Лк. 22: 45.

¹⁵ Новый путь. 1903. № 10. С. 170—173.